

В. В. Буряк

**Ноосферогенез,
глобализация
и
современное
информационное общество**

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2014

УДК 504.75.06:316.422.44:316.77

ББК 87.523.2

Б 919

*Рекомендовано к печати учёным советом
Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
(протокол № 9 от 25 сентября 2014 года)*

Рецензенты:

Д. С. Берестовская – доктор философских наук, профессор;

А. В. Горбань – доктор философских наук, профессор.

Буряк В.В.

Б 919 Ноосферогенез, глобализация и современное
информационное общество : монография / В. В. Буряк. –
Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2014. – 220 с.

ISBN 978-617-648-321-2

В монографии рассматривается природа глобального перестроения мира в условиях ускорения ноосферогенеза на основе продвинутых информационных технологий. Очевидно, что технотехнический прогресс не только изменяет параметры ноосферы, но также создаёт множество дополнительных рисков для человеческой цивилизации. Радикальное увеличение ресурсной базы технологического и научного потенциала неизбежно ведёт к преобразованию биосферы, человека и общества. Основная идея работы – показать объективный характер ноосферных трансформаций, выделить исторически обусловленный процесс глобализации и определить значение информационных технологий в современном мире.

УДК 504.75.06:316.422.44:316.77

ББК 87.523.2

ISBN 978-617-648-321-2

© Буряк В.В., 2014

© ИТ «АРИАЛ», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
-----------------------	----------

РАЗДЕЛ 1

НООСФЕРОГЕНЕЗ КАК БАЗИС ТЕХНОНАУЧНОГО ПРОГРЕССА

Ноосферогенез и объективный характер естественно-исторического процесса формирования биосферы.....	9
Энцефализация как феномен биологической эволюции	11
Научная мысль – планетарное явление	13
Ноосферогенез и риски ускоренного техногенеза.....	21
Ноосферология и стратегическое планирование	24
Этимологические акценты ноосферных исследований.....	27
Методологические подходы спецификации учения о ноосфере	29
Ноосферология: специфика исследований	37
«Ноосфера» как синтетическое междисциплинарное понятие	40
Ноосферогенез 1.0	44
Ноосферогенез 2.0	45
Высокие технологии как значимый фактор ноосферогенеза	48
Выводы.....	50

РАЗДЕЛ 2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП НООСФЕРОГЕНЕЗА

Естественно-исторический характер глобальных трансформаций	53
Глобализация: методологический историцизм.....	57
Глобализация истории: мир-системный анализ.....	59
Глобализация: эволюционный подход Джорджа Модельски	63
Глобализация: методологический позитивизм.....	64
Глобализация: движение от модерна к постмодерну.....	66
Глобализация как результат конфликта цивилизаций	68
Вестернизация: «глобализация сегодня»	71
Глобализация: эпистемологический захват.....	74
Производство глобального	78
Глобализация: объективные противоречия и «благие намерения»	83
Ускорение глобальных трансформаций: Интернет, социальные сети и планетарная мобилизация	86
Глобализация как объект социальной теории.....	90
Интерпретация глобальных трансформаций: основные подходы	96
Дебаты о глобализации.....	100
Концепт «глобализация» как предмет междисциплинарных дискуссий.....	102

Феномен глобальных трансформаций: на пути к междисциплинарности.....	111
Выводы.....	114

РАЗДЕЛ 3

ИНФОСФЕРА – УСКОРЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Глобальное гражданское общество в контексте информационной революции.....	117
Специфический характер информационной революции.....	119
Информационная составляющая постиндустриальной цивилизации.....	124
Параметры информатизации.....	127
Информационное общество: социум нового типа	131
Интернет-революция: социокультурные импликации	135
Киберкультура.....	147
Феномен сетевого общества.....	151
Социальные сети в глобализирующемся мире.....	163
Планетарная мобилизация	169
Социология сетей: вызовы адхократии	180
Выводы.....	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	187
ЛИТЕРАТУРА	193

ВВЕДЕНИЕ

Комплексные противоречия современной цивилизации являются серьёзным вызовом для каждого индивидуума, социальных групп и государств. Глобализация, её социокультурная значимость и мера ответственности ключевых акторов в отношении планетарных проблем представляют важное направление исследований. Для понимания причин, противоречий и следствий современных глобальных трансформаций необходимо рассмотреть разноуровневые процессы в более широком контексте. Таковым является ноосферогенез в естественно-историческом, биосоциальном и техно-научном измерениях.

Продуктивное изучение глобализации как комплексного объекта определяется тремя взаимодополнительными факторами: эволюцией ноосферной реальности, глобальными трансформациями и ускоренным формированием информационного общества. В представленном исследовании выделены ключевые темы: ноосферогенез, глобализация и инфосфера. Очевидно, что на протяжении последних десятилетий происходит глобальное переформатирование современного мира за счёт ресурсов продвинутых информационных технологий. Высокие технологии не только оптимизируют и ускоряют ноосферное развитие, но также порождают множество рисков для становления человеческой цивилизации. Экспоненциальное возрастание технаучного потенциала неизбежно влечёт за собой радикальное преобразование общества и биосферы. Эволюция ноосферы носит объективный, исто-

рически обусловленный характер. Ноосферогенез, глобализация и высокие информационные технологии взаимосвязаны и взаимодополнительны.

Структура книги определена презентацией теории ноосферогенеза и последовательностью этапов его объективации. Текст состоит из введения, трёх разделов и заключения. Тематизированные разделы сфокусированы на значении ноосферогенеза для появления глобализации и формировании инфосферы.

Во Введении представлена общая диспозиция исследования: выделены ключевые темы, экспонирована проблематика книги, показан объективный характер эволюции ноосферогенеза, реальные основания логики глобальных трансформаций и представлен динамический потенциал инфосферы. В концептуально и методологически артикулированном разделе «Ноосферогенез как базис технонаучного прогресса» презентован эпистемологический каркас, благодаря которому выделен широкий контекст для понимания существа современных глобальных трансформаций. Во втором разделе «Глобализация: современный этап ноосферогенеза» рассмотрена историография проблематики глобальных исследований, представлены основные методологические подходы и социально-исторический контекст для комплексного изучения потребительского общества. В третьем разделе «Инфосфера – ускорение коммуникативных процессов в глобальном мире» доказывается, что информационные потоки в планетарном масштабе становятся ключевыми драйверами глобализации. Информационная сфера объективно трансформирует парадигму высокотехнологичного общества, стимулирует цивилизационное развитие и во многом определяет пути самосовершенствования человека. Интенсификация высокотехнологичной коммуникации на основе социальных се-

тей и мобильной телефонии – ключевая причина ускорения планетарных трансформаций и продолжения ноосферогенеза. Информационные технологии являются значимым триггером ускорения глобальных трансформаций, которые, в свою очередь, детерминированы объективной эволюцией ноосферогенеза. В Заключении показана каузальная взаимосвязь ноосферных трансформаций, глобализации и планетарной информатизации. В результате исследования со всей определённости обнаруживается, что ноосферогенез, глобализация и планетарная информатизация являются тремя взаимодополнительными составляющими частями техно-эволюции человеческой цивилизации.

Космос, биосфера и человеческое общество эволюционируют во времени, поэтому для понимания логики ноосферогенеза широко используется исторический подход. Исходя из принципа единства мира, мы воспринимаем ноосферу, глобальные трансформации и инфосферу как взаимодополнительные явления. Релевантный понятийный аппарат исследования позволяет выделить актуальные проблемные поля классического учения о ноосфере. Наиболее важная эпистемологическая функция ноосферологии как современного учения о ноосфере – прогнозирование событий в горизонте научно-технологической революции. Поэтому понимание природы ноосферогенеза, эко-биосферные детерминации и новые тенденции глобализации помогают постигнуть цивилизационные «бонусы» и риски, а также перспективы развития инфосферы. Ссылки на современные академические ресурсы подтверждают экспертную компетенцию автора в области изучения ноосферной реальности.

Раздел 1

НООСФЕРОГЕНЕЗ КАК БАЗИС ТЕХНОНАУЧНОГО ПРОГРЕССА

Ноосферогенез и объективный характер естественно-исторического процесса формирования биосферы

Трансформация ноосферы в условиях биосферы – весьма длительный исторический процесс, и здесь для обнаружения истинного положения дел необходимо обобщить данные космологии, биологической эволюции, нейрофизиологии, антропосоциогенеза, лингвистики, когнитивных наук, истории научно-технического прогресса. В ходе развёртывания ноосферогенеза можно выделить биологический этап (энцефализацию *homo sapiens*) и технонаучный – внедрение в рациональную деятельность людей высоких технологий, главным образом информационных. Непрерывный процесс энцефализации у животных (опережающий рост мозга относительно массы тела) – результат сугубо биологической эволюции. Наибольшие успехи в этом направлении были достигнуты гоминидами, и видом *homo sapiens* в особенности. Биологическая энцефализация фактически остановилась в последние 50-30 тысяч лет. Но в течение финальных двухсот лет значительно активизируется научно-техническая деятельность, как показал Вернадский (Вернадский, 1991; Вернадский, 2001). Биологическая эволюция мозга сегодня уже заметно

отстаёт от скорости технологических революций, которые создают условия для значительного апгрейда природного интеллекта за счёт новейших технологий.

Ноосферная реальность формируется благодаря интенсивной работе человеческого головного мозга, коллективным, целенаправленным действиям людей и постоянным техническим изобретениям. В пределах биосферы, сформировавшейся задолго до существования *homo sapiens*, появились: антропосфера, техносфера, семиосфера, инфосфера и ноосфера. Эти «сферы» были образованы разумной человеческой деятельностью.

Историческая эпоха доминирования культуры охотников и собирателей длилась в 1000 раз продолжительнее, чем период аграрной, индустриальной и постиндустриальной эпох вместе взятых. Первые аграрные общины начали возникать около 10 тыс. лет назад. Но уже через 5 тыс. лет более половины населения Земли использовали аграрный труд. Около 200 лет назад, после изобретения паровой машины, началась индустриальная революция в Западной Европе. Её результаты впечатляющи и сегодня очевидны во всех регионах глобализированного мира. Пятьдесят лет назад в западных странах произошла компьютерная революция. Ну а Интернет-революция начала своё планетарное победное шествие двадцать лет назад. Биотехнологическая и нанотехнологическая революции заявили о своём существовании совсем недавно. Экспоненциальное восхождение технонаучной цивилизации, движимое законами ноосферогенеза, несёт не только безусловные блага для человечества, но также содержит множество рисков для окружающей среды и для биологической эволюции самого человека.

Энцефализация как феномен биологической эволюции

Локальные ноосферные эффекты могли проявиться только в условиях появления разумных существ и устойчивой знаковой коммуникации между ними. Разумная планетарная деятельность – непереносимое онтологическое основание формирования ноосферы.

Эффективная работа интеллекта непосредственно зависит от функционирования головного мозга *homo sapiens*. Энцефализация – это результат длительной биологической эволюции видов (Sher, 2012). Наиболее важным моментом в процессе появления и развития продуктивного мышления *homo sapiens* оказался процесс ускоренного увеличения массы головного мозга по отношению к увеличению массы тела. В физиологическом аспекте мозг – это один из внутренних органов, наряду с печенью, почками, сердцем, лёгкими и т. д. Однако его значимость для работы всего организма гораздо важнее отдельных функций других органов.

Как показывают исследования в области нейроразвития, количество генов, отвечающих за формирование различных функций нервной системы, и мозга в особенности, на эмбриональной стадии развития организма релевантно работе более чем 80% генов ДНК. Нейроразвитие мозга коррелирует с развитием основных генетических параметров вида *homo sapiens* (Cagnoni, Lutton, Olague, 2007). Это значит, что трансформация нейрофизиологической сферы – наиболее важный фактор для оптимизации ключевых механизмов выживания млекопитающих животных. В особенности этот закон справедлив для вида *homo sapiens*. Человеческий мозг потребляет в среднем от 10 до 25 процентов энергетических ресурсов

нашего тела (в зависимости от сложности интеллектуальных задач). При этом отметим, что около 20% потребляемого телом кислорода необходимо организму для полноценного функционирования головного мозга. Составляя 1/50 веса тела, мозг человека потребляет 25 % калорий и 20% кислорода, что говорит о стратегической важности интеллектуальной деятельности.

Вопрос о комплексной эволюции человеческого мозга дискуссионен, поскольку у палеоантропологов до сих пор нет ясной картины динамики развития этого органа. Объём мозга у *homo sapiens* за последние 100 000 лет уменьшился (по разным подсчётам) на 100-150 грамм. Однако фактическая база этого уменьшения – вопрос дискуссионный. У палеоантропологов нет не только рациональных объяснений этого феномена, но и объективных данных, поскольку мозг не сохраняется в «натуральном виде». Более того, количественные параметры сложнейшего органа не могут однозначно определять функциональные характеристики. Мозг – это эволюционно сформировавшийся внутренний орган тела. Но даже если какие-то нейрофизиологические изменения за последние десятки тысяч лет и происходили, то у нас нет объективных данных об интеллектуальных эффектах этих трансформаций. Косвенным образом о результатах эволюции мозга может свидетельствовать социокультурная и технологическая эволюция.

После начала креативного взрыва, произошедшего 50 тысяч лет назад, формируется устойчивая языковая коммуникация, усиливается роль «технического разума» в организации социогенеза. Исторический этап эволюционно детерминированного увеличения мозга, ещё не усиленного высокими технологиями, обозначим как *Ноосферогенез 1.0*.

Начало ноосферогенеза обусловлено эволюционными механизмами, высокими адаптивными способностями энцефализированных животных. «Жизненный успех» вида в целом обеспечивался высоким уровнем биологической энцефализации за счёт стремительного увеличения веса мозга. Значительные преимущества конкуренции *homo sapiens* по сравнению с другими млекопитающими были достигнуты благодаря эффективной работе интеллекта, что непосредственно зависело от функций головного мозга.

Научная мысль – планетарное явление

Ноосферогенез ускоряет биосферные процессы, – утверждал Вернадский в многочисленных исследованиях в разных областях естествознания на протяжении первой половины XX века. Качественно новое состояние биосферы, по его наблюдениям, проявляется не сразу, а в ходе биологически обусловленной энцефализации вида *homo sapiens* (благодаря ускоренной эволюции человеческого мозга). При этом каждый следующий этап ноосферогенеза отличается возрастающей интенсивностью благодаря использованию интеллекта, технических средств, организационных принципов, технонауки и высоких технологий.

В результате ускоренной интеллектуальной эволюции происходит трансформация окружающей среды, биосферы в целом, социума, что в ближайшей перспективе оборачивается изменением базовых антропологических характеристик. Благодаря научно-техническому прогрессу имеет место неуклонная и стремительная эволюция ноосферной реальности. Планетарные эффекты ноосферогенеза мы наблюдаем опосредо-

ванно, например, в качестве интенсификации технологических и экономических трендов глобализации. Ноосферное мышление как способ современной системной рефлексии механизмов глобальных трансформаций становится важнейшим принципом прогностически ориентированного мировоззрения.

В монографическом исследовании В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» раскрываются предпосылки появления ноосферогенеза как неизбежного результата энцефализации и целерациональной преобразовательной деятельности людей. Научно-технологический прогресс, целерациональный труд, преодоление витальных потребностей превращают человечество в значимую геологическую силу, возрастающую благодаря работе интеллекта (Вернадский, 1991).

Ноосферное мышление основано на презумпции объективного знания о мире, действительности высокотехнологичных способов кардинального изменения окружающей среды. Ноосферология – наука с огромным прогностическим потенциалом, что позволяет выяснять, как устроен мир, и помогает целенаправленно изменять его. Для объективного знания о ноосфере необходимо прежде всего выделить устойчивые параметры ноосферной реальности, доказывает А. Д. Шоркин (Шоркин, 2013).

Существование человечества и траектория эволюции современной цивилизации непосредственно зависят от качественного состояния биосферы, от баланса геофизических, энергетических и экологических параметров. Любые существенные изменения геоэкологических условий бытия живых организмов в глобальном масштабе влекут за собой позитивные или негативные следствия для развития всего человечества. Если люди фундаментально изменяют ландшафты, то

неизбежно преобразуется также экологическое окружение (Багров, 2001).

В природе закон сохранения энергии работает всюду объективно, вне связи с желаниями человека. Любое материальное действие вызывает соразмерное ему противодействие. Понимание взаимодополнительности природных изменений в ноосферном контексте помогает избежать ошибок – в том числе и таких, которые могут быть непоправимы. Часто в погоне за очевидной эффективностью, высокой прибылью, быстрым коммерческим успехом учёные, инженеры, предприниматели забывают о жёсткой взаимозависимости событий и явлений. Это нередко приводит к возникновению «рукотворных» глобальных опасностей и в перспективе – к планетарным катастрофам. Авария на нефтяной платформе в Мексиканском заливе весной 2010 года очередной раз подтверждает тезис о том, что природа, как и человек, не должна быть только средством достижения сиюминутного благополучия.

Преобладание инструментального мышления, количество высокотехнологичного транспорта и коммуникаций в современной цивилизации неуклонно возрастает (Буряк, 2011е: 366-370). Таков закономерный результат расширения ноосферной активности. Научно-техническая составляющая определяет характер трансформаций ноосферной реальности, – а также деформации биосферы. Актуально ограниченная специализация знаний ведёт к потере целостного представления о мире, что сегодня характерно в сфере науки и техники.

Феномен взаимосвязи неорганической, органической и ментальной реальностей, их взаимодействие и взаимовлияние привлекают всё больше внимания учёных. Ноосфера является органической составляющей биосферы, показывают Назаров (Назаров, 2000) и Наумов (Наумов, 2002). В условиях постиндустриальной цивилизации государствам, корпораци-

ям и гражданам необходимо поступать так, чтобы не нарушать баланс между биосферой и ноосферной динамикой. Нельзя допускать «случайностей», необратимых воздействий на природу в связи с ускоренным технонаучным прогрессом. Эффективная деятельность в условиях быстро меняющейся ноосферной реальности возможна только в том случае, если компетентность дополняется и подкрепляется глубоким пониманием механизмов производства рационального знания.

Ноосфера – это совокупность разумной деятельности людей и результатов целерациональной осознанной технонаучной активности в планетарном масштабе. Ноосферизация биосферы является предметом междисциплинарных исследований (Наумов, 2002), (Буряк, 2007), (Буряк, 2008b), (Буряк, 2013b). Изучение природы ноосферных процессов включает исследование генезиса энцефализации, проблем происхождения языка, механизмов формирования семиосферы, техносферы и инфосферы. Понимание того, что представляет собой ноосфера на современном этапе, возможно благодаря познанию причин и механизмов осуществления технологических революций, уяснению специфики производства инноваций и прогнозированию значимых для человечества научно-технологических прорывов в будущем.

В решении современных проблем, касающихся взаимодействия человека и природы, концепт «ноосфера» играет всё более значимую роль, отмечает Д. С. Берестовская (Берестовская, 2003). Расширяются возможности осуществления глобальной экономики в ноосферном пространстве. Благодаря продвинутому интеллектуальным практикам ускоряется процесс конвергенции эмерджентных технологий. Изучение ноосферы как комплексного многомерного явления стало одним из перспективных междисциплинарных направлений для

учёных Таврического национального университета имени В. И. Вернадского.

Понятие «ноосфера» сегодня используется в различных контекстах. Ноосферная тематика и в ещё большей степени ноосферная риторика расширяют своё присутствие не только в естественнонаучных и философских дискуссиях. Как было отмечено ранее, слово «ноосфера» довольно часто употребляется в публицистике, популярной журналистике, эколого-политических программах и эзотерических трактатах. По существу, термин «ноосфера» теперь играет роль своеобразной метафоры, удобной для произвольного спекулятивного теоретизирования в различных научных и околонаучных контекстах, тяготеющих к универсальности и холизму. Ноосфера может быть продуктивной «философемой» для тех типов дискурса, которые исследуют и прогнозируют рациональную деятельность в планетарном масштабе (Буряк, 2006с: 30-32).

Современный понятийный каркас ноосферологии формируется в значительной степени под влиянием ключевых идей В. И. Вернадского. Термин «ноосфера» справедливо претендует на универсальность и тематическую междисциплинарность. Именно в таком контексте использовалось это слово в работах Вернадского (Вернадский, 1989). К другим понятиям, предполагающим дальнейшие теоретические обобщения и тематизацию ноосферогенеза, можно отнести прежде всего «биосферу», «глобализацию», «информационное общество», «искусственный интеллект», «технологическую сингулярность», «технологические риски» и «экзистенциальные риски».

В учении о ноосфере заложен большой эвристический потенциал. Особенно это касается проектирования перспектив и оценки глобальных рисков. Разумеется, опасности возможны на всех уровнях человеческого бытия – технологиче-

ских, экологических и экономических. Терминологический, предметный и методологический анализ в рамках ноосферологии позволяет также эффективно разрабатывать проблематику устойчивого развития человечества. При этом необходимо отметить эпистемологическое различие между ноосферной реальностью и социальной утопией (идеалом ноосферного будущего человечества) (Боков, Буряк, 2013: 19-21).

Важнейшая методологическая опция ноосферологических исследований – создание реалистических моделей устойчивого будущего. Понятие «ноосферогенез» отражает наличие объективной биосферно фундированной планетарной динамики постиндустриального техно-экономического развития. Дальнейшее расширение и усложнение динамики ноосферных процессов увеличивает технологические и экологические риски планетарного масштаба.

Позитивные тенденции ноосферогенеза осуществляются благодаря реализации эффективных стратегий по созданию новых форм устойчивого развития, включая контроль над комплексными механизмами глобализации. Системы планетарного масштаба «природа – технологии – общество» и «человек – ноосфера – природа» взаимозависимы и взаимодополнительны. Сбалансированный подход к анализу антропогенных рисков, предвидение техногенных катастроф и других негативных последствий научно-технического прогресса предполагают использование понятия «ноосфера» в современном экологическом дискурсе (Боков, 2009). Построение «сценариев будущего» для развития ноосферы и эффективный глобальный менеджмент деятельности человечества будут способствовать экономической устойчивости и экологической сбалансированности биосферного развития.

Более полувека назад человечество вышло в космическое околоземное пространство, ноосферные эффекты оказались «выше» биосферы. Кроме того, космические аппараты уже находятся за пределами Солнечной системы. Поэтому тезис Вернадского о том, что ноосфера является состоянием биосферы, требует переосмысления. Разумеется, многочисленные «сферы» никогда не существовали как онтологически детерминированная «система матрёшек», их автономный генезис и взаимодействие носят дискуссионный характер.

Существование техносферы (в виде космических аппаратов) за пределами биосферы – факт, но, тем не менее, управление этими высокотехнологическими «рукотворными» конструкциями происходит «изнутри» биосферы. Рассматривать часть техносферы в пределах биосферы и «надбиосферную» техносферу нужно в онтологическом и эпистемологическом измерениях. Онтологически техносфера (и инфосфера) континуальна, а в эпистемологическом плане – это две различные «сферы». Исследование глобальных трансформаций в контексте ноосферизации Земли и технологической экспансии в направлении освоения околоземного космического пространства становится одной из важнейших прикладных задач учения о ноосфере (Буряк, 2012а), (Буряк, 2012b), (Буряк, 2012с), (Буряк, Махин, 2012е).

Поскольку ноосферологическим исследованиям изначально присущ универсальный междисциплинарный императив, приведённые термины используются не только в философии и естествознании, но также в социальных и гуманитарных дисциплинах. Междисциплинарная природа ноосферологических исследований становится методологической базой создания новой результативной научной области знания (Буряк, 2007); (Буряк, 2013а); (Буряк, 2013b).

Как показывают исследования В. И. Вернадского, ноосфера – это состояние биосферы (Вернадский, 1989). Геологические, географические, социокультурные и другие «сферы» теснейшим образом взаимосвязаны, и их взаимовлияние становится всё более значимым явлением. Баланс между биосферогенезом и ноосферогенезом не должен быть нарушен, поскольку возникнут угрозы необратимых последствий для человечества. Сегодня наиболее актуальной проблемой является опасность системного фатального разрушения окружающей среды в планетарном масштабе. Эффективные действия в условиях быстро меняющейся ноосферной реальности возможны только в случае целерациональной экспертной компетентности.

В фундаментальном исследовании В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» (Вернадский, 1991) впервые раскрыты закономерности появления ноосферы как нового состояния биосферы. Ноосфера – результат длительной эволюции рационального мышления, осмысленной коммуникации, а сегодня – технотехнической деятельности в планетарном масштабе. Интеллектуализированная среда обитания, инструментальный труд, преодоление примитивных сугубо биологических потребностей, научно-технический прогресс превращают человеческую цивилизацию в подлинно геологическую силу. Наиболее значимым двигателем ноосферогенеза является научная деятельность. Её влияние в масштабах планетарной цивилизации постоянно возрастает, благодаря чему ускоренно формируется ноосферная реальность.

В своих исследованиях, более полувека проводившихся в разных областях науки, В. И. Вернадский последовательно развивал мысль о том, что, ноосфера заметно ускоряет динамику биосферы, дополняя и преобразуя окружающую природу. Качественно новое состояние биосферы появляется от-

нюдь не сразу, а в ходе энцефализации. При этом каждый новый этап ноосферогенеза отличается всё большей интенсивностью и высокими темпами интеллектуализации окружающей среды. Ноосферное мировоззрение формируется в условиях многомерности и усложнения меняющегося мира, показывает О. А. Базалук (Базалук, 2003).

Междисциплинарная рефлексия по отношению к глобальной разумной деятельности и прогнозирование безопасного будущего – неотложная задача, стоящая перед мыслителями независимо от дисциплинарной специализации (Багров, 2013а). Такова основная тенденция технонаучного тренда современности.

Ноосферогенез и риски ускоренного техногенеза

Биосфера в силу развития внутренней динамики постепенно становится всё более сложной и в то же время менее устойчивой планетарной системой. Антропогенная и техногенная деятельность человечества усиливают неравновесность существования биосферы как комплексной системы (Smil, 2005). Ноосферогенез по причине технонаучного ускорения становится основным фактором ускоренного формирования современной биосферы, которая испытывает сверхнагрузки антропогенного характера. На важное значение сохранения биосферного баланса указывал В. И. Вернадский, утверждая, что именно в биосфере и благодаря ей возникла разумная деятельность человека. Ноосферная активность человечества становится новым, всё более мощным геологиче-

ским фактором, влияющим не только на литосферу, но и на формирование самой биосферы.

Дальнейшая динамика ноосферного развития увеличивает риски несбалансированной эволюции биосферы, как замечает Вацлав Смил (Smil, 2003). Тем большая ответственность лежит на человечестве, поскольку антропогенная и техногенная деятельность в планетарных масштабах неизбежно ускоряет естественную тенденцию к деградации экосистем и способствует усилению биосферного дисбаланса (Smil, 2012). На нашей планете, особенно в эпоху глобализации, увеличивается техногенная нагрузка на природу (Smil, 2013b). Быстро растут трансконтинентальные транспортные магистрали (дороги, нефтепроводы и газопроводы), инфраструктура, города. В среднем в течение одной недели во всём мире бетонируется и асфальтируется земная поверхность, эквивалентная 120 кв. км.

Эволюция биосферы оказывает важнейшее влияние на формирование ноосферы, которая, в свою очередь, всё больше воздействует на динамику биосферы (Вернадский, 1991). С уточнением новой информации об истории формирования космоса и Земли, получением новейших генетических данных относительно эволюции мозга в ходе антропогенеза могут быть смоделированы реалистические перспективы развития биосферы и ноосферы. Продуктивное изучение ноосферогенеза предполагает владение широкой базой естественнонаучных знаний, использование инновационных междисциплинарных методологических подходов и постоянного междисциплинарного диалога.

В компетенции ноосферологии – исследование практических и теоретических аспектов эволюции рационального мышления. Учёные анализируют значимые факторы, которые влияют на формирование современного ноосферологического

научно ориентированного мировоззрения. Такого рода эпистемологические стратегии необходимы прежде всего для производства новых знаний в области естественных наук, социально-экономических и гуманитарных дисциплин (Буряк, 2008b: 109-111). Важным этапом осмысления ноосферной реальности является изучение эффектов целерациональной деятельности в условиях усиления планетарной экономической, технологической, научной и образовательной корпоративной конкуренции.

Ноосферное мышление способствует оптимизации процесса интеграции объективных представлений о природе, пониманию динамики социальных процессов, изучению человека и особенностей высокотехнологичного производства знаний в контексте социокультурной эволюции. Наконец, уяснение сущностных сил ноосферогенеза помогает создать целостную реалистическую картину мира.

В качестве современного учения о ноосфере ноосферология представляет собой комплексную научную дисциплину, которая формируется в междисциплинарном пространстве естествознания, философии, гуманитарных и социальных наук (Цветков, 2008:157-160). Предметная область ноосферологии – взаимосвязанная разумная технологически обеспеченная деятельность людей в планетарном масштабе. Главными темами ноосферных исследований являются онтология производящих мощностей рационального знания и выявление комплексных механизмов, позволяющих произвести трансформации биосферы в состояние ноосферы.

Дисциплины, знание которых необходимо для формирования категориального аппарата ноосферологии, разнообразны. Это астрономия и космология, учение о биосфере, эволюционная биология, эволюционная психология, нейрофизиология, философия истории, философия науки, история и

методология науки, философия технологии и методология научного познания.

Ноосферология и стратегическое планирование

Значимое место в формировании современного учения о ноосфере занимают методология междисциплинарных исследований и прогностические принципы футурологии. Знать, что представляет собой система, как она работает, как минимизировать её риски и как она будет работать в недалёком будущем, – эпистемологические императивы для междисциплинарных исследований. Стратегически важны методы глобального планирования и управления комплексными процессами в биосфере, социуме, инфосфере.

Теория ноосферогенеза содержит специфический понятийный аппарат и предполагает междисциплинарные методологические подходы (Буряк, 2013b). Поэтому ноосферология способствует расширению представлений о современном научном познании мира. Особое значение в контексте ноосферологических исследований уделяется изучению ключевых познавательных принципов и эффективных методологических стратегий, необходимых для понимания механизмов устойчивого развития планетарной цивилизации. Процедуры получения объективной научной истины относительно природных процессов в академическом сообществе универсальны. Поэтому ноосферология сочетает в себе результаты комплексного исследования сложных многоуровневых объектов, интегрированных в систему «природа – человек – общество – ноосфера».

Учение о ноосфере изначально имело междисциплинарный характер. Исследователи систематически «сканировали» различные области естественнонаучного, социального и гуманитарного знаний. При этом они прямо и опосредованно производили эпистемологическую селекцию эффективных познавательных инструментов. В ходе ноосферологических исследований сформировались новые исследовательские тематические поля и была произведена их актуальная проблематизация. В частности, было сфокусировано внимание на динамике научных исследований и экспоненциальном росте высоких технологий, а в перспективе – их конвергенции. Такая эпистемологическая стратегия всеохватности научного знания создаёт мощный объяснительный интердисциплинарный потенциал. Сегодня очевидна востребованность инновационной познавательной стратегии и необходимость методик производства эффективных научно-исследовательских программ.

Теоретическая ноосферология как академическая дисциплина способствует формированию современного научного мировоззрения (Буряк, 2010с); (Буряк, 2010е). Её методологические инструменты обеспечивают понимание основных принципов развития космоса, биосферы, антропосферы, техносферы и природы информационного общества. В ходе ноосферологических исследований оптимизируется актуальное геоэкологическое мышление (Боков, 2009). Перспективен педагогический сегмент в рамках дальнейших ноосферологических исследований. Фундаментальные задачи ноосферологии как учебной дисциплины состоят в том, чтобы упорядочивать и интегрировать специализированные знания, основанные на рациональном системном мышлении. Для этого необходимы объективное описание и анализ проблематики развития вы-

сокотехнологичной планетарной цивилизации (Боков, 2013: 182-190).

Формирование ноосферного мировоззрения на основе интеграции специальных знаний и инновационных подходов способствует операциональной и практической подготовке специалистов для осуществления проектов междисциплинарных исследований. Тематизация и проблематизация в рамках ноосферологии содействуют оптимизации научно-исследовательской работы в структурно и функционально усложняющемся обществе знаний. Результаты ноосферологических исследований незаменимы в тех областях, где человечество осознанно и ответственно вступает в масштабные взаимодействия с природой и обществом, используя высокие технологии, сталкиваясь с угрозами планетарных экзистенциальных рисков.

Перспективные ноосферологические эпистемологические стратегии необходимы для постижения человеком своего места в меняющемся мире, для оптимальной организации деятельности, создании эффективных моделей преобразования общества и природы. Знание основ ноосферологии обеспечивает реализацию ключевых принципов конструирования современного мировоззрения, оптимизацию результативного университетского образования, расширение мировоззренческого горизонта. Благодаря реалистическому объективному представлению о том, «кто мы», «где мы», «куда мы идём», осуществляется программа для реализации конкурентных профессиональных качеств граждан в изменчивом мире.

Переход от ретроспективного исторического мышления, детерминированного схематизацией череды прошлых событий, к футурологическому дискурсу определяет стратегию принятия (либо непринятия) ноосферной парадигмы. Прогностический потенциал ноосферологии огромен. перспекти-

визм, присущий ноосферному мышлению, предполагает эффективное моделирование и научное планирование близкого и отдалённого будущего биосферы (Габриелян, 2008а). В связи с актуальным проектом построения устойчивой цивилизации необходимым является развитие ноосферологических исследований и формирование новых отраслей знания, в том числе таких дисциплин, как «нооэтика» и «ноополитика» (Буряк, 2008b). Процесс поиска новых ценностных координат в условиях турбулентного техносоциального ускорения следует признать наиболее актуальным ответом на техногенные вызовы времени. Ноосферология в качестве «учения о ноосфере на современном этапе» имеет, как уже отмечено, междисциплинарный статус и разрабатывается с учётом анализа внедрения высоких технологий и технонауки в современную социетальную реальность (Буряк, 2013b).

Объективные представления о биосферогенезе, динамике и планетарной эволюции ноосферы необходимы для понимания того, «как работает» современный мир, какова специфика глобальной коммуникации, каковы механизмы эффективных межличностных взаимодействий и, наконец, насколько релевантны модели экологической среды устойчивому будущему.

Этимологические акценты ноосферных исследований

Древние эллины понимали космос как упорядоченную вселенную, противопоставляя его неупорядоченному хаосу. Они считали космос неким вместилищем *сфер* (Буряк, 2006с). Древнегреческий термин *σφαῖρα* (мн. число: *σφαῖρες*) полисе-

мантичен. Для понимания смысловой специфики ноосферы необходимо выделить следующие значения: шар, планета, небесное светило, небесное тело, модель планеты, глобус, орбита (небесного тела), небеса, небо, небесная сфера.

Учёные античного мира, главным образом астрономы, представляли сферу (или сферы) как шаровидную замкнутую поверхность, внутри которой находились другие сферы, меньшего размера. Это прочные и прозрачные полые шары, помещавшиеся один в другом. Наиболее репрезентативной античной астрономической моделью системы сфер является «система матрёшки», где каждая из меньших сфер как бы «вложена» в большую. Согласно Платону, сферы сотворены «будто из горного хрусталя». К этим сферам, полагали древнегреческие учёные, прикреплены планеты, звёзды, Луна и Солнце. Астрономические объекты движимы сферами, к которым они прикреплены. Отсюда же берут своё начало выражения «лунная сфера», «звёздная сфера» и т. д. Ввиду того, что закон всемирного тяготения Ньютона в те далёкие времена ещё не был известен, «сферическое» объяснение специфики движения небесных тел, особенностей их орбитального положения казалось вполне удовлетворительным.

Изначально термин «нус» (греч. νόος) соответствовал семантическим значениям «разум», «ум», «интеллект» (индивидуальный у Платона или космический у Анаксагора). В современном философском словоупотреблении лексема оказалась востребованной как составная часть понятия «ноосфера». Следует отметить синонимичность «нуса» таким терминам в античной философии, как «архе», «логос», «пневма» и «гармония». Одним словом, это некое интеллектуальное «первоначало». Термин «нус» восходит к философской традиции осмысления космоса как целостного, изначально «разумного», умопостигаемого, гармоничного и динамичного уни-

версума, наполненного устойчивыми рациональными «мыслеоформами» (Буряк, 2009b).

В среде древнегреческих мыслителей термин «нус» имел различные интерпретации. В мифопоэтической культуре (например, ещё у Гомера) он означал широко понимаемую разумную умственную деятельность. В философии Анаксагора это тотальная, нематериальная, неперсонифицированная разумная сила, благодаря которой вселенная из первоначально неупорядоченного состояния (хаос) переходит в состояние упорядоченности (космос) (Буряк, 2009b: 38). Согласно Платону, «нус» – это наиболее важная часть человеческой души, управляющая всей душой и тем более – телом (Платон, 1994: 421-499). Собственно говоря, именно греческие философы положили начало представлению о космосе как о тотально «разумном», а потому и «умопостигаемом», как это видим у Парменида, или всецело «умоуправляемом и умонаправляемом» бытии, как у Анаксагора. Элеаты полагали, что бытие шарообразно, едино и умопостигаемо, оно есть мысль (только поэтому и может быть мыслимо). Платон постулировал существование бытия как устойчивой совокупности идей, как абсолютно разумного начала мира. У Аристотеля космическое первоначало нус – это ещё и перводвигатель, форма всех форм, целевая причина подлинно существующих вещей. Человеческий разум («разумная часть души», по Платону) в античной науке и философии – это средство постижения мироустройства и основание самопознания.

Методологические подходы спецификации учения о ноосфере

Поскольку предметом данного исследования является динамика глоболизирующего мира в контексте ноосферогенеза, то целесообразно рассмотреть многоуровневые процессы планетарных трансформаций сквозь методологическую оптику ноосферологии. Базисным условием современной глобализации является ноосферная реальность. Чтобы прояснить особенности планетарных процессов, необходимо проблематизировать тему ноосферогенеза и применить методологические инструменты современного учения о ноосфере. Поставленная задача требует уточнения, в особенности терминов «ноосфера», «постиндустриализм» и «глобализация» (Буряк, 2006е).

Естественнаучная интерпретация планетарного ноосферогенеза была выдвинута в 20-е годы прошлого века В. И. Вернадским (Вернадский, 1989); (Вернадский, 1991); (Вернадский, 2001).

Наиболее полно и продуктивно учение о ноосфере в качестве комплексной исследовательской программы развивают учёные Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Последние работы Вернадского, посвящённые изучению феномена ноосферы были созданы более 60 лет назад. С тех пор радикально изменились многие технаучные параметры, которые определяют динамику развития техногенеза, трансформировались эпистемологические стратегии академической науки. Поэтому учение о ноосфере меняется как в плане уточнения предмета, так и в отношении построения концептуального каркаса. Закономерно появление новой терминологии. Глобализация как научный термин

нуждается в методологической артикуляции. В нынешнем темпоральном интервале (последние 20 лет) «глобализация» релевантна «современному этапу ноосферогенеза».

Основанием теоретической схематизации темы глобальных трансформаций является концепция ноосферного развития. Таким образом, динамичные комплексные изменения биосферы, техносферы и антропосферы становятся объектами научной рефлексии.

Новейшая проблематика ноосферных исследований отражена в работах учёных ТНУ имени В. И. Вернадского: Н. В. Багрова (Багров, 2001), (Багров, Ена, Лавров, 2004), (Багров, 2005), (Багров, 2010), (Багров, 2013), Д. С. Берестовской (Берестовская, 2003), (Берестовская, Синичкин 2013), В. А. Бокова (Боков, 2008), (Боков, 2013), (Боков, Буряк, 2013), В. В. Буряка (Буряк, 2006с), (Буряк, 2008b), (Буряк, 2013b), Б. М. Владимирский (Владимирский, Кисловский, 2011), О. А. Габриеляна (Габриелян, 2008b), Ф. В. Лазарева (Лазарев, 2004), (Лазарев, 2007), (Лазарев, 2008), А. Д. Шоркина (Шоркин, 2004), (Шоркин, 2008), (Шоркин, 2013), А. П. Цветкова (Цветков, 2008).

Поскольку понятие ноосферы имеет универсальный междисциплинарный статус, это позволяет достаточно широко использовать его в области философии, естествознания, в социальных науках, а также в сфере гуманитарного знания. Вследствие различия смысловых интерпретаций этого понятия выявляются семантические разрывы в рамках ноосферологического междисциплинарного дискурса. Поэтому необходимо определить общую диспозицию методологических стратегий освоения ноосферной терминологии. Для достижения этой цели нужно решить конкретные задачи по выяснению этимологических, эпистемологических и исторических

особенностей формирования концепта «ноосфера» (Буряк, 2007).

Сложные многоуровневые, многомерные объекты, а именно таковыми характеристиками обладают ноосферные процессы, глобальные трансформации, эффективно изучаются с применением инструментария интервального подхода (Лазарев, 2004). Учитывая то, что в исследовательском поле «ноосферных трансформаций» находится проблематика естествознания (география и экология), социальных наук и гуманитарных дисциплин, целесообразно выделить параметры объективной истины в контексте развития стратегий гуманитарного знания в эпоху глобальных изменений.

Междисциплинарный характер современных ноосферных исследований диктует необходимость анализа понятийного и теоретического содержания ноосферологии. Также важно уточнить эпистемологические параметры «ноосферы» с целью концептуальной фокусировки на теме глобальных трансформаций. Феномен глобализации нуждается в понятийном каркасе, основанием которого должна стать категория ноосферы (Буряк, 2011e: 51-54).

Именно ноосферные процессы во многом определяют характер и темпы глобальных трансформаций. Объективное знание о функционировании системы «природа – общество – человек – ноосфера» позволит прояснить понимание феномена глобализации. Ноосферная история (Габриелян, 2008b), ноосферная антропология (Лазарев, 2008); научно-техническая цивилизация в ноосферном контексте (Шоркин, 2004); (Шоркин, 2008), (Шоркин, 2013), глобальная экология в ходе эволюции ноосферы (Наумов, 2002), (Боков, 2009), (Боков, 2013) и другие актуальные аспекты ускоренного ноосферогенеза требуют междисциплинарного подхода. Особенно

такие исследования значимы в связи с расширенной тематизацией ноосферной реальности (Буряк, 2013b).

Дискуссии, социально-политическая риторика относительно катастрофических последствий гипотетического глобального изменения климата и окружающей среды нуждаются в более глубоком осмыслении (Diamond, 2011); (Smil, 2013a). Традиционалисты и антиглобалисты, критикуя неолиберальную идеологию и соответствующие практики, едины в своём требовании остановить (или, по крайней мере, приостановить) экономическую глобализацию как несомненную угрозу социальному и культурному порядку. Ясно, что в данном случае необходима концептуальная фокусировка, не зависящая от идеологических, этических либо доктринальных установок по отношению к перспективам глобализации. Такую эпистемологическую функцию может осуществить теоретическая ноосферология. Операциональным основанием для систематического продуктивного теоретизирования в этом направлении оказываются понятия ноосферы (Назаров, 2000); (Наумов, 2002). Особенно важен в этой связи аспект эволюции информационного общества (Багров, 2005); (Широков, 2008); (Буряк, 2011e: 237-238); (Буряк, 2011d).

К началу XXI века значение понятия «ноосфера» стало более ёмким и актуальным в различных областях знания. Важнейшим преимуществом следует признать его открытость для междисциплинарных исследований (Цветков, 2008: 158-161). Можно сказать, что понятие «ноосфера» – это эвристическая методологическая оболочка для реализации эпистемологических стратегий и тематизации исследовательских направлений, тяготеющих к универсальности и холизму. Поскольку культурно-историческая и идеологическая нагрузка смыслов играет в данном случае крайне важную роль,

прежде чем рассматривать базовые понятия, необходимо исследовать их происхождение.

Понятие «ноосфера» в последние десятилетия стало всё чаще использоваться в междисциплинарном методологическом пространстве. Оно оказалось востребованным не только в естественнонаучных и философских исследованиях, публицистических статьях, литературоведческих работах, но также в эколого-политических программах и эзотерических трактатах. Демаркация между академической наукой и неакадемическими дискурсами существует, что определяется либо наличием рациональной методологии, либо обилием метафорических высказываний и квазинаучных конструкций.

Наиболее важной методологической составляющей ноосферного мышления является концептуализация принципов устойчивости, аналитически и прагматически представленная в работах В. А. Бокова (Боков, 1999); (Боков, 2000); (Боков, 2009); (Боков, 2013), а также И. Г. Черванёва и В. А. Бокова (Черванёв, Боков, 2004).

Нейтральным в методологическом плане можно считать следующее определение, взятое из «Философского энциклопедического словаря»: «Ноосфера – новая, высшая стадия биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, начинает оказывать определяющее влияние на ход процессов в охваченной его воздействием сфере Земли, глубоко изменяя её в ходе своей деятельности» (ФЭС, 1989: 441). На первый взгляд определение слишком объёмное. Очевидна попытка автора словарной статьи дать точную и исчерпывающую дефиницию. В данном случае это не квазиметодологическая стратегия максимального когнитивного охвата широкой предметной области. Однако методологическая ловушка включения в предмет ноосферологии «приро-

ды», «биосферы», «техники» и «человечества» ведёт к смысловой гиперинфляции. Нельзя допускать семантической интерференции понятия «ноосфера», стратегически важного для современного междисциплинарного знания, академической науки, с риском превратить термин в некое клише, красивый слоган или очередной многозначный «изм».

Усилиями некоторых авторов, активно использующих слово «ноосфера», а подчас нарочито демонстрирующих своё знание актуального научно-тематического лексикона, понятие превращается в методологически размытую метафору, модное расхожее словечко. Как и большинство грекоязычных терминов, слово «ноосфера» кажется, на первый взгляд, «благозвучным» и загадочным. Похоже, что оно наполнено тем же самым энигматическим содержанием, что и «космос», «хаос», «этос», «ойкумена», «мимесис», «катарсис», а также многие другие термины и выражения античной культуры (Буряк, 2009b: 48-50). В фонетическом плане слово «ноосфера», несомненно, звучит поэтично и эстетично. Вместе с тем, ноосфера – это не «пароль», не методологическая «отмычка» для вхождения в область междисциплинарного дискурса. Использование данного понятия в неакадемических контекстах – один из основных методологических казусов, настоятельно требующий адекватной рефлексии.

В связи с усилением «инфляционного» терминологического потока, так или иначе связанного с учением о ноосфере, необходимо предпринять семантическую селекцию, экспертное тестирование на предмет релевантности понятия «ноосфера» академическим принципам производства теоретического знания относительно ноосферной реальности. Особые трудности возникают в философском сегменте дискуссии о сущности ноосферы, когда происходит столкновение различных дискурсов: «учения о ноосфере», «ноосферологии», кос-

мологии и философских идей «русского космизма» (Владимирский, Кисловский, 2011). Интеллектуальное движение русского космизма возникает в условиях становления христианского модернизма. Здесь необходимо учитывать также широкое влияние идей оккультно-эзотерических доктрин в первой четверти XX века. Нужно отметить, впрочем, теологические установки Леруа и Шардена в духе католического модернизма, доктринально симметричные богословско-философским взглядам православных мыслителей.

Классическое учение о ноосфере было изначально сфокусировано на проблематике естественнонаучного характера. Методологические установки Вернадского основаны на теоретических постулатах академического эволюционизма. Особенно ясно это просматривается в интерпретациях развития космоса, биосферы, энцефализации, социокультурной эволюции.

Необходимо принять во внимание изначальный междисциплинарный характер исследований ноосферы, заданный работами В. И. Вернадского, Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена. Это создаёт ситуацию эпистемологической открытости ноосферологических исследований. В частности, нужно учитывать семантическое содержание древнегреческих понятий «сфера» и «нус». Уяснение сути феномена «глобальности» как современного комплексного социокультурного явления побуждает рассмотреть смысловые диспозиции термина «ноосфера». Для этого важно проследить особенности семантических интерференций в античной философии и науке.

В то же время исследование ноосферной реальности требует учёта концептуальных инноваций. Онтологическое измерение ноосферы необходимо рассматривать в специфическом методологическом интервале. В этом отношении заслуживает пристального внимания концепция мироздания О. А. Базалука (Базалук, 2003). Сравнение этого и других эпи-

стемологических подходов позволяет продуктивно размышлять о перспективах традиционной естественнонаучной интерпретации учения о ноосфере. Актуален методологический и праксеологический подходы в контексте прогнозирования расширения ноосферной реальности, как считает В. А. Боков (Боков, 2009). Такая постановка вопроса связана с необходимыми опциями научного предвидения и прогнозирования технологически детерминированных трендов мирового развития. Планетарность и устойчивость становятся взаимодополнительными онтологическими интервалами конституирования ноосферной реальности.

Ноосферология: специфика исследований

Ноосфера – это органическая часть биосферы. Окружающий нас мир целостен и взаимосвязан. Современная технонаука представляет собой мощный инструментарий эффективных способов изменения биосферы, природы и общества. В интересах человечества деятельность в планетарном масштабе должна совершаться таким образом, чтобы баланс между биосферой и ноосферогенезом не был нарушен. Иначе возможны необратимые последствия, и прежде всего – деградация окружающей среды.

Ноосферное мышление основано на объективных знаниях о мире, генезисе космоса, эволюции биосферы, антропогенеза (Буряк, 2007), (Буряк, 2012d). В рамках теоретической ноосферологии анализируются причины и последствия техносоциального ускорения. Перспективы использования высоких технологий определяются задачами поиска способов карди-

нального изменения окружающей среды и самого вида *homo sapiens* в интересах развития человеческой цивилизации.

Учение о ноосфере как состоянии биосферы было осознано и представлено выдающимися европейскими мыслителями первой половины XX века. Сегодня, уже в качестве ноосферологии, оно развивается и уточняется учёными, работающими в ТНУ имени В. И. Вернадского. Концепция ноосферы первоначально была выдвинута учёными-энциклопедистами, которые так или иначе принимали основные положения эволюционной теории Дарвина. Идеи эволюционизма продуктивно работали в геологии, биологии, палеонтологии, философии и космологии (Буряк, 2008b). Бергсон, Леруа, Шарден и Вернадский гениально предвидели ускорение развития цивилизации на основе интенсивной разумной человеческой деятельности. Новаторская идея В. И. Вернадского о том, что человечество стало новой геологической силой, выражала суть исторически первой попытки концептуализации учения о происхождении ноосферы. Во второй половине XX века и тем более в начале XIX столетия, стало очевидно, что техногенный натиск человечества на природу значительно увеличился. Этот факт заставил учёных искать новые методологические и концептуальные подходы для понимания движущих сил ноосферогенеза. В этом отношении представление о ноосферной парадигме является наиболее адекватным ответом на острые вызовы техногенной цивилизации (Багров, 2013b).

Исследовательская деятельность основателей учения о ноосфере завершилась до периода освоения космоса, до начала компьютерной революции, тем более до появления интернета, мобильной связи, конвергенции эмерджентных технологий. Сейчас очевидно, что радикальное преобразование окружающего мира станет возможным именно на основе про-

движения высоких технологий. Классические подходы учения о ноосфере (Леруа, Шарден и Вернадский) в связи с ускорением научно-технического прогресса будут дополнены. Поэтому наряду с развитием идей классического учения о ноосфере появляются новые интерпретации техно-социального развития человечества, в их числе – олдувайская теория (Duncan, 2001), гипотеза технологической сингулярности (Kurzweil, 2005), ноосферная парадигма (Багров, 2013b).

Оригинальные мысли В. И. Вернадского относительно преобразования литосферы, биосферы и решающей роли человечества в ускорении планетарных геологических трансформаций оказались востребованными сегодня. Во второй половине двадцатого и начале нынешнего века были сделаны фундаментальные открытия в области технонауки и радикально изменилось отношение людей к окружающей среде. Неуклонное стремительное развёртывание информационных технологий, нанотехнологий, биотехнологий обозначило горизонт развития антропосферы.

Первоначально учение о ноосфере было связано с именами выдающихся мыслителей: Бергсона, Леруа, Шардена и Вернадского. Современные научные открытия внесли определённые коррективы в понимание природы ноосферных трансформаций. Теперешний эпистемологический сдвиг от классического учения о ноосфере к ноосферологии объясняется модернизацией понятийного аппарата и новой проблематизацией (Буряк, 2008b). Поэтому ноосферология может претендовать на то, чтобы стать инновационным академическим проектом, в рамках которого естествознание, социальные науки и философия смогут вырабатывать продуктивные методологические, междисциплинарные подходы для понимания механизмов глобализации.

Ноосферное мировоззрение основано на фундаменте объективного знания о закономерностях развития высокотехнологических способов кардинального изменения окружающей среды и самого человека (Буряк, 2013b). Нельзя не согласиться с основополагающим тезисом В. И. Вернадского о том, что ноосфера является органическим состоянием биосферы. Сбалансированное взаимодействие этих «сфер» становится всё более значимым фактором для дальнейшего развития человеческой цивилизации. Ошибки в отношении биосферного баланса могут привести к необратимым последствиям: увеличению техногенных рисков, деградации окружающей среды, а в будущем – к антропологической катастрофе.

Во многих работах В. И. Вернадского исследуются предпосылки ноосферогенеза как неизбежного результата развития биосферы. Глобальные антропогенные трансформации возможны только благодаря интенсификации рационального мышления и целенаправленной деятельности человечества. Разумно организованный труд, научно-технический прогресс, преодоление диктата сугубо биологических потребностей превращают человеческую цивилизацию в подлинную геологическую силу (Вернадский, 1989); (Вернадский, 1991). Социально-технологическая мощь человеческой цивилизации постоянно возрастает. Физическая сила становится менее значимым фактором в цивилизационном развитии, чем рост интеллектуальной мощи.

Ноосфера постоянно трансформирует биосферную динамику, – доказывал учёный в своих исследованиях. На планетарный процесс ноосферизации окружающей среды он обратил внимание как на результат эффективной работы человеческой рациональности (Вернадский, 1989); (Вернадский, 1991); (Вернадский, 2001). Качественно новое состояние биосферы (ноосферогенез), как показал учёный, проявляется не

сразу, но в ходе длительной эволюции человеческого мозга, а затем – общества, культуры и научной работы. Каждый новый этап ноосферизации биосферы, характеризуется всё большей интенсивностью, широким внедрением новых технологий и сопровождается тотальной интеллектуализацией окружающей среды.

«Ноосфера» как синтетическое междисциплинарное понятие

Созданное в начале XX века французским учёным и философом Леруа, междисциплинарное понятие «ноосфера», включало в себя оба смысла: естественнонаучный и метафизический. Вдобавок ко всему, данный термин постепенно нагружался ещё и дополнительными специфическими значениями, которые отражали комплексное знание о мире, характерное для первой четверти XX века. Термин «сфера», как, впрочем, и другие греческие слова, постоянно был востребован академической наукой. Он давно и успешно используется для продуктивного производства понятий учёными самых различных специальностей. Особенно активны в этом отношении математики, физики, геологи, биологи, географы. Понятие «сферы» в математизированном естествознании подразумевает объёмный геометрический объект симметричной формы с тождественными радиусами.

В нематематической области операционального использования термин применим для обозначения шара. Производными терминами от сферы в современном естествознании являются: геосфера, литосфера, биосфера, атмосфера, тропосфера, стратосфера и т. д. Весьма частотными на сегодняшний

день оказались понятия, относящиеся к миру «искусственной природы»: техносфера, инфосфера, семиосфера, социальная сфера, сфера услуг, идеосфера, сфера влияния и др. В учении о природе ноосферы Леруа и Тейяр де Шарден, наряду с естественнонаучными основоположениями, также сохранили установки античной натурфилософской и телеологической традиции, синтезированной с современной католической доктриной.

В отличие от своих французских коллег, В. И. Вернадский всегда оставался на позициях естественнонаучного монизма, объясняя возникновение ноосферы естественными, геологическими, геохимическими и биологическими процессами, определяемыми биогеохимическими причинно-следственными закономерностями. «Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс, с одной стороны, и интересы свободной личности – с другой, определяют жизнь человечества... Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой» (Вернадский, 2001: 175). Учёный стремился обнаружить фундаментальные корреляции между биологической эволюцией *homo sapiens* и цивилизационным развитием человечества.

Научная, политическая и просветительская стороны деятельности Вернадского взаимосвязаны и взаимодополнительны. Результаты его исследований в контексте планетарной человеческой рациональной деятельности отражены в ряде концептуальных работ (Вернадский, 1989: 69-76); (Вернадский, 1991). Наиболее полно взаимосвязь его удивительной жизни и научной деятельности отражена в книге Г. П. Аксенова (Аксенов, 2010).

С ретроспективной точки зрения идея ноосферы – это реализация модернистского идеологического и философского проекта, сложившегося к концу эпохи Просвещения («Века

Разума»). Именно тогда состоялась успешная попытка утвердить позиции панрационалистического мировоззрения в прагматичной, научно-теоретической и универсальной форме. Своё оптимальное воплощение доктрина европейского рационализма обрела в рамках философской системы Гегеля, который выразил её суть в гениальной фразе: «Всё действительно разумно, всё разумное действительно».

Учение о ноосфере как о совокупности сущностных параметров планетарной сферы «разума» возникло в 20-х годах XX века. Стоявшие у его истоков выдающиеся европейские мыслители А. Бергсон, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский фактически синхронно сформулировали ключевую проблему современности и надвигающейся постсовременности: экспоненциальный рост технорациональной деятельности как угроза устойчивости биосферы. Будучи не просто учёными, а прежде всего философами, универсальными мыслителями, они показали неоднозначное воздействие «человеческого фактора» на биосферу («природу»).

Такая тенденция разумного давления на биосферное равновесие вызвала у учёных потребность мыслить глобально, междисциплинарно, синтетично, прагматично и ответственно. Сегодня, учитывая ускоренный рост научного знания и очевидную мощь новейших технологий, необходимо изучать методологический потенциал классического учения о ноосферогенезе.

Актуальная на сегодняшний день концепция о ноосфере В. И. Вернадского – результат осмысления учёным ряда эволюционных теорий, сформировавшихся во второй половине XIX и начале XX веков. Влиятельные теоретические подходы конструировались преимущественно геологами, биологами и философами, пытавшимися установить значение рациональной человеческой деятельности в ходе биологической и соци-

окультурной эволюции. Прежде, в XIX столетии, американские геологи Д. Дана (1813-1895) и Д. Леконт (1823-1901) на основании многих естественно-научных фактов пришли к выводу о том, что трансформации в мире живой природы имеют закономерную и вполне определённую нейрофизиологическую направленность. Когнитивная составляющая эволюционных изменений всех без исключения организмов обнаруживает явную тенденцию к возрастанию высокоадаптивных функций мозга (Базалук 2003).

Если Дана назвал этот глобальный процесс «цефализацией», то Леконт квалифицировал соответствующий период как наступление «психозойской эры». В целом вовсе неважно, какова конкретная специальная терминология. Очевидно то, что учение о ноосфере основывалось не на абстрактных метафизических спекуляциях, но было глубоко подготовлено фундаментальными естественнонаучными теоретическими исследованиями. В своей работе «Биосфера и ноосфера» В. И. Вернадский пишет: «Дана указал, что в ходе геологического времени, т. е. на протяжении двух миллиардов лет, по крайней мере, а наверное, много больше, наблюдается скачкообразное усовершенствование – рост центральной нервной системы организмов, начиная от ракообразных и кончая человеком. Это явление и названо им цефализацией. Раз достигнутый уровень развития мозга ... не идёт уже вспять, но только вперёд» (Вернадский, 2001: 173).

Этому значимому природному явлению – цефализации / энцефализации придают важное значение и современные исследователи. При этом особо нужно выделить открытие Дана. Ведь именно этот учёный указал на «неоспоримый факт, что в течение многих миллионов лет в природе осуществляется непрерывное развитие нервной системы, начиная от простейших земноводных и заканчивая высшими животными. Дана рас-

смаатривал цефализацию скорее как тенденцию. Очевидно, что появлению «человека разумного», *homo sapiens*, предшествовали сотни миллионов лет эволюции «разумного вещества».

Ноосферогенез 1.0

Наука, техника и экономика постиндустриального мира с очевидностью доказывают экспоненциальный рост цефализации (энцефализации). Расширение и развитие информационных сетей в планетарном масштабе (интернет, мобильная связь) свидетельствует о технонаучной экспансии человеческого интеллекта.

Отметим, что интеллект, производство рационального знания, высшее образование, стали наиболее востребованными и сверхдорогими продуктами на мировом рынке материальных и виртуальных товаров. На основе разработок в области ноосферологии могут быть эффективно поставлены и решены многие острые проблемы глобализирующегося мира. Независимо от дискуссий и интерпретаций, концепт «ноосфера» выполняет всё более значимую методологическую функцию.

Научно обоснованные аргументы о том, что ноосфера есть исторически последняя часть биосферы, были представлены выдающимися европейскими учёными в первой половине XX века. Несмотря на теоретические противоречия, эти мыслители принимали основные постулаты эволюционного учения Дарвина, как они были сформулированы для биологии, геологии, палеонтологии, философии и космологии во второй половине XIX века. Поэтому Бергсон, Леруа, Шарден и Вернадский не только констатировали тривиальный к этому моменту времени факт эволюционного развития природы, но также ге-

ниально предвидели ускоренное развитие человеческой цивилизации. Они считали, что ноосферогенез происходит благодаря интеллектуальным прорывам и на основе техно-научных инноваций. Тезис Вернадского о том, что человечество становится новой геологической силой, выразил идейно-теоретическую суть исторически первой концепции ноосферы, которую можно сегодня обозначить как *Ноосферогенез 1.0*.

Ноосферогенез 2.0

В ходе техносоциогенеза интеллектуальное развитие ускоряется благодаря наличию новейших инструментальных средств («технических протезов»). С началом компьютерной революции, и особенно в ходе конвергенции эмерджентных технологий конца XX и начала XIX веков, стало очевидным, что дальнейший восходящий ноосферогенез возможен только за счёт усиления ресурсов природного мозга высокими технологиями. Создание производительного интерфейса «человек (мозг) – машина (компьютер)» явилось неизбежным условием продолжения техно-социальной эволюции постчеловеческой цивилизации (Koors, 2013).

Новейший этап эффективного взаимодействия человеческого мозга и новейших технологий, собственно, и есть *Ноосферогенез 2.0*. Основным драйвером развития современной цивилизации является глобальное внедрение цифровых технологий (Mindell, 2011), (Brynjolfsson, McAfee, 2014).

Тотальная информатизация – это составная часть проекта конвергенции эмерджентных технологий. (Mind, 2004; Kurzweil, 2005). В ходе многовековой биологически обусловленной эволюции мозг существенно изменился. В условиях

постиндустриальной среды работа мозга во многом зависит уже от высокотехнологичных информационных ресурсов. Разумеется, многочисленные компьютерные программы, безусловно, ускоряют поиск нужной информации, обеспечивая оптимальную обработку и хранение данных. Важнейшая функция информационных технологий – поиск наиболее эффективных решений. В то же время наличие высоких информационных технологий значительно снижает физиологическую работу нейронных ресурсов мозга.

Чем больше мы доверяем интеллектуальную работу высокотехнологичным гаджетам, компьютерным программам, тем более возрастают риски структурно-функциональной атрофии отдельных опций мозга. Энцефализация как биологический процесс определялась эволюционными механизмами адаптации. Интеллектуальная деятельность, фундированная нейрофизиологически, обусловила производство первых ноосферных эффектов. Но работа мозга в условиях высокотехнологичного общества имеет иной характер. При этом дальнейший ход ноосферогенеза полностью зависит от симбиоза биологического мозга и конвергенции эмерджентных технологий.

Ключевым актором эволюции ноосферы будет интеллектуальный потенциал техно-биологического вида *homo noeticus*. Неизбежна ситуация в недалёком будущем, когда общество одновременно будет населено несколькими видами *homo* – обычными индивидуумами (*homo 1.0*) и «усиленными» людьми (*homo 2.0*). Появятся проблемы не только с внутривидовой (как это было прежде), но также и с межвидовой конкуренцией. Биологические изменения вида *homo sapiens*, прежде накапливавшиеся в результате генетических мутаций на протяжении миллионов, сотен тысяч и десятков тысяч лет, вероятно, будут фактически «мгновенными». В недалёком будущем в биомедицинских центрах благодаря эмерджентным технологиям ранее невозможное станет реальностью. В каче-

стве аналогии можно напомнить о растениях (и животных), отобранных в результате многотысячелетней направленной селекции с ГМО организмами, производимыми сегодня в лабораториях «здесь и сейчас». Весьма скоро, «мгновенно», по историческим меркам, появятся не только психофизически усиленные индивидуальные организмы, но вполне возможно, что и совершенно новые, бионанотехнологически сконструированные квазибиологические виды. Главный вопрос, на который необходимо ответить в ходе развития *Ноосферогенеза 2.0*, – «Каковы перспективы человечества в постбиологическую эпоху?».

Высокие технологии как значимый фактор ноосферогенеза

Динамика системы «природа – техногенез – общество» зависит от комплексных факторов. Поэтому необходимы мониторинг основных тенденций планетарного техносоциального развития, анализ режимов научного прогнозирования техногенных (антропогенных) опасностей, реалистическая оценка степени рисков глобальных катастроф. В фокусе ноосферологии находятся и другие эффекты ускоренной экспансии научно-технического прогресса. Результаты глобальных техносоциальных трансформаций становятся одной из важнейших дискуссионных тем ноосферологии.

Будучи планетарным комплексным историческим явлением, ноосферогенез включает в себя биосоциальные, культурные и технологические детерминанты. «Удельный вес» техногенных и антропогенных факторов формирования биосферы в на планетарной шкале постоянно возрастает. В совокупности все антропо-техногенные инклюзии в литосферу,

гидросферу и биосферу уже давно стали «новой геологической силой», о чём говорил В. И. Вернадский более полувека назад (Вернадский, 1989).

Глобальные изменения в ходе антропосоциогенеза стали возможны главным образом благодаря ускоренному развитию научно-технической мысли. Динамика ноосферогенеза связана с внедрением высоких технологий во все производственные циклы, обеспеченные интеллектуальными инновациями. Технологические новшества в человеческой цивилизации осуществлялись последовательно и непрерывно. Исторические техно-социальные «скачки», инновационные прорывы принято называть «технологическими революциями». Понятно, что изобретение каменного ножа и молотка, а затем и деревянного плуга по степени научно-технической сложности несоизмеримо с созданием компьютера. Тем не менее, любые значимые технонаучные инновации основаны на принципиальном интеллектуальном открытии и последующем освоении эффективных способов преобразования природы. В истории развития человеческой цивилизации технологии неизменно играли значимую роль (Расеу, 1991).

В технологическом плане изобретения неолитической эпохи и современные электронные средства обработки цифровой информации основаны на осуществлении принципов креативности и инновационности. Поэтому, когда авторы говорят о технологической революции, они подразумевают прежде всего масштабный эффект, воздействующий не только на модификацию конкретных орудий труда (инструментов или технических средств), но также их последующее комплексное влияние на общественное развитие (Toffler, 1984b), (Naisbitt, 1991).

Технологические революции – это формообразующие социокультурные триггеры позитивных и негативных трансформаций ноосферы. Сложные взаимоотношения между обществом и технологиями являются предметом специальных ис-

следований (McGinn, 1990). Бриньолфсон и Макафи показывают, что развитие технологий происходит в геометрической прогрессии, и эта тенденция ведет к фундаментальным трансформациям человеческой цивилизации. В позитиве – многократное снижение цен на вещи и услуги, в негативе – возрастание техногенных рисков. Политика тотального внедрения инновации становится реальностью, от которой невозможно уклониться. Это относится не только к инженерной сфере, но также ко всем профессиональным видам деятельности (учителям, чиновникам и т. д.) (Brynjolfsson, McAfee, 2014).

Новейшие технологии постоянно ускоряют своё развитие благодаря экономическим инвестициям. Взаимодополнительность новейших эмерджентных технологий ведёт к формированию более сильного эффекта – их конвергенции эмерджентных технологий. Независимо от желаний тех или иных групп влияния, процесс техно-научного ускорения в ближайшем будущем с большой вероятностью приблизит человечество к новой рискованной исторической фазе – точке технологической сингулярности (Kurzweil, 2005). Готовность встретить вызовы будущего, каким бы оно ни было, – важнейшая задача ноосферологии и ноосферного мировоззрения.

Необходимо реалистически относиться как к настоящему состоянию, так и к будущему человеческой цивилизации. Анализ систем «природа – технологии – общество» и «человек – ноосфера – природа» предполагает объективное описание, рациональное объяснение, прогнозирование техногенных и антропогенных рисков, степени вероятности глобальных катастроф, а также других негативных последствий неограниченной экспансии научно-технического прогресса. Анализ последствий глобальных трансформаций в контексте ноосферизации Земли и околоземного космического пространства становится одной из важнейших задач прикладной ноосферологии.

Выводы

Эволюция космоса, биосферы и социума определяется общими тенденциями к усложнению систем. Онтологическим основанием трансформаций биосферы и глоболизирующего общества является ноосферогенез.

Планетарные векторы ноосферизации, разнонаправленные и подчас противоположные, сопровождаются опасностями и рисками. Комплексные процессы на современной планетарной шкале не автономны и отнюдь не самодостаточны, но определяются на разных уровнях эволюцией космоса, биосферы и технонаучными инновациями.

Новейший этап эволюции ноосферы – глобализация – маркирован актуальными проблемами планетарных трансформаций. Формообразующими триггерами ноосферогенеза сегодня являются эмерджентные технологии. В этом заключаются позитивные и негативные перспективы человеческой цивилизации.

Эволюция ноосферы неизбежно раскроет потенциал техно-биологического вида *homo noeticus*. В недалёком будущем в человеческом обществе будут сосуществовать обычные индивидуумы (*homo 1.0*) и технологически усиленные люди (*homo 2.0*). Эволюционно сформированные биологические изменения *homo sapiens*, будут фактически «мгновенно» трансформированы посредством высоких технологий.

Специфическая проблематика и релевантные методологические подходы интегрированы на теоретико-познавательной междисциплинарной платформе ноосферологии. Поэтому очевидно, что эта новая дисциплина сформировалась на стыке эпистемологических стратегий естествознания, философии, социальных и гуманитарных наук.

Раздел 2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП НООСФЕРОГЕНЕЗА

Естественно-исторический характер глобальных трансформаций

Как исторический феномен ускоренной экономической, политической, технологической, религиозной и культурной экспансии «глобализация» может быть обнаружена ещё в Древнем мире (Stearns, 2009). «Глобализм» как очевидное идеологически обоснованное планомерное «освоение» национальных экономик государств со стороны транснациональных корпораций – недавнее явление, как считает Манфред Штигер (Steger, 2008). Чтобы понять разницу между «старыми глобализациями» и «новейшей глобализацией», необходимо применить прежде всего исторический подход. Затем нужно подключить средства компаративного анализа, поскольку всегда были и сейчас существуют региональные различия между социумами и культурами. Среди важнейших факторов усиления глобализирующих тенденций в современном мире, несомненно, важнейшую роль играет экономическое развитие.

Проблемы защиты окружающей среды, развитие космических технологий, риски ядерной энергетики, экономические риски на глобальной шкале активно подвергаются систематизации и всё чаще становятся предметами междисциплинарного анализа при изучении природы планетарных

трансформаций. Исследователи отмечают, что тенденция к глобализации всей человеческой деятельности компенсируется ростом стремлений к локализации экономических и социокультурных процессов. Несмотря на небольшой объём, книга Памелы Кроссли «Что такое глобальная история?» (2008) (Crossley, 2008) содержит не только обзор прежних теорий глобальной истории, но также критику основных концепций глобализации. Специфический подход автора выражен в том, что анализируются значимые техногенные угрозы для экологической среды, опасности изменения глобального климата, рассматриваются возможности современных политических институтов для осуществления позитивных перемен в глобализирующемся мире.

Исторические концепции глобализации основываются на анализе экономических, политических, культурных и социальных событий прошлого. На наш взгляд, строгое каузальное объяснение современных планетарных трансформаций на основе анализа отдельных локальных и даже региональных разноуровневых и разнонаправленных исторических процессов не может быть строго объективным. Существенны культурные противоречия глобализации (Буряк, 2005: 41). Чтобы доказать «естественный» характер глобальных трансформаций, необходимо выявить существование естественно-исторических и социокультурных «законов», что вряд ли возможно. Пространство социального действия устроено иначе, чем физическое и другие «природные» пространства. На феномен методологического редукционизма, ведущего к упрощению комплексных систем, ранее справедливо указывал Иммануил Валлерстайн в работе «Геополитика и геокультура» (1991) (Wallerstein, 1991). Кроме того, необходимо обосновать существование глобализации как специфического и при этом наукометрически объективируемого исторического явления.

Несмотря на то, что существует более или менее объективированный «индекс глобализованности стран», который основан прежде всего на экономических характеристиках, трудно учесть волатильные социокультурные особенности регионов. Существует также гендерная, имущественная, этнокультурная специфика регионов, что не может быть объективировано средствами исключительно социометрического анализа. Ввиду этого следует говорить скорее о более или менее убедительных интерпретациях глобализации как современного планетарного исторического процесса. Множество взаимоисключающих версий истоков и первопричин глобализации свидетельствует об отсутствии академического консенсуса относительно ключевого объекта и способов его рационального познания.

Глобализация представляет собой современный этап ноосферогенеза. Эффекты глобализации распределены отнюдь не равномерно в географическом пространстве и дискретном историческом времени. Пространственными показателями глобализации занимается географическая наука, а темпоральные характеристики глобальных изменений изучает историческая наука. Здесь обнаруживается основной парадокс любого сравнительно-исторического исследования. Если глобализация – это социально-историческая реальность, то тогда возникают вопросы: где же находится цивилизационная «отправная точка» планетарных трансформаций, в чём состоит их онтологическая «первопричина», где начало исторически определённой первой фазы глобализации?

Эти вопросы создают весьма сложный в дискуссионном плане методологический казус (Буряк, 2010с: 211-213). (Буряк, 2010d: 9-12). Острые диспуты возникают ввиду противоречивых эпистемологических подходов к пониманию природы глобализации. Дело осложняется также из-за наличия раз-

личных концепций, лежащих в основе представлений о схематизме мировой истории. И сама мировая история, и важнейший её период – глобализация – являются предметом междисциплинарных исследований (Буряк, 2010а: 3-5).

В коллективном труде «Глобализация и глобальная история: переосмысление глобализации» (*Globalization and Global History (Rethinking Globalizations)*) (Gills, Thompson, 2006) историки пытаются найти изначальную «точку отсчёта» глобальных трансформаций. У некоторых авторов единичные социокультурные события (мегасобытия) превращаются в своего рода ключевые триггеры глобализации. Это относится, например, к военно-политическим конфликтам или к исторически резонансным экспедициям Христофора Колумба и Васко да Гамы. Несомненно, героические «капитаны» эпохи Великих географических открытий – великие первооткрыватели, однако их воздействие на производство глобальных трансформаций преувеличено историками.

Глобализация – это не «событие», но скорее результат множества идей, проектов, войн, реформ, законодательных актов. Дело в том, что накопление необходимых «глобальных» качеств, включая политические реформы, экономические программы, технологические инновации, – следствие консенсуса, а не кумулятивный эффект совокупности больших и малых «побед». Множество значимых событий в относительно независимых друг от друга регионах мира создавало благоприятные условия для ускоренного движения идей, товаров, услуг, индивидуумов и предпринимательской энергии в глобальном масштабе на протяжении многих столетий (Буряк, 2010с: 211). Междисциплинарные исследования глобальных трансформаций наиболее продуктивный способ достижения фазы понимания того «как работает» современный мир.

Глобализация: методологический историцизм

Дискуссии о том, когда возникла глобализация продолжают. В свою очередь, Робертсон стремится показать, что очевидные результаты глобализации появились приблизительно пятьсот лет назад. Он привлекает для доказательства истинности своей концепции многочисленные исторические факты. По историческим меркам это не так уж и много, поэтому человечество должно, по мнению учёного, формировать новое адекватное осознание исторической реальности, соответствующее новым социокультурным ландшафтам глобализованного мира (Robertson, 2003).

Отправной точкой для методологических размышлений об основаниях периодизации глобализации Питер Стернс считает базовые определения. Он отмечает, что наиболее релевантным определением является прежде всего указание на планетарный характер экономической деятельности. Глобализация представляет собой «процесс комбинации экономических, технологических, социокультурных и политических сил» (Stearns, 2009: 1). Терминологически глобализация сильнее всего проявлена через артикуляцию экономической составляющей как «интеграцию национальных экономик в международную экономику благодаря механизмам рынка, прямых иностранных инвестиций, финансовых потоков, миграции и трансфера технологий» (Stearns, 2009: 1).

Стернс пытается доказать, что так называемая «макдональдизация» в интерпретации Томаса Фридмана (Friedman, 2000; Friedman, 2007) отражает лишь поверхностные эффекты более фундаментальных явлений (Stearns, 2009: 1). Доказано, что «макдональдизация» это одна из наиболее эффективных

моделей культурной гомогенизации (Буряк, 2011а). Также Стернс критикует историческое направление, обозначенное им как концепция «Трёх волн глобализации», согласно которой три волны глобализации начинаются соответственно в 1750-х, 1850-х годах и в конце XX века (Stearns, 2009: 4). Стернс же обосновывает мнение, что глобализационные процессы начались задолго до этих «трёх волн».

В работе «Глобализация в мировой истории» он выделяет: 1) предварительную (*preparatory*) фазу глобализации (с 1200 г. до н.э. по 1000 г. н.э.); 2) первый поворотный момент «рождения глобализации» (с 1000 до 1500-х г.г.); 3) второй поворотный момент «рождения глобализации» (с 1500 вплоть до 1850-х годов); 4) третий поворотный момент «рождения глобализации» (с 1850-х годов до 1940-х годов); 5) так называемую «новую глобальную историю» (с 1940-х годов до настоящего времени) (Stearns, 2009). Критерием глобализированности Стернс считает наличие множества трансконтинентальных многоуровневых связей с использованием эффективных моделей взаимодействия на региональной и глобальной шкале (Stearns, 2009: 5).

Разумеется, дискуссии об историческом начале, направленности и региональных особенностях глобализации не могут быть завершены сегодня, ведь глобальные трансформации – это актуальный продолжающийся проект современности.

Глобализация в качестве многомерного комплексного явления требует объективного описания и достоверной фактографии. Феномен не должен раствориться в современных международных политизированных дискуссиях. В книге под редакцией Майкла Бордо «Глобализация в исторической перспективе» (Bordo, 2005) представлен обширный справочный материал по теме «история глобализации» и сделан акцент на процессах планетарной экономической интеграции. Развитие

международного рынка – это основной контекст исторической глобализации, как считают многие авторы. Предметами их исследования становятся также проблемы экономического неравенства и вопросы социальной справедливости в отдельных странах. Особо выделяется роль политических институтов глобализирующегося мира, значение новых технологий и географическое положение тех или иных стран.

В эпоху глобальных социально-политических перемен необходим глубокий анализ исторических оснований и обозначение новых перспектив, считают создатели комплексного труда, опубликованного под редакцией Кристофера Чейз-Данна и Сальваторе Бэйбенза (Chase-Dunn, Babones, 2006). В попытке открыть новую парадигму исторического самоосознания, глобальности как таковой авторы рассматривают многоаспектную тему – «глобальная история». От методологических подходов «старой» исторической науки академическая рефлексия историков глобализации отличается тем, что ретроспективность, присущая классической историографии, уравнивается прогнозированием будущего на основе существующих тенденций мирового развития.

Глобализация истории: мир-системный анализ

В рамках международных социальных исследований (international social studies) группа последователей методологии мир-системного подхода (адептов методологии И. Валлерстайна), главным образом социологов, а также представителей других дисциплин, предприняла экспертные междисциплинарные исследования с целью понимания природы

глобальных социальных изменений (global social change) (Chase-Dunn, Babones, 2006). В целом авторы используют ортодоксальную методологию, сформировавшуюся в рамках школы Иммануила Валлерстайна. Прежде всего это так называемый мир-системный анализ.

Именно в этой исследовательской перспективе изучаются дискуссионные вопросы осуществления механизмов социальной эволюции человечества (human social evolution). Учёные используют исторический и компаративистский подходы для изучения развития институтов, осуществляющих глобальное управление. Помимо этого они стремятся к пониманию причин роста и падения доминировавших в прежние времена гегемонистских государств, транснациональных социальных движений и пытаются выяснить основание возникновения глобальных экологических проблем. Исследователи анализируют характер неолиберальной политической идеологии, аксиологическую и организационную основу так называемого «проекта глобализации» (globalization project) Рейгана–Тэтчер; дискутируются также актуальные проблемы появления социального, гендерного и глобального неравенства.

В качестве наиболее продуманной интерпретации природы глобальных трансформаций некоторые авторы, в том числе и Брюс Мэзлиш, опираются на так называемый «мир-системный подход» Иммануила Валлерстайна (Wallerstein, 1991; Wallerstein, 2004; Wallerstein, 2005). Как всемирно известный историк и социальный теоретик Валлерстайн исследует ключевые идеи философии истории и последовательно развивает взгляды Фернана Броделя (Braudel, 1992a); (Braudel, 1992b); (Braudel, 1992c); (Braudel, 1995).

В книге «Концептуализация глобальной истории» (1993) авторы, в том числе Брюс Мэзлиш, предприняли одну из плодотворных попыток концептуально презентировать

проблему конструирования историографии глобализации (Mazlish, Buultjens, 1993). Они попытались доказать, что глобализация как специфическая концептуальная конструкция не есть оригинальное интеллектуальное изобретение западно-европейских идеологов. По их мнению, планетарная гомогенизация это результат некой исторической игры случайных социокультурных обстоятельств. В другой, более поздней работе Брюс Мэзлиш усиливает первоначально презентированный тезис, но уже на основе анализа разнообразного эмпирического материала (Mazlish, 2006).

Предлагая свою оригинальную интерпретацию мировой истории, Валлерстайн критикует линейные объяснения природы исторического процесса. Он выявляет методологические недостатки одностороннего подхода к комплексным явлениям, обнаруживает скрытые ловушки идеологической ангажированности, акцентирует внимание на следствиях упрощённых подходов к пониманию многовекторных и противоречивых событий, называемых «мировой историей». Учёный утверждает: «В области функционирования идей и идеологий доктрина интернационализма сталкивается с установками позитивизма, базирующимися на «культе фактов», на предположениях высокой сегментированности социальной реальности и абсолютной уверенности в существовании объективно познаваемых универсальных законов социального поведения» (Wallerstein, 1991: 147-148).

Далее Валлерстайн воссоздаёт генезис формирования натуралистического редукционизма в рамках британского позитивизма, опиравшегося на эволюционное учение Чарльза Дарвина (Wallerstein, 1991: 148). В кругу британских интеллектуалов фундаментальные философские вопросы, связанные с пониманием природы исторических процессов, рассматривались в свете доктрины о естественной гармонии

биосферы и социально укоренённого человечества. Здесь очевидно методологическое влияние дарвиновской теоретической революции в биологии. Отсюда берёт начало ведущая идея линейной исторической эволюции, восхождения человечества от примитивных к более сложным социальным формам существования (Wallerstein, 1991: 148). Такого рода теоретическая подоплёка была пригодна для идеологов расширяющейся колониальной экспансии в XIX веке. Но, показывает Валлерстайн, были также противники универсализации и генерализации мировой истории, например, немецкая историческая школа, ассоциированная с доктриной *Staatwissenschaften* (Wallerstein, 1991:148).

Таким образом, предпосылки истолковывать глобализацию как продолжение универсальной единой мировой истории существовали со времён Гегеля, Кондорсе и Конта. Анализ мировых систем отражает убежденность Валлерстайна в том, что понимание причин глобального неравенства требует разместить любую, казалось бы, локальную ситуацию на планетарной шкале.

Теоретики в области культурных исследований рассматривают значение и последствия глобализации, используя методологию мир-системного анализа, предложенную Иммануилом Валлерстайном (Palumbo-Liu, Robbins, Tanoukhi, 2011). Исследователи, специализирующиеся в областях сравнительного литературоведения, гендерных проблем, географии, истории, юриспруденции, этнографии и социологии, считают, что для качественного понимания конкретных проблем глобализирующегося мира необходимо применить инструментальный мир-системного анализа.

Глобализация: эволюционный подход Джорджа Модельски

Помимо мир-системного подхода Иммануила Валлерстайна в области исторического анализа причин и следствий глобализации, большое влияние на понимание природы многомерных комплексных глобальных трансформаций имеет теория мировой истории Джорджа Модельски и его последователей (Frank, Bergesen, Chase-Dunn, Modelski, Sylvan, Thompson, Doran, 1983); (Modelski, 1987); (Kardulias, Alexander, Feinman, Modelski, 1998); (Denemark, Friedman, Gills, Modelski, 2000). В плане осмысления этой концепции, основанной на компаративных сопоставлениях, наиболее репрезентативным является междисциплинарное коллективное исследование «Глобализация как эволюционный процесс: моделирование глобальных изменений» (2008), опубликованное под его редакцией (Modelski, Devezas, 2008a). Представители исторической науки, специалисты в области международных отношений, экономисты и математики попытались на основе инновационных методологических подходов, с помощью математического моделирования представить глобализацию как широкий исчислимый эволюционный процесс.

Концептуальное «лекало» для междисциплинарных исследований сосредоточено в методологической «передовице» самого Джорджа Модельски (Modelski, 2008b: 11-29). Эпистемологическая база контрибуторов книги выдержана скорее в социально-сциентистском, нежели в спекулятивно-полемическом ключе. Актуальная проблематика в авторских текстах способствует прояснению основных характеристик многовекторных глобальных изменений. Очевидны обоснованные попытки обнаружить и описать происхождение со-

временных планетарных трансформаций, а также стремление прояснить траектории ведущих методологических трендов и построить верифицируемые модели ближайших исторических мега-событий.

Широкая популярность термина «глобализация» породила многочисленные академические, публицистические и журналистские клише в отношении простого понимания комплексных событий. Упрощение сложного отнюдь не проясняет, а скорее затемняет существо дела. Постоянно поднимается вопрос о том, кто же на самом деле конструирует «тело» и «дух» глобализации. Иохим Реннстиш задаётся важным вопросом: «Может быть, глобализация – это историческая самоорганизация наличных событий?» (Rennstich, 2008a: 87-88). Глобализация, убеждён исследователь, как долгосрочный процесс может быть успешно постигнута только в широком историческом контексте. Если говорить о современном этапе планетарных трансформаций, то необходимо учитывать не только политические, экономические, социокультурные аспекты, но также технологический фактор – расширение глобализированных цифровых сетей и их влияние на индустриальное производство (Rennstich, 2008b). Разумеется, «не цифровой единой» формируются планетарные трансформации.

Глобализация: методологический позитивизм

В то же время, несмотря на дискуссии, некоторые авторы стремятся объективировать специфические методологические споры относительно природы глобальных трансформаций и даже иногда пытаются прогнозировать социокуль-

турные импликации. Сильной стороной отдельных публикаций (например, у Рафаила Рувени в статье «О прогнозировании глобализации с использованием мировых моделей» (Reuveny, 2008: 380-399)) является их нацеленность на прогнозирование грядущих трансформаций в контексте наличной глобализации. Юрген и Кристина Клавер, уточняя параметры глобализации и усиливая объективацию феноменов «глобального», предлагают использовать математические модели с целью реконструкции движения мировой истории (K. Kluver, J. Kluver, 2008: 400-414). Этот исследовательский ход – уже очевидный эпистемологический коллаборационизм с установками методологического позитивизма.

Тем не менее, существуют также иные, менее известные, но академически основательные интерпретации исторической глобализации. Ведь фактически любая форма географического продвижения человеческих групп может квалифицироваться как «начало глобализации». Ноэль Коун справедливо замечает, что планетарная экспансия *homo sapiens* началась более 100 000 лет тому назад из экваториальных районов Африканского континента. Выходит, согласно Коуну, что «глобализация» началась фактически ещё в доисторическое время (Cowen, 2001: 1-2). Поэтому прежде всего необходимо определить ключевые особенности исследуемого объекта, чтобы не «растворить» его в сложной и противоречивой эволюции человечества.

На наш взгляд, экономические и технологические характеристики планетарной гомогенности являются определяющими для идентификации глобальных изменений. Исторический анализ теоретических рецепций глобализации позволяет создать необходимые условия для продуктивной концептуализации планетарных демографически фундированных процессов. Глобальные трансформации рассматриваются

как совокупность унифицированных, стандартизированных и
гомогенных денационализированных практик.

Глобализация: движение от модерна к постмодерну

При помощи теоретических построений и эмпирических подходов можно рассматривать глобализацию ретроспективно, на основе компаративного анализа.

Историк Крис Бэйли, пытаясь найти «истоки» глобализационных процессов, выделяет весьма спорный период так называемой «ранней глобализации» (Bayly, 2003: 27-45). Он доказывает, что, как и всякое историческое явление, глобализация имеет свою «предысторию» (prehistory globalization). Вопрос о временных границах глобализации сложен вследствие того, что критерии «глобальности» довольно размыты: от завоеваний Александра Македонского и походов Чингисхана до Великих Географических открытий и эпохи империализма. В зависимости от критериев (экономических, коммуникационных, транспортных, идеологических и других) рамки глобализации расширяются или сужаются.

Крис Бэйли указывает на теоретические сложности концептуализации мировой истории, поскольку академические тексты содержат в себе многочисленные сложные вопросы, которые нуждаются в сильных интерпретациях. В первую очередь, по его мнению, необходимо рассмотреть три проблемы, связанные с возрастанием однородности (uniformity) в осуществлении деятельностных практик на глобальной шкале. Это проблема обозначена в разделах «Инициаторы (Prime movers) и экономический фактор», «Глобальная история и

постмодернизм» и «Загадка Модерна» (Bayly, 2003). Благодаря методологической работе с такими концептами, как современность (modernity), национализм (nationalism), империализм (imperialism), государство (the state), индустриализация (industrialisation) Бэйли показывает исторически обоснованное расширение рамок глобализации и необходимость выделения её новых качественных характеристик.

На основе конвергенции эпистемологических подходов исторической науки и культурной антропологии Джон Уиллз попытался реконструировать ключевое событие европейской (да, впрочем, и мировой) истории. По его мнению, в конце семнадцатого века произошёл поворот от премодерна к эпохе модерна. Исследователь показывает, что это не было началом восхождения так называемого «европоцентризма», поскольку аналогичные комплексные трансформации происходили также в Китае, Японии и на арабо-мусульманском Востоке. Уиллз в своих изысканиях опирается на многовекторную модель исторической событийности. Однако именно эпоха модерна, по убеждению автора, позволила мировой истории формироваться в направлении создания взаимозависимого глобального сообщества (Wills, 2002).

Определение временного интервала начальной фазы глобализации является весьма важной задачей. Создание системы релевантной периодизации также необходимо для понимания современных тенденций и рисков планетарных социально-экономических и технологических трансформаций.

Хопкинс выделяет три основные фазы глобализации: 1) архаическая глобализация (archaic globalization); 2) протоглобализация (proto-globalization) и 3) современная глобализация (modern globalization) (Hopkins, 2002). В другой терминологически определённой таксономии он выделяет «три волны глобализации» (Hopkins, 2002). Терминологические и

хронологические различия коренятся в специфической концептуальной оптике, в зависимости от того, что исследователи считают значимым историческим фоном (background) для глобальных изменений.

Бэрри Джилз, директор Центра исследований глобализации при Гавайском университете, США (Director of the Globalization Research Center at the University of Hawaii), и Уильям Томпсон – редакторы коллективного исследования «Глобализация и глобальная история» – предлагают своё видение природы планетарных трансформаций (Gills, B. (Ed.), Thompson 2006). В этой комплексной работе учёные, независимо от тех или иных методологических установок, согласны в главном: глобализация – это не эксклюзив мировой истории, она не нова и началась тогда, когда люди пытались осознанно добиваться независимости от природной среды.

Глобализация как результат конфликта цивилизаций

Некоторые американские историки, в их числе Томас Сандерс и его соавторы (Sanders, 2005) считают, что история – это совокупность контактов и столкновений различных культурных, политических и социальных традиций. Авторы используют концепт «столкновение» (*encounter*) как базисный организующий принцип исторического процесса. Это оригинальный методологический подход, поскольку здесь обнаруживается динамический характер исторического, социального и культурного развития в мировом масштабе.

Такая линия вполне соответствует доктрине американской гарвардской исторической школы, ярким представите-

лем которой является Хантингтон (Huntington, 1993; Huntington, 1998). Концептуальная и идеологическая метафора Хантингтона «столкновение цивилизаций» второе десятилетие устойчиво «работает» в политическом, геополитическом и социокультурном дискурсах. Со времени публикации С. Хантингтоном в 1993 году программной статьи «*The Clash of Civilizations*» в журнале «*Foreign Affairs*» (Huntington, 1993), затем книги «*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*» (1998) (Huntington, 1998) и, наконец, сборника материалов дискуссий по этой актуальной теме «*The Clash of Civilizations? The Debate*» (2010) (Hoge, Huntington, 2010) продолжают споры о количестве современных мировых цивилизационных центров, об отношениях между ними.

Помимо подходов политологической конфликтологии в плане концептуализации мировой истории, существует также методологический «диалогизм». В этом плане ООН делает усилия для того, чтобы базовой основой взаимоотношений между цивилизациями оставался диалог. Эта позиция отражена в решении ООН 1998 года объявить 2001 год «Годом Диалога цивилизаций».

Согласно другой точке зрения, взаимоотношения могут быть выстроены не посредством «столкновения», а в качестве «альянса цивилизаций». Такая инициатива, выдвинутая в 2005 году премьер-министром Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро на 59-ой Генеральной Ассамблее ООН, была однозначно поддержана премьер-министром Турции Реджепом Эрдоганом.

Думается, что в современном мире имеет место как столкновение культур, так и режим диалога, возможны социокультурные компромиссы или альянсы. В основе цивилизационных конфликтов, кроме экономики и политики, находятся также культурные, религиозные, лингвистические и дру-

гие факторы. Глобализация отчасти нивелирует различия культур, увеличивает тенденции к унификации и гомогенизации мирового социокультурного ландшафта.

Авторы работы «Traditions & Encounters: A Brief Global History» доказывают, что отдельные страны и культуры никогда не были совершенно независимы от инокультурных влияний. Они показывают, что мировая история сформировалась именно на стыке различных «частных историй» и их постоянного взаимодействия (Bentley, Ziegler, Salter, 2006). Изучение роли глобальной составляющей формирования исторических процессов продолжено в более поздней работе (Bentley, Ziegler, 2010). Исследователи считают, что огромную роль в подготовке исторической глобализации всегда играли империи, поскольку империализм способствовал расширению географического пространства и осуществлял гомогенизацию социокультурной сферы жизни.

Причины и последствия возникновения мировых империй анализирует Джон Дарвин. В его терминологии, «глобальные» (*global*) империи возникли в период с 1400 по 2000 годы. «Имперский список» Дарвина включает: империю Тамерлана, Османскую империю, империю Моголов, Манчжурскую, Британскую, Японскую, Германскую (нацистскую) империи, расширенную экспансию Советского Союза. Современное положение дел он описывает как конкуренцию новейшей империалистической сверхдержавы – США – и древнейших империй, возродившихся сегодня в форме региональных держав – Китая и Индии (Darwin, 2009).

В «Незавершённой империи» Джон Дарвин рассматривает глобальные трансформации сквозь призму поучительной истории Британской империи от первых колоний поселенцев на океанских островах вплоть до колонизации Индии. Значительное место в исследовании посвящено анализу про-

тиворечий имперских стратегий и практик (Darwin, 2013). Нужно отметить, что колониальные стратегии и практики сегодня продолжают уже в качестве постколониализма. При этом отметим, что постимпериализм и постколониализм являются более гибкими инструментами экспансии идей, практик и ритуалов глобализации.

Вестернизация: «глобализация сегодня»

Наряду с термином «глобализация» (иногда синонимично) используются такие понятия, как «мондиализация», «вестернизация», «американизация», «интернационализация» и другие. Здесь нужно указать на специфическую семантику этих альтернативных номинаций, что связано с выделением ключевых смыслов альтернативных понятий. Так, термин «мондиализация», французский по своему происхождению (50-е годы XX века), означает идеологический процесс европеизации, специфический культурно-политический проект Запада, предназначенный для успешной колонизации стран третьего мира. Слово используется также для обозначения новых стратегий постколониализма с целью удержания уже освободившихся стран третьего мира, которые пытаются задержаться на своей орбите «вестернизаторы». Мондиализм – это неоколониализм, проводимый иезуитским «ненасильственным образом».

Когда речь идёт о «вестернизации», то необходимо иметь в виду такую тему, как уходящий своими истоками в далёкую историю «конфликт культур» (изначально «Запада» и «Востока», а позднее «Севера» и «Юга»). При этом нужно отметить, что сначала экономическая и военная, а затем культурная экс-

пансия европейских стран значительно изменила незападные общества. После деколонизации, в 60 – 70 гг. XX века, национальные элиты освободившихся от колониализма стран стали активно бороться с «пережитками» колониального прошлого, в основном в культурной сфере. Видимо, поэтому понятие «вестернизация» отражает категорический протест против любой формы культурной глобализации, поскольку она воспринимается как «новая волна постколониализма».

Такая же непростая методологическая коллизия складывается и с понятием «американизация». В этом слове коннотативно выражен эмоциональный протест против экспансии американского культурного империализма. Для многих граждан различных регионов мира очевидно или завуалированно навязывание англо-американских культурных паттернов, ценностей и стандартов: «диснейлендизация», «голливудизация», «макдональдизация» (Буряк, 2011а: 75-77); (Буряк, 2011е: 347-348). Неолиберальные ценности оказываются абсолютно чуждыми для культур развивающихся стран («третий мир»). Во многом они также чужеродны для культурных ландшафтов постиндустриальных стран Европы и Азии. То есть «американизация» рассматривается как специфический вариант «вестернизации». Более сложный и комплексный характер имеет понятие «интернационализация», поскольку отражает принцип на первый взгляд идеологически нейтральной унификации экономических, технологических, политических (в плане международной политики), социокультурных, образовательных и других форм человеческих отношений.

Увеличение эффективности работы граждан, организаций и государств в глобализирующемся мире напрямую зависит от степени их включённости в международные структуры, проекты, рынки, то есть от их интернационализации. При этом в комплексном многомерном явлении глобализации

присутствуют элементы мондиализации, вестернизации, американизации и интернационализации на фоне избыточного потребления (Буряк, 2011е: 322-323).

Непонимание этой комплексности порождает основные методологические противоречия, теоретические конфликты и оценки, а отсюда и диаметрально противоположные интерпретации глобальных трансформаций. Наиболее репрезентативна, «поверхностна» и многообразна культурная сторона планетарных изменений. Шкала культурного глобализованного контента широка: от предметов роскоши и аукционных артефактов «Сотбис» до «мыльных опер» и меню ресторанов быстрого обслуживания «МакДональдс» (феномен локализованной «макдональдизации» как субформы культурной американизации).

Непреложный факт непрерывных и очевидных перемен на различных уровнях гражданской повседневности во всех регионах мира есть прямое доказательство реальности процесса глобализации или, точнее, проявление эффекта глобальности. На эту перманентную «процессуальную» сторону вопроса обращает внимание Манфред Штегер. Он считает, что термин «глобализация» может быть использован для того, чтобы указать на социальный процесс, который постоянно трансформирует наши теперешние социальные условия в глобальность. В своей основе глобализация представляет собой смещение форм межчеловеческой коммуникации (*shifting forms of human contact*) (Steger, 2003).

В самом деле, популярное высказывание «глобализация – это то, что происходит сегодня» (*globalization is happening*)» содержит три важных смысловых элемента. Во-первых, мы неизбежно дистанцируемся от условий конституирования современности (*condition of modernity*), что было неотъемлемым основанием нашей культуры начиная с XVI века; во-

вторых, мы движемся по направлению к новым условиям формирования глобальности (*moving toward the new condition of globality*); и в-третьих, мы пока ещё не достигли этих новых условий. На самом деле, подобно «модернизации» (*modernization*) и другим терминам, которые заканчиваются на суффикс - *ization*, термин «глобализация» намекает на некий вид динамизма, лучше всего схватываемый идеей развития «*development*», или «развёртывания» (*unfolding*), или же другими подобными моделями. Такая методологическая диспозиция может совершаться быстро или медленно, но всегда, в конечном счёте, соответствует идее изменения и поэтому фиксирует значение трансформации существующих условий (Steger, 2003: 7,8). Это указывает на важнейшие маркеры репрезентативной глобализации в современном мире.

Глобализация: эпистемологический захват

Эпистемологический сегмент «концептуального захвата» таких понятий, как «цивилизация», «интернациональное общество», «демократический капитализм», «поздний капитализм», «мировая экономическая система», «коммунизм», «социализм» «глобальность», требует тщательного анализа. Однако объективному постижению эффектов глобализации мира не соответствует доминирующий идеологический дискурс. Неoliberalизм имеет существенные изъяны. На «поверхности» он демократичен, но в экономической «глубине» – тоталитарен. С другой стороны, в своей основе фашистская и неofaшистская идеология способствует попыткам авторитарно мыслить и активно реализовать проект специфического «нового социетального и международного порядка»

(Robertson, 1990: 16). Отличительными характеристиками глоболизирующегося мира являются глобальная комплексность и структурная контингентность (Robertson, 1990: 18).

В конечном счёте идея о всеобщей связанности социокультурных событий восходит к «Универсальной истории» Полибия, хотя это, конечно же, может выглядеть как модернизация идеи глобальности мира. Необходимо учитывать историческую ограниченность античных представлений о «глобальном мире», исходя из наличных греко-римских познаний об ойкумене.

Несмотря на различия интерпретаций «глобальности» отметим, что некоторые реалии глоболизирующегося мира вполне очевидны. Это прежде всего такие характеристики, как наличие глобальной информационной системы и мировой капиталистической экономики (Robertson, 1990: 24).

После тщательного анализа основных теоретических подходов к постижению глобализации Робертсон предлагает своё решение: «минимальную модель глобализации». Она не содержит осевых характеристик, или каких-либо фундаментальных принципов, или же основополагающих механизмов производства глобального порядка. Это скорее указание на ключевые тенденции конструирования мирового порядка и констатация стремительной компрессии мира.

В условиях глобализации, доказывает Робертсон, акцент должен быть сделан на судьбах унитарных национальных государств, а точнее – на судьбах национальных обществ. «Гомогенизированное национальное государство, гомогенность, понимаемая в смысле культурно-гомогенизированного, административно и граждански гомогенизированного общества, – это конструкция определённого специфического образа жизни...» (Robertson 1990: 27-28). Глобальная система – это изначально не результат интра-

социетальных интенций и даже не итог развития межгосударственных систем, а намного более сложный и культурно богатый феномен, чем какой-либо политический проект (Robertson 1990: 28).

Методологические подходы к постижению природы «глобальности» достаточно различаются. Йенс Бартельсон в статье «Три концепта глобализации» (2000) обращается к классической методологической процедуре, заключающейся в уточнении ключевого понятия «глобализация». Его работа представляет собой специальное исследование смыслов и функций концепта «глобализация» в рамках социальных наук за период десяти лет (1990 – 2000 годы), когда тема стала активного обсуждаться в академическом сообществе. Описаны онтологические предпосылки (*ontological presuppositions*) и историческая траектория (*historical trajectory*) данного концепта. Автор проводит различия между тремя смыслами идеи глобализации: перенесением (*transference*), трансформацией (*transformation*) и трансцендентностью (*transcendence*). Доказывается, что эти смыслы постепенно «всплывали» внутри дискурса глобализации. Демонстрируется, как развёртывание этих коннотаций в поле академических дискуссий дестабилизировало онтологические основания теории международных отношений (*international theory*), при этом «глобальное» конституировалось как новый объект теоретических исследований и практик. Такой методологический разворот, по мнению Бартельсона, дал импульс освобождению политического воображения от ограничений, накладываемых стереотипами, возникшими из представлений о статическом существовании мира.

Мало кто сегодня сомневается в существовании эмпирических маркеров проявленности глобализации, однако едва ли кто-то может точно сказать, что такое глобализация как

уникальное целостное комплексное явление. Возникает вопрос о причинах и следствиях глобальных изменений, о фактуальности глобального как такового.

Йенс Бартельсон заостряет проблему обнаружения глобализации таким образом: «Откуда и куда движется глобализация»? Автор считает, что «Принятие глобализации как некой данности само по себе уже является социальным фактом, который необходимо дополнительно изучать» (Bartelson, 2000: 180). Здесь необходимо разграничить «знание о глобализации» и «уверенность в том, что глобализация существует» (Bartelson, 2000: 181). Онтологические предпосылки и историческая траектория концепта «глобализация» могут быть прояснены в ходе многочисленных дебатов о природе последней. Проблема конституирования «глобального» как многомерного объекта должна быть решена до развёртывания интенсивных дискуссий относительно дальнейших исследований. Особенно важна такая методологическая установка с учётом перспективного планирования постглобального мира.

Концепт «глобализация» изначально трактовался как политико-экономическое выражение капиталистической идеологии. У Фергюссона понятие анализируется в контексте неолиберальных практик постколониализма (Ferguson, 2006). Понятие интерпретировалось Бурдье как прямое указание на эпифеномен социально-экономического развития, как явление типологически близкое современному империализму, культурному экуменизму, экономическому фатализму. В общем, это такое явление, которое на транснациональном уровне обладает нейтральной перманентной необходимостью. Зигмунд Бауман считает, что глобализация, как и всякое «модное словечко», на первый взгляд, понятное и претендующее на «опрозрачивание» темы обсуждения, делает пред-

мет исследования ещё менее понятным и фактически затемняет его суть (Bauman, 1998: 1). Эти аналитические рассуждения имеют смысл, когда мы переходим из области публицистики и политической риторики к научному изучению комплексного многоуровневого и многомерного явления.

Признавая реальность глобальных изменений, которые в корректной объективирующей форме могут быть названы «глобальными трансформациями», а в упрощённом (но деидеологизированном) варианте – «глобализацией», выделим очевидные фундаментальные характеристики, которые отдельные авторы обозначают как «измерения глобализации» (ключевые аспекты глобализации). Эпистемологическая ситуация с поиском адекватных дефиниций, благодаря которым могут быть интеллектуально схвачены глобальные изменения, усложняется.

Производство глобального

Главная эпистемологическая проблема в изучении планетарных трансформаций заключается в поиске релевантных методологических стратегий, обеспечивающих познавательные средства для описания механизмов производства разнообразных практик глобализации. Для того чтобы добиться концептуальной ясности, нужно выделить ключевые понятия: «глобальные трансформации», «глобализм», «глобализация», «антиглобализм».

Такие семантически объёмные характеристики, как «развитие», «развёртывание», являются более масштабными, чем «глобализация», по крайней мере, в темпоральном измерении. Сложности описания и «измерения» глобальных

трансформаций нуждаются в подходах междисциплинарных исследований. По мнению Штегера, необходимо выделить наиболее важную составляющую глобализации, а именно – социальное измерение, которое при внимательном рассмотрении оказывается не только главным «страдательным» элементом глобальных трансформаций, но также и отправным пунктом фундаментальных планетарных изменений, своеобразной «точкой опоры» рефлексий относительно природы глобализации.

«Машинерия» производства глобальности уже запущена и весьма продуктивно работает (по крайней мере, это справедливо для постиндустриальных обществ). Благодаря совокупным усилиям экономистов и политиков сегодня крайне важно внимательно отслеживать и изучать эту «машину» производства глобального, а также понимать природу планетарных рисков, учитывать позитивные и негативные последствия глобализации. Предметом изучения эксперты избрали основные измерения глобализации. Уже достаточно проявлены фундаментальные проблемы, связанные с «реальной глобализацией», с её перспективами. Штегер утверждает, что учёные, которые исследуют динамику глобализации, очень тщательно изучают в рамках этой темы происходящие социальные изменения (Steger, 2003). В этой связи неизбежно возникают фундаментальные вопросы: как продвигается глобализация; каковы движущие силы глобализации; в основе планетарных трансформаций лежит один или несколько факторов; глобализация однородна или разнонаправлена; глобализация – это продолжение стратегии модернизма (modernity) или радикально новое явление; чем глобализация отличается от предшествующих социальных планетарных движений (developments); создаёт ли глобализация какие-то новые формы неравенства и социальной иерархии?

Нужно заметить, что концептуализация глобализации как непрерывно продолжающегося в пространстве и времени изменчивого процесса, а не как совокупность фиксированных, конечных, статичных условий, требует особого внимания исследователей (Steger, 2003: 8). Таким образом, авторы указывают на важный аспект глобального. Штегер констатирует, что глобализация – это динамический процесс, а культурная глобализация как его составная часть неизбежно динамична. Именно ускорение культурных процессов в эпоху глобализации является объектом (главной темой) многих исследований (Steger, 2003). Поскольку социокультурные условия различны для регионов мира, фокусировка на частностях имеет большое значение при выяснении специфики глобальных трансформаций.

Концептуальные подходы к проблематике «измерений» глобализирующегося мира наиболее развёрнуто представлены в работе Йенса Бартельсона (Bartelson, 2000). Методологические инструменты выделения измерений глобализации рассмотрены Эндрю Джонсом (Jones, 2010). Впрочем, нужно отметить, что ещё ранее Манфред Штигер в своих исследованиях разрабатывал именно методологический принцип многоуровневости и взаимодополнительности в понимании глобальных трансформаций (Steger, 2010). Несмотря на различие методологических подходов и экспертных оценок качеств «глобальности» сегодня признаётся главным образом экономическое измерение (Bryant, 2003), (Greenspan, 2007), (Paulson, 2010). Немаловажную роль в ускорении глобальных трансформаций играют международные отношения, как показывают Найт и Китинг (Knight, Keating, 2010), Каарбо и Рэй (Kaarbo, Ray, 2010), а также Хейвуд (Heywood, 2011).

Глобальные трансформации не воспринимаются однозначно в качестве позитивного планетарного феномена. Кри-

тическим идеологическим трендом с отрицательным знаком «глобализация – зло» оказывается антиглобализм. Также с негативными эффектами глобализации связана тенденция возрастания рисков на планетарной шкале. Это происходит в связи с расширением тренда «новой криминальной революции» в планетарных масштабах, что отмечает Кэрлайн Нордстром (Nordstrom, 2007). Несомненно, можно утверждать, что глобализация является противоречивым, мутирующим комплексным процессом, который невозможно однозначно определить и стандартно оценить в любой из существующих традиционных систем координат.

Глобальные трансформации осуществляются в более широком контексте эволюции ноосферной реальности. По существу, фундаментальным основанием глобальных трансформаций является именно формирование ноосферной реальности. Отметим, что ноосферный характер событий, размещённых на планетарной шкале в течение последних десятилетий XX – XXI веков, может очень многое прояснить в понимании природы, причин, стратегий и последствий глобализации. Сегодня самой актуальной сферой изучения глобализирующегося социокультурного пространства является последовательное восхождение энвайронментальной традиции. Увеличивается количество исследований по проблематике экологии и применения новейших технологий в контексте рисков, исходящих от ускоренных планетарных трансформаций (Heinberg 2010a), (Heinberg, Lerch, 2010b). Эта форма критической интеллектуальной деятельности сочетает в себе интеграцию ценностей естественного бытия человека (*homo naturalis*) и формирующегося социетального ансамбля постчеловечества (*posthuman society*). Здесь необходим аксиологический баланс ценностей природного бытия и приоритетов техно-будущего.

Наибольший интерес для понимания «машинерии» глобализации представляют собой междисциплинарные исследования, поскольку планетарные процессы многомерны, комплексны и динамичны, а поэтому и требуют широкого спектра методологических инструментов.

Полиаспектная работа «Глобализация и развитие» (2004) (Kalb, Pansters, Siebers, (eds.) 2004) посвящена широко-масштабному изучению глобализации. Это межотраслевой научный труд группы исследователей, связанных с программой CERES в рамках Research School in Development Studies – аффилированных с научной школой в Нидерландах. Исследование создано учёными, работающими в различных дисциплинарных полях (fields of globalization and development research), занимающимися проектами формирования устойчивой глобальной экономики для XXI века. В специализированном комплексном исследовании сталкиваются различные концептуальные подходы (basic concepts and methods) и апробируются новые тематизации планетарных трансформаций. Такая исследовательская стратегия имеет решающее значение для продуктивного изучения комплексного феномена глобализации.

Социокультурная составляющая эволюции ноосферы не менее важна, чем экономическая или технологическая. Сциентизированная идеология, на первый взгляд, значительно упрощает анализ генезиса глобализации и конструирование целенаправленной планетарной деятельности как основополагающей активности человечества. Благодаря использованию инструментальных подходов, опирающихся на достижения ноосферной методологии (принципы универсальности, холизма, системности, естественнонаучного детерминизма), дискурс философии способствует выработке специфического взгляда на природу культурных трансформаций.

В глоболизирующемся мире Штегер выделяет культурные трансформации как явление, опосредованное экономическими, социально-политическими и технологическими инновациями. Систематика и прагматика планетарного потокового движения артефактов, ценностей и смыслов в локальном, глобальном и глокальном контекстах во многом определяется структурными особенностями коммуникативного социально-исторического пространства (Steger, 2010). Такое понимание движущих сил формирования современной культуры позволяет сформировать целостное представление о характере и детерминантах горизонтальных культурных трансферов как производных генезиса ноосферной реальности.

Глобализация: объективные противоречия и «благие намерения»

В условиях «информационной эпохи» значительно ускоряется экспансия социально-политического глобализма. Особенно это касается экономических процессов, на что указывает Кристофер Чейз-Данн в книге «Глобальная формация: структуры мировой экономики» (1998) (Chase-Dunn, 1998). Автор анализирует множество различных микро – и макро-экономических процессов и показывает, как эти новые паттерны созидания глобальной формации (patterns of global formation), казалось бы, не связанные между собой, могут быть объяснены в рамках теоретических моделей, основанных на принятии парадигмы современной мир-системы. Этот подход открывает перспективы понимания глобализационных последствий для многих индивидуумов в контексте раз-

вития современной социокультурной системы в планетарном масштабе.

В сборнике работ «Глобализация и идентичность» (Meyer, Geschiere, 1999) на основе исследования богатого эмпирического материала с опорой на методологические подходы современной социальной теории производится многоуровневый анализ «идентичностей» в контексте глобализации. Ускорение и усложнение глобальных потоков товаров, услуг, людей и образов потенциально несут угрозу сохранению культурных различий, способствуют нарастанию социальной напряжённости, продвижению унифицированных и стандартизированных социокультурных форм. Учёные исследуют специфику глобализационного парадокса: сосуществование трансконтинентальных социокультурных «потоков» и локализованных «герметичных» культур. Основным методологический тренд составляют интенсивные тематизированные исследования в компаративистской перспективе (*case studies in comparative perspective*).

В области социологических, экономических, политических дисциплин, в философских науках и антропологических исследованиях уделяется все большее внимание проблемам, связанным с противоречивостью процессов глобализации. В работе Мауро Жульена о пределах конвергенции в эпоху глобализации (Guillén, 2003) в широком культурно-историческом контексте рассматриваются различные смысловые коннотации понятия «глобализация». Представленная автором программа теоретических и эмпирических исследований по проблемам глобализации организована вокруг пяти ключевых вопросов:

- Что на самом деле происходит в современном мире?
- Если реально идёт процесс глобализации, то происходит ли многоуровневая конвергенция и интеграция?

- Подвергается ли опасностям при этих трансформациях авторитет национального государства?
- Отлична ли глобальность (globality) от современности (modernity)?
- Происходит ли развитие глобальной культуры?

Эти вопросы на первый взгляд носят риторический характер. Однако содержащиеся в них методологические принципы позволяют «расколдовать» идеологизированную и политизированную оболочку дискуссий о глобализации. Комплексное исследование глобализации произведено Жульеном на основе методов сравнительной социологии. При этом автор учитывает локальные особенности культур, специфический характер деятельности в регионах, формы противостояния глобализационным практикам со стороны «локального сопротивления», мотивацию, интересы и взаимоотношения различных акторов глобализации/антиглобализма. Также Жульен анализирует причины и следствия актуальных глобализационных процессов (Guillén, 2003).

В интердисциплинарном исследовании «Глобализация и развитие» (2004) (Kalb, 2004) у авторов преобладает критический подход к доктринальной и идеологической подоплёке глобализма. Внимание учёных сфокусировано на ключевых проблемах глобализации (issues of globalization), в особенности на теме становления социокультурных идентичностей, проблематике эффективного глобального управления. Также рассматриваются вопросы формирования транснационализма (transnationalism) и способов производства знания в условиях интенсивных глобальных коммуникаций.

Ричард Аппельбаум и Уильям Робинсон («Critical Globalization Studies», 2005) (Appelbaum, Robinson, 2005) сформировали коллектив авторов, который достаточно эффективно продвинулся в направлении многостороннего рас-

смотрения глобализации как комплексного явления. Они использовали методологический потенциал критической теории в исследовании глобализации. С позиций социальной теории, социологии, глобальных исследований и международных исследований (global and international studies) учёными рассматривается широкий круг тем. В фокус их внимания попадает проблематика, которая прежде оставалась на периферии изучения (margin of globalization studies) обширного поля глобальных трансформаций. Контекстуально масштабированный подход к постижению планетарных трансформаций продуцирует новые и важные теоретические перспективы исследования феномена глобализации. Ключевая роль отводится анализу производства глобальной социальной деятельности (global social activism).

Ускорение глобальных трансформаций: Интернет, социальные сети и планетарная мобилизация

Определение хронологических интервалов планетарной экономической экспансии с элементами стандартизации и унификации ритуалов, ценностей, видов деятельности представляет значительную методологическую сложность. Уточнение параметров глобализации требует применения эпистемологических ресурсов, базирующихся на географических, исторических, этнографических и антропологических подходах. В ходе глобальных трансформаций неизбежно возникают новые явления и спонтанные процессы. При этом актуальность экономических и политических событий, как бы они ни были важ-

ны, отходит на второй план. Наиболее важными становятся социокультурные тренды и технонаучные перспективы.

В первой декаде XXI века стало очевидно, что средства мобильной связи (с подключением к Интернету), глобальная навигация и экспоненциально развивающиеся социальные сети становятся наиболее мощными триггерами ускорения глобализации. Однако технологические достижения в рамках инфосферы имеют и обратную, теневую сторону, на что обращают внимание исследователи. Например, Марк Бауэрлейн доказывает, что цифровая эпоха отупляюще воздействует на молодое поколение и несёт в себе будущие глобальные риски (Bauerlein, 2009). В оригинальном исследовании Рендела Стросса «Планета Гугл» (2008) (Stross, 2008) анализируются деятельность и организационные ресурсы самой масштабной в Интернете поисковой системы Google. Автор указывает на возможные риски интенсивного использования глобализированных сетевых коммуникационных ресурсов. Другой исследователь машинерии «всемирной паутины», Николс Карр, пытается убедить читателей в том, что Интернет губительно действует на интеллектуальные способности пользователей (Carr, 2011). Эти и другие авторы в пылу полемики часто сгущают краски, создавая апокалипсический настрой в восприятии информационного общества. Тем не менее, опасные тенденции развития глобального сетевого контроля корпораций над информационными потоками и коммуникативными практиками очевидны и несут в себе значительные риски для граждан.

Глобальное информационное пространство – это продукт тотального продвижения технологий и упрочения экономической стандартизации социокультурных форм. Глобальные трансформации – результат ускорения в ключевом направлении денационализации экономик, ритуалов повседневности.

Данные тенденции являются закономерным результатом дальнейшей ускоренной ноосферизации биосферы. Междисциплинарные подходы для определения временных и пространственных параметров глобализации необходимы с целью выяснения характера, динамики и природы глобальных изменений. Историческая и дисциплинарная «картография» процессов глобальных трансформаций позволяет сформировать релевантные представления о фундаментальных тенденциях в планетарной экономике и международной политике.

Следствием глобализованного вертикального движения значимых идей, а в ещё большей степени – горизонтальной филиации социокультурных форм, оказывается постоянное расширение интеллектуального пространства (Буряк, 2008а: 3-11). Этот процесс непрерывного трансфера идей, паттернов и форм осуществляется посредством реализации обыденных, профессиональных, коллективных и других социально значимых мемов (Буряк, 2011е: 390-391).

В течение последних десятилетий планетарные явления, связанные с ускорением интеграции региональных экономик в единую финансово-промышленную систему, стали предметом многочисленных экспертных исследований, научно-популярных и медийных нарративов. Планетарные трансформации – многоуровневое комплексное явление. Попытки «вдруг» понять суть «глобализации» обречены на эпистемологический провал. Важно понимать прежде всего то, что глобализация – это современный этап эволюции ноосферы (Буряк, 2013а: 21-24).

Особое внимание экономистов, политиков и журналистов привлекает быстрота изменений в социо-культурном пространстве. Суть этих перемен состоит в стандартизации и унификации коммуникативных практик. С одной стороны, это неизбежное следствие технологических инноваций, уни-

фикации и стандартизации ритуалов глобального производства и потребления. С другой же – обнаруживаются значительные риски разрушения этно-национальной социокультурной матрицы, групповых и индивидуальных идентичностей. Как представляется, такое противоречие между «локальным» и «глобальным» порождает ключевую реальную проблему: конфликт между ценностями консервативного традиционализма и принципами неolibеральной инновационности. Это противоречие особенно заметно в сфере социокультурной глобализации.

Необходимо выяснить глубинные причины неравномерности глобальных трансформаций, специфический характер агрессивной экспансии глобализации, выделить и сравнить различные подходы в интерпретации сложных планетарных изменений, произошедших в последние десятилетия. Именно в этот период ускоряется интенсивность глобализационных перемен. Планетарные трансформации обладают огромным экономическим, военно-политическим, социокультурным и образовательным потенциалом (Буряк, Зубарев, 2014: 165-169). Как любой комплексный объект, глобализация должна стать приоритетным объектом междисциплинарных исследований.

Экспликация ближайших и отдалённых результатов планетарных трансформаций требует определения принципов систематизации теоретических подходов, направленных на понимание феномена глобализации как исторически детерминированного многоуровневого, многомерного и высокодинамичного процесса (Буряк, 2009а: 23-25). Поэтому прежде всего нужно выделить основные направления концептуализации фундаментальных аспектов глобализации. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть и классифицировать наиболее влиятель-

ные теории глобализации, выявить особенности рефлексии о глобализации. Главная проблема исследования «глобального» состоит в определении методологических диспозиций в сфере теоретизации планетарных трансформаций.

Сам факт существования многочисленных исследований, посвящённых изучению причин и характера глобальных трансформаций, указывают на актуальность познания механизмов взаимозависимости планетарных явлений. Отметим тематическое и мультидисциплинарное разнообразие исследований. Одной из важных аналитических проблем становится обнаружение порядка и конфигурации глобальных процессов. Здесь необходимо отметить такой парадокс: глобализация переформатировала международные отношения в пользу динамичности и эффективности экономики, тем не менее, противоречия между странами и регионами в плане баланса социального благополучия граждан постоянно углубляются.

Глобализация как объект социальной теории

Малколм Уотерс – один из первых мыслителей, для которых глобализация стала важнейшим объектом исследования ускоренной динамики современного мира во всём его разнообразии (Waters, 2001). Преодоление географически сформированных ограничений, по его мнению, даёт в результате эффект сжатия мира, который становится единообразным и унифицированным. Глобализация рассматривается автором с социологической точки зрения. Учитываются не только академические, но и публицистические материалы по этой теме. По заключению учёного, средства массовой информации скорее продвигали в медиасфере идеи глобализма,

нежели критически оценивали негативные эффекты глобализации. Для автора важен подход, уточняющий прежде всего фактологические констатации, а не доктринальные установки и идеологическую ангажированность глобализма. Комплексность и многоуровневость глобальных трансформаций обнаруживается в экспликации основной темы – гомогенизации социокультурных идентичностей (Буряк, 2008а: 3-5). Это проявляется в первую очередь в экспансии западных технологических, экономических, политических и социокультурных стандартов.

В сборнике статей под редакцией Бенджамена Вилера, Джильды Вилер и Венди Чарч «Всё связано: полный путеводитель по глобализации и устойчивому развитию» (Wheeler, Wheeler, Church, 2005) авторы в дискуссионной форме излагают взаимосвязанные проблемы, относящиеся к теме глобальных трансформаций. В ходе репрезентации материалов используются методы социальной и энвайронментальной теории и системный подход.

Компетентно представлена эпистемологическая фокусировка на релевантных темах в рамках научно-популярной литературы, где упрощённо описаны ключевые проблемы глобализации. Целевая аудитория книги – старшеклассники, ученики колледжей и студенты, интересующиеся глобальными проблемами современности. В доступной форме показан ключевой проблемный круг – трудноразрешимый конфликт локального и глобального модусов человеческой деятельности в современном мире.

Средствами социологического анализа, политической теории, антропологической тематизации и на основе исторических методов Пол Джеймс выстраивает оригинальный концептуальный каркас глобальных исследований для понимания наличного конфликта между государственной политикой и

гражданским социумом. Речь идёт о природе взаимоотношений между институтами официальной политики и гражданским обществом. Исследование открывает беспрецедентные горизонты для артикулирования этих современных политических трендов. Джеймс предлагает схему, включающую анализ противоречий, конфликтов и спорных тенденций, с которыми люди сталкиваются в процессе ускоренной глобализации.

На масштабной шкале производства геноцида и терроризма, господства финансового капитала и засилья зомбирующего телевидения обнаруживаются экзистенциальные, экономические и социальные механизмы противостояния культур и отдельных личностей, движимых своей историчностью и детерминированных конкретным географическим (геополитическим) положением (James, 2006). Как показывает исследователь, планетарные процессы противоречивы и неоднозначны.

Многими авторами отмечается главная особенность глобальных трансформаций – их многомерность. В книге «Глобализация и культура» (James, 2009) под редакцией Пола Джеймса собран уникальный материал, связанный в большей степени с социо-культурным измерением глобализации. Понять сущность глобальных изменений, считают авторы, проще всего, произведя анализ экспоненциального роста глобальной коммуникации, темпов и направленности распространения мировых религий, расширения идеологических дискурсов рыночного глобализма, комплексного исследования такого явления, как трансфер социокультурных и религиозных норм, ритуалов и ценностей (Буряк, 2006b), (Буряк, 2006d). Существенную роль в ускорении культурной глобализации играют образовательные стратегии (Буряк, 2006a); (Буряк, Зубарев, 2014).

На основе разных подходов учёные пытаются показать, что культурное измерение глобализации является определяющим, поскольку именно культурная идентичность обуславливает самосознание в быстро меняющемся мире. Работа Томаса Хайланда Эриксона «Глобализация: ключевые концепты» (Eriksen, 2007) фактически является теоретическим введением в сложный предмет дебатов о природе глобализации. Здесь не только описано текущее положение дел, но также намечены определённые перспективы дальнейших дискуссий. Представлены аргументы в пользу компаративного анализа планетарных процессов. Автор выделяет, в первую очередь, экономические, политические, культурные и экологические аспекты глобализации как фундаментальные факторы. Они связаны с продолжающейся стандартизацией экономик, культур и оказывают неизбежное влияние на практики повседневности. На протяжении всего исследования используются инновационные подходы, учитывающие достижения наиболее разработанных и влиятельных концепций глобализации.

Попытки систематизировать теоретические подходы изучения феномена глобализации характерны для обобщающих работ, где излагаются оригинальные версии происхождения глобальных трансформаций. Глобальные проблемы включают такие темы как демократизация, защита прав человека, безопасность глобальных финансов, пандемии и планетарные изменения климата. Перечень глобальных проблем выходит за рамки компетенций национальных государств и одновременно бросает вызов системе стабильности международных отношений (Raune, 2012). Тема «глобального гражданского общества» является весьма актуальной для каждого индивидуума, который сталкивается с вызовами космополитических идеологических установок (Буряк, 2012а: 36-38).

Академический дискурс глобальных трансформаций характерен в целом для большинства исследований. Тем не менее, сделать достойную всеобъемлющую «концептуальную картографию» глобальных трансформаций удавалось немногим. Андрю Джонс в книге «Глобализация: ключевые мыслители» (Jones, 2010) отмечает, что о феномене глобализации написано уже очень много монографических исследований, академических и научно-популярных статей, может быть, даже чересчур много. Как следствие, слово «глобализация» подвержено смысловой гиперинфляции и становится очевидно тривиальным. Да и совокупность взаимосвязанных планетарных процессов, заключённых в понятии «глобализация», становится каким-то непреложным и само собой разумеющимся фактом.

Немногие мыслители задаются вопросом о том, чем «глобализация» является на самом деле. «Книг и статей, написанных о глобализации, настолько много, что все их не прочесть, а тем более проанализировать их содержание едва ли возможно. Высокочастотному термину угрожает смысловая гиперинфляция. Существует множество тематических и проблематических повторов в этой области академической науки» – считает Джонс (Jones, 2010: 1). В некоторых работах, отмечает автор, отсутствуют компонент аналитичности, теоретической рефлексии или эмпирической достоверности. Автор задаётся целью дать критический обзор корпуса глобальных исследований и представить обширный справочный материал к дебатам о глобализации.

Тема развёрнута, презентирована объёмно, даны точные дефиниции, выделены основные идеи и проблемы (Jones, 2010: 2). Рассматривая публикации по теме глобальных трансформаций и сравнивая концептуальные подходы, относящиеся к соответствующей проблематике, Джонс выделяет

оригинальные авторские версии: Иммануила Валлерстайна, Энтони Гидденса, Мануэля Кастельса, Дейвида Хелда и Энтони МакГрю, Пола Хёрста и Грехема Томпсона, Питера Дайкена и Саскии Сассен, Томаса Фридмана и Мартина Вольфа, Джозефа Штиглица, Наоми Кляйн, Джорджа Монбиота, Майкла Хардта и Антонио Негри. По его мнению, именно эти мыслители – историки, политологи, социологи, экономисты, философы и журналисты-международники – сформировали современный междисциплинарный дискурс глобализации.

В то же время такие влиятельные социальные теоретики, как Рональд Робинсон, Джон Томлинсон, Майк Фезерстоун, Айва Онг, Арджун Аппадураи, Зигмунд Бауман, Майк Уотерс, Мартин Штегер и другие исследователи природы «глобального», не попали в поле его аналитики. Причина, возможно, состоит в том, что многие из проигнорированных Джонсом авторов в фокус анализа феномена глобализации размещают не экономический аспект глобализации, а прежде всего идеологическое, антропологическое, культурное или другие её измерения. Такие международные финансисты, как Алан Гринспен или Джордж Сорос, почему-то не фигурируют в списке исследователей глобализации Джонса. Поэтому «экономико-центризм», видимо, не является методологическим приоритетом у Джонса. Тем не менее, макро-процессы глобализации существенно влияют на жизненные стратегии индивидуумов, как показывает Дж. Кирико (Chirico, 2013).

Интерпретация глобальных трансформаций: основные подходы

Феномен глобальных трансформаций в течение последних десятилетий привлекает внимание исследователей различных специальностей: философов, социологов, экономистов, экспертов, изучающих международные отношения, политологов, культурологов, антропологов и представителей многих других дисциплин. Для уточнения предмета исследования необходимо определить исторические рамки, временные интервалы периодизации, выделить локальные и региональные особенности глобальных трансформаций. Отметим многоуровневость и многомерность явлений, совокупность которых называют «глобализацией».

В плане идеологической конфронтации необходимо отметить сильнейшее влияние неолиберальных идей на конституирование и упрочение идеологии глобализма в качестве идейно-политического инструмента продвижения финансово-промышленного тренда глобальных трансформаций (осуществления политики «глобализации»). Антиглобалистскую версию осуществления глобальных трансформаций выдвигают представители леворадикальных движений, которые идеологически зависят от установок троцкизма, неомарксизма (постмарксизма), энвайронментализма и прочих доктрин, связанных с неолиберальными взглядами на процессы конструирования нового миропорядка.

Основным вопросом методологических споров и дискуссий, на наш взгляд, является признание или непризнание существенных глобальных изменений в рамках всемирной истории. Глобализацию можно описать как осуществление экономического, политического и культурного «поворота», прен-

зентируемого с помощью теоретических и эмпирических эпистемологических инструментов. Поэтому ключевой методологический вопрос звучит так: что собой представляет «глобализация» как специфический социально-экономический этап исторического развития человечества?

Исследователи, признающие «факт» непреложности планетарных изменений, чаще всего обозначают это явление посредством общедоступного понятия «глобализация». Сторонники скептического взгляда на характер планетарных многоуровневых взаимозависимых процессов используют термины «глобализация» и «глобальные трансформации». Представляется методологически нецелесообразным ставить вопрос о том, существует ли глобализация как «объективная реальность» или это некий идеологический конструкт, неолиберальный миф. Картезианский принцип радикального сомнения – непременный эпистемологический инструмент для конструирования результативного академического дискурса. Учитывая то обстоятельство, что лексема «глобализация» уже более двух десятилетий находится в научном обороте, пересматривать целесообразность термина и предпринимать его реноминацию, отменяющую либо запрещающую использование частотных академических понятий, будет рискованным методологическим шагом. Термины «глобализация», «глобальные изменения», «планетарные изменения» и «глобальные трансформации» употребляются как синонимичные. Уточнения оказываются либо контекстуальными, либо формализованными (McGrew, Held, 2007).

Среди авторов академических текстов, разделяющих идейно-политические взгляды на природу глобальных трансформаций, и методологические подходы к их осмыслению, существуют разногласия в толковании ключевых понятий, основополагающих характеристик и оценочных сужде-

ний, связанных с сутью планетарных изменений. Очевидно, здесь идёт речь о включении или, наоборот, исключении каких-либо аспектов функционирования комплексного объекта. Весьма вероятно, что имеются в виду дисциплинарные предпочтения, смысловые оттенки и частные герменевтические процедуры. В то же время согласованность по стратегическим направлениям исследования и специфика изучаемого объекта позволяют говорить о единой интерпретативной матрице истолкования природы глобальных трансформаций.

Познавательные подходы к постижению сути глобализации формируются под мощным давлением двух конфликтующих идеологий: глобализма и антиглобализма (Буряк, 2010b). Глобалистский дискурс – результат идеологического и доктринального влияния неолиберальной идеологии. Антиглобалистский дискурс конструируется из идейно-политических «мотивов» неомарксизма, троцкизма и алармистского энвайронментализма.

Влиятельными направлениями, усиливающими антиглобалистское сопротивление идеологии глобализма, являются религиозный фундаментализм и этнокультурный консерватизм. Анализ и систематизация основных методологических подходов глобализма / антиглобализма позволяют понять объективные причины и основную направленность планетарных процессов, характеризующихся ускорением, унификацией и стандартизацией экономических, социальных и культурных форм исторической событийности.

Прояснение механизмов ускоренного трансконтинентального движения капиталов, технологий, социокультурных норм даёт ключ к пониманию детерминации комплексных глобальных потоков. Осознание того, как работает глобализация, позволит прогнозировать риски и угрозы размывания

локальных социокультурных идентичностей, сложившихся к началу глобальных трансформаций.

Актуальность изучения методологических подходов к познанию природы глобализации определена потребностью в выделении способов существования комплексного, многоуровневого и многомерного объекта (Буряк, 2010с: 211-212). Непосредственная цель анализа методологических подходов заключается в определении основных познавательных стратегий, направленных на изучение ключевых особенностей развёртывания глобальных трансформаций. Анализ актуальности многомерного явления включает в себя идеологические, экономические, политические, социальные и культурные характеристики. Реализация этой цели предполагает решение ряда исследовательских задач: описание методологических подходов, выделение основных методологических направлений, выявление эпистемологических элементов теоретических дискурсов глобализации.

Под глобальными трансформациями понимается объективный процесс стандартизации и унификации норм, технологий, практик, направленность которых связана с минимизацией государственных барьеров для ускоренного перемещения финансов, товаров, услуг, рабочей силы, идей, образов, других материальных объектов и символических смыслов.

Глобализм – это идейно-политический комплекс, фундированный доктринально неолиберализмом. Он служит для идеологического оправдания и реального продвижения капиталистической и империалистической экспансии в планетарном масштабе (Steger, 2008).

Согласимся с тем, что глобализация – это эпистемологический конструкт, идеологический инструмент глобализма, позиционируемый как «объективный», исторически детерминированный маркер планетарного процесса, как значимый

современный этап мировой истории. Антиглобализм представляет собой сложный конгломерат антилиберальных, антикапиталистических, антикорпоративистских настроений, антибуржуазных идейных движений и социальных практик, направленных на торможение и, в идеале, на разрушение олигархических глобалистских стратегий.

Дебаты о глобализации

В целом, независимо от идеологической ангажированности и специфики методологической фокусировки того или иного автора, решающее значение имеет способ конструирования дебатов о глобализации. Особенностью исследовательских работ является выделение политико-экономического аспекта глобализации и анализ противоречивых отношений, складывающихся между автономией национальных культур и экспансией глобальных трансформаций. Такие понятия, как ориентализм, западные цивилизации, восточные цивилизации, колониализм, постколониализм, неолиберализм, национальное государство, транснационализм, империя, мир-системный подход (world-systems), сетевое общество (network society), структурная адаптация (structural adjustment), общество риска, космополитизм, креолизация культуры, гибридность, глокализация, макдональдизация (McDonaldization), Мак-мир (McWorld), мировая культура (world culture), обозначают ключевые тенденции внутри глобализирующегося мира.

Тема глобализации уже более двух десятков лет не только обсуждается в академических кругах, но также не сходит с первых полос влиятельных экономико-политических и финансовых журналов. Проблематика продолжает быть акту-

альной, особенно среди социальных теоретиков, побуждая мыслителей и читателей к острым широким дискуссиям. Эксперт в вопросах механизмов глобализации Манфред Штегер в книге «Глобализация» (2010) (Steger, 2010) сводит вместе основные противоречия планетарной экспансии экономических практик, политических идей и культурных стандартов, продвигаемых неолиберальными идеологами.

Фактически он составляет «карту» для ориентации в непростом когнитивном пространстве исследовательских стратегий феномена глобализации. В предисловии автор фокусирует внимание на конфронтационных проблемах мировой экономики, политики, а также на угрозах деструкции национальной (и тем более локальной) культурной идентичности. В его исследованиях учитывается, кроме прочего, идеологическая подоплёка (backdrop) перманентного глобального экономического кризиса (current global economic crisis). Помимо этого, Штегер анализирует роль глобализированных институтов (ООН и др.), значение мегаполисов, деструктивного фактора международного терроризма. Интеграция отдельных трансконтинентальных, но, казалось бы, ситуативных явлений на планетарной шкале позволяет понять эволюцию комплексных исследований как реализацию масштабного академического трансдисциплинарного проекта (evolution of the transdisciplinary field of global studies). Глобальные трансформации охватывают технологии, экономику, общество, культуру и международные отношения. Глобализация мировой политики – это очевидная реальность, как считают авторы исследования «The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations» (Baylis, Smith, Owens, 2014).

Очевидно, что представители различных академических дисциплин и адепты разных методологических стратегий пы-

таются выделить временные, пространственные, региональные, социальные, культурные, экономические и политические параметры глобализации. Свести их воедино и достичь методологического консенсуса этих подходов вряд ли возможно. В то же время тенденция к конструированию междисциплинарной дискуссии объективно отражает потребность учёных в достижении методологического баланса. Сложилась ситуация, когда один и тот же комплексный объект (глобализация) подвергается специализированным эпистемологическим «мозговым штурмам». С одной стороны, в результате «когнитивных атак» открываются новые исследовательские перспективы и, следовательно, новые возможности уточнения сущностных характеристик изучаемого предмета. С другой стороны, возрастает соблазн методологического «углубления» в проблематику, узкой экспертной специализации. Основной идеологический тренд – апокалипсические сценарии глобальных трансформаций (Saul, 2005).

Концепт «глобализация» как предмет междисциплинарных дискуссий

В методологическом отношении крайне важно прояснить, что представляет собой «глобализация». Эта методологическая процедура происходит посредством первичной конкретизации её особенностей. Затем необходимо определить влияние планетарных трансформаций на социокультурные процессы, происходящие на разных уровнях глобального. Методологически нужно выделить особенности и генезис этого планетарного феномена.

Будучи одним из наиболее значимых факторов современного развития, глобализация оказалась одновременно и привлекательным, и в то же время труднодоступным объектом исследования. Само понятие «глобализация» в академических монографических исследованиях анализируется не так уж давно, с конца 80-х годов XX века.

До начала 90-х годов двадцатого века понятие «глобализация» использовалось только в специализированных экономических текстах, а затем всё чаще стало употребляться для объяснения как академической аудитории, так и широкой публике природы явлений планетарного порядка. Продолжают появляться различного рода книги, в названии которых фигурируют слова «глобализация», «глобальность», «глобальная история» или «глобальный капитализм», постоянно удлинняет список работ по этой актуальной тематике (McGillivray 2006: 1).

Как справедливо отмечает современный историк глобализации А. МакДжилливри, только на английском языке к началу 2005 года было издано 3300 работ по данной теме. Кроме того, во франкоязычной науке несколько ранее был принят термин «мондиализация» (фр., *mondialisation*), который в целом имеет то же самое значение, что и англоязычный термин *globalization*. При этой «поправке» нужно учесть, что на французском языке опубликовано более 700 изданий такого рода книг. Немецкий термин *globalisierung* со сходным спектром значений можно найти в более чем 670 работах. Этот список продолжают ещё сотни книг на русском, арабском, хинди, китайском, испанском и других языках – всего более 5500 названий (McGillivray 2006: 1). Помимо монографий опубликовано множество статей, диссертаций, где встречается этот, наверное, самый частотный сегодня термин. Стоит

упоминать к тому же Интернет-сайты и экспертные блоги по теме «глобализация».

Многие авторы, анализируя уже существующие определения глобализации, пытаются дать свою специфическую дефиницию, надеясь внести в дискуссию некую содержательную смысловую новизну. Как уже отмечалось, в опубликованных работах имеются явные и неявные смысловые приближения к уточнению термина.

При этом автор добавляет, что «Дефиниции часто содержат имплицитно различные диагнозы нашей эпохи. Почти всегда там содержится вопрос о том, означает ли глобализация отмирание национального государства и приведёт ли она мир к культурной гомогенности или придаст новые смыслы концептам пространства и времени» (MacGillivray 2006: 5-6). Помимо того, нужно учитывать мировоззренческие или, другими словами, «ценностные установки» многочисленных «энтузиастов» продолжения процессов глобализации. В дискуссиях о природе и рисках глобализации пристального внимания заслуживают также контраргументы её противников (MacGillivray 2006: 6).

Немецкие историки Ю. Остерхаммель и Н. Петерсон в историческом исследовании феномена глобализации показывают методологические сложности, сопровождающие проблематику точного перевода на основные европейские языки смыслового содержания данного слова. Исследователи указывают на ряд однозначно объективируемых факторов глобализации, а именно: большую роль экспансии, концентрации и ускорения международных отношений (Osterhammel, Petersson, 2005). Поскольку в любом определении глобализации имеются спорные методологические моменты, то, не входя в дискуссию о параметрах точной дефиниции, мы всё же дадим предварительное операциональное определение ключевого

для нашего текста понятия. Учитывая многомерность, а потому и многозначность рассматриваемого явления, необходимо указать на устойчивые и очевидные его проявления в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

В первом приближении определим глобализацию как непрерывный, многоуровневый, многомерный ускоренный информационными технологиями процесс унификации экономических, правовых, политических норм и паттернов человеческих действий путём стандартизации технологических, политических, культурных и социальных процедур. В этом случае «локомотивом» глобализации выступает принцип эффективности и масштабности деятельности, то есть получение экономической прибыли, широты распространения идей и скорости распределения товаров и услуг, в том числе «культурного продукта». Чтобы проникнуть в экзистенциальные пространства локальных культур, любой продукт должен быть стандартизирован и унифицирован. Причём проникновение происходит на всех уровнях, в том числе технологическом, экономическом, политическом и социокультурном. С необходимостью глобализаторами учитывается специфика того или иного «культурного ландшафта», региона, национально-исторического, гендерного и культурного контекстов.

Поскольку глобализация представляет собой комплексное, многоуровневое, но недостаточно чётко сконфигурированное явление (то есть это пока что не «система», не единое «целое», не социокультурный «организм»), возникает необходимость всё же выделить базисные составляющие глобальных трансформаций (Буряк, 2010с).

Некоторые исследователи для объективизации феномена используют термин «измерения глобализации». Это достаточно конкретизирующий, операциональный и в то же время междисциплинарный по своей сути термин. Понятно,

что измерения глобализации не герметичны. Очевидно, что «различные измерения глобализации взаимосвязаны и взаимодействуют» (Tomlinson, 1999: 17). Такие измерения представляют собой некую систему взаимозависимостей. «Важный момент, – считает Дж. Томлинсон, – заключается в том, чтобы зафиксировать эти «измерения» в горизонте социальной жизни, а не усматривать в них отдельные дискретные сферы деятельности (*discrete spheres of activity*): люди не переключаются механически от «экономической работы» к «культурной работе», как если бы после «трудового дня» мы приступали «к развлечению» (Tomlinson 1999: 18). Наиболее важной характеристикой глобальных трансформаций является многократное ускорение социокультурной динамики в планетарном масштабе (Tomlinson 2007).

Вопрос «Что возникло раньше: курица или яйцо?» имеет онтологический, исторический и методологический аспекты. Таким образом, вопрос о глобализации как «реальном положении дел» или как обсуждение условий существования некой «политико-идеологической конструкции», или «теоретически обоснованного концепта», весьма актуален. Особенно для тех, кто пытается понять природу изучаемого объекта, предпосылки его появления, генезис, дальнейшие импликации.

Составитель и один из авторов первой парадигматичной коллективной работы по теме «глобализация» Рональд Робертсон поставил задачу «картографирования» условий производства глобальных взаимодействий («Глобализация: социальная теория и глобальная культура») (Robertson, 1990). Рассматривая глобализацию, Робертсон выделяет аналитический и эмпирический аспекты этого феномена (Robertson, 1990: 15). Он впрочем, без какой-либо аргументации, утверждает, что систематическое осмысление темы планетарных трансформаций начинается с середины XVIII века. Далее Ро-

бертсон ставит под сомнение адекватность концептуализаций «глобального», показывая, что тема «глобализации» опасно балансирует вблизи «игровой зоны» (play zone), а точнее сказать – «площадки для интеллектуальных игр» (В. Б.). Он доказывает, что это всего лишь общее место для экспрессии остаточных продуктов (residual) социально-теоретических интересов, интерпретативных индольгенций (indulgence, компромиссов) или же демонстрация идеологических предпочтений на планетарной шкале.

Он утверждает, что «мир-системный анализ» Валлерстайна не есть адекватное описание мира. Это на самом деле – концептуально выраженный протест против тех методологических путей, которыми продвигалась социальная теория с середины XIX века. Робертсон считает, что всерьёз рассматривать «мир как единое целое» ошибочно.

«Мир как целостность» – это некая квазинаучная метафора, обозначающая своего рода «виртуальную реальность», считает Робертсон (Robertson 1990: 16-18). Социальный теоретик подчёркивает, что объект исследования должен иметь фундаментальные характеристики и объективно отражать историчность глобализационных процессов.

В параграфе «Глобализация и структурирование мира» он показывает, что в начале девяностых годов XX века мир вступил в состояние неопределённости, что проявилось с очевидностью после крушения мировой социалистической системы. Именно поэтому характерной чертой глобализации является не бытие мира как «устойчивой системы», а состояние перманентной планетарной неопределённости, которая, как считает Робертсон, стала сегодня глобально институционализированной. Пугающие революционные идеи постмодерна и постоянные геополитические потрясения (geopolitical «earthquakes») подтверждают тезис о хронической неста-

бильности мира. Робертсон как бы «примеривает» различные понятия, которые уже давно находятся в лексиконе у философов, социальных теоретиков, политологов, культурологов. Он показывает их нерелевантность современной теоретической рефлексии относительно мира как целостности.

Понимание того, как работает глобализирующийся мир, нуждается в междисциплинарной рефлексии. Необходимо учитывать методологические подходы в контексте производства глобального стратегического планирования. В учении о ноосфере заложен большой, до сих пор маловостребованный эвристический потенциал, который наиболее продуктивен для объективной оценки глобальных трансформаций (Буряк, 2010b). Теория формирования ноосферы позволяет также прогнозировать развитие ведущих технонаучных трендов постиндустриальной цивилизации. Этот комплексный процесс происходит в условиях всё более усложняющихся технологий, при ускорении темпов экономических, социальных и культурных трансформаций (Буряк, 2009а). Терминологический и концептуальный анализ учения о ноосфере, вне всякого сомнения, позволит более ясно и эффективно использовать методологический инструментарий с целью понимания сущности глобализации и формирования представлений об устойчивом развитии современной цивилизации.

Как и всякий исторически детерминированный объект, глобализация представляет собой комплексное эволюционирующее во времени и пространстве явление. Эпистемологически «глобализацию» можно разместить в предметных сегментах различных научных дискурсов. Так, глобальные трансформации можно рассматривать как этап всемирной истории (Hopkins, 2002); (Osterhammel, Petersson, 2005) или как процесс реализации международной политики (Ervin, Smith, 2008) как специфический феномен, объект социальной тео-

рии (Bauman, 1998). Систематически изучаются аспекты глобализации в терминах географического (Peck, Wai-Chung Yeung, 2003); (Macionis, Plummer, 2008), социально-антропологического (Bauman, 1998) и экономического анализа (Lechner, Boli, 2007); (Lechner, 2009).

Глобализация изучается с помощью методологических средств теории всеобщей коммуникации (Castells, 1991); (Castells, 2009). Также используются энвайронментальные аналитические инструменты (Greer, J. M. 2009); (Greer, J. M. 2013); (Heinberg, 2010a); (Heinberg, Lerch, 2010b). Перечень исследовательских подходов является далеко не полным, но, несомненно, показывает всю сложность определения методологических стратегий, позволяющих достигнуть прагматически ориентированного результата. Таковым является комплексное описание многоуровневых процессов, осуществляющихся в планетарном масштабе.

В последние десятилетия сформировался специализированный интерес к изучению природы и специфики глобальных трансформаций. Очевидна устойчивая методологическая фокусировка на теме глобализации, как утверждает Эндрю Джонс (Jones, 2010). Глобализация как многоуровневый комплексный планетарный процесс содержит в себе как позитивные качества, так и потенциально опасные тенденции. Интуиции, моделирование глобальных изменений и прогнозирование счастливого / мрачного будущего человечества мотивированы желанием узнать перспективы изменений планетарного климата, природу геополитических противоречий и понять результаты всеобщего энергетического кризиса. Различные сценарии приближения глобального постапокалиптического будущего анализируют Джозеф Тэйнтер (Tainter, 1990) и Крис Мартенсон (Martenson, 2011). В нынешнюю турбулентную эпоху точные прогнозы рискованы. Тем

не менее, стратегии научного предвидения и моделирования будущего необходимы с целью минимизации грядущих рисков в свете осуществления сценариев «социально-экономического элизиума».

Отчасти понять сложность парадоксальной методологической ситуации – присутствия «глобального в локальном» и, наоборот, «локального в глобальном» – позволяет междисциплинарное исследование «Глобализация и вызовы нового столетия» (O'Meara, 2000). Это эвристически мощная и презентабельная антология текстов влиятельных в академическом мире историков, экономистов, энвайронменталистов, биологов, корпоративных менеджеров. Разнообразие авторских позиций обеспечивает возможность междисциплинарного продуктивного диалога, участниками которого являются известные мыслители: Кофи Аннан (Kofi Annan), Бенджамен Барбер (Benjamin Barber), Френсис Фукуяма (Francis Fukuyama), Сэмюэл Хантингтон (Samuel Huntington), Роберт Каплан (Robert Kaplan), Пол Кеннеди (Paul Kennedy), Вальтер Лакёр (Walter Lacqueur), Билл МакКиббен (Bill McKibben), Лестер Турофф (Lester Thurow), Джеффри Сакс (Jeffrey Sachs) и другие. В этой комплексной междисциплинарной монографии тема «столкновения цивилизаций» в условиях глобализирующегося мира контрастирует с экзотической тематикой «генетической инженерии» (с выходами на проблему рисков ускоренной биополитики в планетарном масштабе). Работа интересна ещё и тем, что в ней, наряду с сугубо академическими «проглобалистскими» текстами, опубликован революционный манифест перуанских радикалов-антиглобалистов, возглавляющих радикальное движение «Тупак Амару» (Tupac Amaru). Однако многогранность феномена «глобального» гораздо лучше постигается именно в таком, на первый взгляд,

пёстром, эклектичном собрании дискурсов, отражающих разные аспекты глобализации.

Тема глобализации с самого начала находилась в дискуссионном междисциплинарном поле. Эти обсуждения можно разделить на три дискурсивных сегмента: идеологические споры, дисциплинарные методологические подходы и «школьные» методологические противоречия (различные интерпретации внутри отдельных направлений). На первой линии основной темы обсуждения (глобализация) лежат идеологические споры сторонников и противников глобальных трансформаций (антитеза глобализма и антиглобализма).

К тому же, необходимо отметить ключевые методологические противоречия в интерпретациях самого предмета обсуждения. Основной вопрос – чем же на самом деле является глобализация (если она и существует)? Наконец, имеет место методологический казус: в чём суть внутридисциплинарных споров относительно природы и сущности глобальных трансформаций? А точнее, каковы специфические особенности и дополнительные характеристики глобализации?

Феномен глобальных трансформаций: на пути к междисциплинарности

Существует несколько вариантов достижения эпистемологического консенсуса относительно познания реальных характеристик феномена глобальных трансформаций. Во-первых, нужна дифференцированная тематизация сегментов глобального. Во-вторых, необходимо выделить эпистемологические принципы классификации методологических проблем изучения «глобальности» как многомерного явления. В-

третьих, важно определить стратегии прогнозирования и планирования направленной глобализации в контексте ноосферогенеза. Такие эпистемологические модели необходимы для подготовки оптимальных решений в ситуации ускоренной эволюции ноосферы, перманентного конфликта между инновационным техногенезом и консервативными традиционными культурными ценностями.

Представляется, что современная культура является полем, где конфликт ценностных стратегий (традиционных и глобализированных) находится в стадии формирования новой социокультурной парадигмы. Окончательные принципы конструирования эстетической, моральной и нормативной систем ценностей не завершились в силу высоких скоростей и турбулентности постисторической событийности.

Различия в интерпретации траекторий и последствий глобальных трансформаций – не причина для эпистемологического разворота в сторону методологического релятивизма. Напротив, только таким образом возможно возобновление дискуссии для поиска новой эпистемологической конфигурации диалогов в глобальном социокультурном пространстве. Сложные многомерные объекты, модели цивилизационного развития, а именно таковыми характеристиками обладают глобальные трансформации, эффективно исследуются с применением методов интервального подхода (Лазарев 2004: 80-83). Целесообразно выделить характеристики объективной истины для многоуровневых планетарных изменений (Лазарев 2008: 12-15). Какие бы то ни было методологические подходы только определяют границы исследования природы глобального. Поскольку глобализация – это комплексный, динамичный объект, то одного «истинного» метода изучения быть не может. Наиболее перспективным эпистемологическим трендом является междисциплинарность.

Тематический анализ такого сложного явления, как глобальные трансформации, происходит в условиях ускоренной дифференциации различных академических дисциплин, что характерно для всего поля рационального знания эпохи модерна. Эта методологическая тенденция продолжается в начале XXI века. Междисциплинарные проекты, конференции, журналы, инновационные исследования достаточно часто приводят учёных к получению значимых для науки результатов.

Модели глобализации конструируются с учётом открытий в области экологии, экономики, развития высоких технологий, особенно благодаря информационным технологиям. Теории глобализации нуждаются в экспертных уточнениях. Стратегическая задача в исследовании многомерных процессов, определяющих ключевые характеристики глобальных трансформаций, заключается в интеграции уже существующих знаний. На основе обобщений может быть сконструирована комплексная, междисциплинарная академическая программа с открытым эпистемологическим кодом. Дискурсы глобального изначально были специализированы. После осуществления процедуры тематизации могут быть найдены эффективные методологические подходы для систематизации и унификации концептуального каркаса глобальных исследований. Такой методологической междисциплинарной матрицей может быть ноосферология. Благодаря этому исследование эффектов глобальных трансформаций может продвигаться посредством кооперации академического и прикладного знания.

Выводы

Глобальные трансформации должны рассматриваться в широком историческом контексте, поскольку глобализация – это прежде всего эпифеномен исторически обусловленного ноосферогенеза. Геофизические, геологические, биосферные характеристики Земли, энергетические, сырьевые, климатические и экологические аспекты развития планетарной экспансии человечества в условиях конечных ресурсов существенно влияют на ход глобализации.

Ускоренные глобальные трансформации, возможно, будут иметь катастрофические результаты для всего человечества. Для понимания сущностных качеств глобальных изменений, их ближайших и отдалённых перспектив необходимо обратиться к теоретическим и прикладным исследованиям в области ноосферологии.

Учёт последствий ноосферного развития, в контексте которых происходит глобализация, побуждает осуществить методологический переход от сугубо теоретических исследований к прикладным аспектам изучения причин глобальных трансформаций.

На современном этапе развития научного знания с учётом конвергенции высоких технологий глобальные исследования обретают междисциплинарный статус и потому разрабатываются на основе системного и интервального подходов, исторического анализа, социокультурной компаративистики. Глобальные трансформации – это комплексный многомерный процесс, и они во всех своих измерениях являются эпифеноменом ноосферогенеза. Для решения целесообразности императива ускорения глобализации должен быть использован методологический инструментарий ноосферологии.

Глобальные изменения не автономны, но объективно детерминированы социально-историческими факторами. Очевидно, что современные глобальные трансформации являются новейшим этапом ноосферогенеза.

Поскольку ноосферология формировалась на стыке эпистемологических стратегий естествознания, философии, социальных наук, гуманитарных дисциплин, то необходимо достичь методологического консенсуса для эффективной исследовательской инициативы.

Раздел 3

ИНФОСФЕРА – УСКОРЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся МИРЕ

Глобальное гражданское общество в контексте информационной революции

Инфосфера сегодня является наиболее значимой составляющей ноосферогенеза. Самым масштабным технологическим проектом последней трети XX века стала информационная революция. Дополнительная динамика в условиях информационного общества возникла благодаря появлению Интернета. Информационные технологии несомненно ускоряют процесс глобализации, выступающий специфическим этапом ноосферогенеза.

Как инфраструктурная составляющая постиндустриального мира Интернет значительно оптимизирует процесс социально-экономической эволюции. Поэтому инфосфера как часть техносферы должна рассматриваться в более широком контексте развития – в качестве важнейшего этапа эволюции ноосферы. Инфосфера создаёт предпосылки для эффективного использования инновационных политехнологий, в частности, осуществления так называемых «сетевых революций».

Наиболее очевидным доказательством социокультурной связанности мира является реализация проекта построения глобального гражданского общества. Его идея впервые

обозначилась в античности и связана с именами Аристотеля и Цицерона.

В эпоху Гуманизма и Нового времени теория и практика гражданских инициатив постоянно расширялась и укреплялась в странах Западной Европы. Космополитические идеи И. Канта отчётливо выражены в работе «К вечному миру» (1795) (Кант, 1966а). В другом философском труде, «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), Кант утверждает: «Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена (Кант 1966b: 15). Буржуазные революции в Европе и Северной Америке позволили конституционными средствами утвердить идею гражданского общества и осуществить её в реальной политической деятельности свободных индивидуумов.

Тема глобализации и новых социальных движений является, несомненно, актуальной. Причины появления «арабской весны», исламистских движений, возрождение феминизма, проблемы осуществления глобального правосудия рассматриваются различными авторами (Буряк, 2011d: 106-109). Исследования помогают понять природу транснациональных общественных движений и транснациональных сетей, формирующих современный мир и создающих ускорение динамики глобализации. Очевидно, глобализация способствует формированию эффективных гражданских коллективных действий. Построение глобального гражданского общества зависит также от успешного решения проблем формирования демократии, градостроительства, религиозной жизни, организации массового спорта, образования и здравоохранения (Chirico, 2013).

С началом цифровой эпохи, экспоненциальным ростом электронных средств коммуникации, появлением глобальной информационной сети (Интернет) локальная коммуникация гражданских организаций и планетарные гражданские сети в целом получили мощный импульс для продвижения демократических инициатив, самоорганизации и формирования глобального гражданского общества (Буряк, 2011d: 93-94). Но в пропаганде догматизированных демократических ценностей есть также и «тёмная сторона», присущая реалиям информационной эры, о чём пишет Евгений Морозов. Это прежде всего цифровое неравенство, нарушение авторских прав, нарушение конфиденциальности, мультипликация дезинформации и оскорблений личности, экономический ущерб, тотальная поднадзорность и другие негативные эффекты (Mogozov, 2011). Всё это старый спор, взвешивание преимуществ и негативных последствий технических инноваций.

Специфический характер информационной революции

Различные аспекты, иногда диаметрально противоположные тенденции в ходе развития научно-технического прогресса необходимо рассматривать как социокультурные эпифеномены информационной революции. Доступность передовых технологий – одно из условий существования демократического общества и продвижения инициатив глобального гражданского общества.

Наиболее значимым технологическим проектом последней трети XX века стала информационная революция. Её значение для ускоренного развёртывания ноосферы трудно

преувеличить. Интернетизированные цифровые технологии оказали существенное влияние на современную экономику, политику и культуру (Pager, Candeub, (eds.) 2012). В свою очередь Марк Вильсон, Аарон Келлерман и Кеннет Кори в рамках междисциплинарного исследования выстраивают концептуальную основу для понимания природы глобального информационного общества. Они исходят из наличия трёх факторов, фундирующих планетарную инфосферу: высокие информационные технологии, знания и мобильность, которые обеспечивают непрерывность информационных потоков, операциональность, компетенции и динамику эволюции информационного общества. Учёные констатируют: инфраструктура глобального коммуникативного пространства базируется на многоуровневых сетях (Wilson, Kellerman, Corey, 2013).

Информационные технологии создали экспоненциально расширяющуюся, надёжную и эффективную глобальную сеть коммуникаций, в которую вовлечены правительства всех государств, предприятия, организации, университеты, школы и миллиарды граждан во всём мире (Okin, 2005). На сегодняшний день инфосфера – это наиболее динамичная составляющая ноосферогенеза.

Во многом благодаря высоким информационным технологиям запущен процесс глобализации, который является специфическим этапом ноосферогенеза. Если в прежние времена медиасфера контролировалась национальными государствами, то в эпоху глобализации медийные практики принципиально изменились. Транснациональные медиакорпорации являются сегодня ключевыми игроками (актерами) в глобальной медиасфере. Глобализация усиливает международную конкуренцию благодаря стратегическому планированию, эффективному менеджменту и технологическим инно-

ваниям. Жёсткая конкуренция сопровождается информационными войнами. Негативные последствия борьбы за доминирование в глобальном медиапространстве являются издержками планетарной информационной революции, считает Монро Прайс (Price, 2004).

Для включённости в систему глобального гражданского общества необходимо прежде всего иметь доступ к системам обработки информации, её хранения и свободного распространения. Более 2 миллиардов человек регулярно используют интернет-ресурсы. Ещё большее количество людей имеет мобильные устройства, которые предназначены для коммуникации без ограничения расстояний и интерактивной работы с Интернет-траффиком. Тенденция усиления сетевой планетарной коммуникации позволяет утверждать, что информатизация – один из ключевых ресурсов высокотехнологичной глобализации (Barfield, Heiduk, Welfens, (eds.) 2003). Высокоорганизованная инфосфера способствует формированию основ гражданского общества.

Эмпирически достоверной формой существования глобализированного человечества являются коммуникативные интернетизированные сети. Они обеспечивают высокоскоростную межличностную, производственно-финансовую, корпоративную, научную и образовательную коммуникацию (Wilson, Kellerman, Corey, 2013). Самой мощной информационной глобальной системой с широким доступом к большинству стратегических познавательных ресурсов является Интернет. Эта глобальная информационная сеть интегрирована с телекоммуникациями и спутниковой мобильной связью. Технологические, экономические, правовые и социокультурные основания интернет-коммуникации выступают составляющими частями информационного общества.

Интерпретации различных аспектов структуры и функций инфосферы различаются, иногда значительно. Исследователи используют модель информационной революции для изучения роста потенциала современных бизнес-стратегий. История формирования, структура и функции современного общества уже давно стали предметом исследования социальных теоретиков. Информационное общество является также приоритетным объектом исследований для ноосферологии.

В качестве базисной инфраструктурной составляющей глобализирующегося постиндустриального мира инфосфера значительно ускоряет процесс ноосферогенеза. Будучи составной частью техносферы, она рассматривается в более широком контексте – как важнейший этап эволюции ноосферы. Информационное общество в большей степени связано с технологическим и коммуникативным аспектами, в то время как постиндустриальное общество включает в себя, помимо них, ещё и международную экономику, геополитику, социокультурную деятельность, образование. Продолжение информационной революции имеет ряд специфических, особенностей показал Поль Вириллио (Virilio, 2000). Прежде всего проблемы вызваны несбалансированным развитием локальных сегментов планетарной инфосферы и наличием цифрового неравенства, связанного с увеличивающимся разрывом в уровне доходов населения. Отсюда – феномен более или менее эффективного использования, казалось бы, абсолютно доступных информационных ресурсов (Kizza, 2010).

В информатизированном обществе индустриальная промышленная деятельность как экономический фактор утрачивает определяющее значение для дальнейшей эволюции общества. Учёные обоснованно говорят о становлении «экономики знаний», «индустрии знаний», формировании «глобального общества знаний». Очевидно, что такое обще-

ство нуждается в постоянном совершенствовании информационных технологий, в частности, расширении системы дистанционного образования, высшего и профессионального (Weert, 2004).

В обществе, где знания являются главным цивилизационным ресурсом, рост зависит от технонаучной составляющей, а также степени насыщенности управляемыми информационными потоками. Эволюция социокультурной деятельности, производство квалифицированного знания и интенсивность социальных интеракций непосредственно определяются качественной информационной обеспеченностью индивидуумов и организаций, как отмечают Бёме и Штир (Böhme, Stehr, 1986); Штир (Stehr, 2003); (Stehr, 2005); (Stehr, 2006). Для обеспечения постоянного роста постиндустриальное (информационное) общество нуждается в эффективном менеджменте новейших технологий. Успешные инновационные стратегии создают условия для формирования эффективной экономики. Сбалансированное взаимодействие между высокотехнологичными инновациями и менеджментом знаний позволяет реализовать экономически и социально результативные проекты, показывают Мот и Форэй (Mothe, Foray, 2001).

Поскольку информатизированные рациональные знания стали стратегическим ресурсом цифровой эпохи, то управление производством и потоками знаний, по мнению Нико Штира – важнейшая задача (Stehr, 2003). Исследователь развивает концепцию сравнительно нового направления – knowledge politics. Этот подход релевантен идее, которую можно кратко выразить таким образом: продвижение политических инициатив и стратегических исследований производства и функционирования научно-технологических знаний в условиях информационного общества. Согласно Штиру,

развитие биотехнологий, нейрогенетики, когнитивных наук, нанотехнологий, информационных технологий влечёт за собой значительное усиление человеческих возможностей. И в то же время ускоренное расширенное распространение этих технологий увеличивает количество экономических и биосоциальных рисков (Stehr, 2006). Впрочем, позитивные и негативные тенденции технонаучной экспансии сегодня недостаточно прояснены.

Информационная составляющая постиндустриальной цивилизации

В свете стремительного развития постиндустриальной цивилизации становятся востребованными прежние подходы контроля социокультурной эволюции. Концепция постматериализма, выдвинутая американским исследователем Роналдом Инглхартом в конце семидесятых годов прошлого века, особенно актуальна в современном посткризисном глобализирующемся мире. По заключению Дача и Тейлора, продвижение постматериалистической идеологии основано на тесной взаимосвязи экономического развития и расширения образовательных практик (Duch, Taylor, 1993). Тотальная информатизация усилила постиндустриальный сдвиг в сторону «постматериалистических ценностей». Сегодня широко обсуждаются проблемы формирования системы новых социокультурных смыслов. Артикулируется тема идеологии избыточного потребления с фокусировкой на проблематике истощения энергетических и других базовых ресурсов (Greer, 2013).

Постиндустриальные установки в сфере мировоззрения оказались следствием комплекса аксиологических сдвигов, произошедших в результате осуществления сугубо материалистического цивилизационного проекта – «общества всеобщего благоденствия» (в западном мире 70-х годов двадцатого века). В условиях постиндустриализма возникают специфические ценностные установки. Они консолидируются в виде культуры постмодерна. Мыслители-постмодернисты, такие, как Лиотар, Бодрийяр, не создали принципиально нового мировоззрения, но констатировали ряд новых социокультурных феноменов: эстетический релятивизм, гедонизм, морально-этическая эклектика, упадок религиозности, разрушение классовой солидарности (Adorno, 2013: 379).

Ортодоксальное рыночное мышление и успешные направления маркетинга основаны на культовом эгоцентризме и методологическом гедонизме потребителей. В информационном обществе исчерпали себя идеологемы протестантской этики накопления. Обнаружилась «параноидальная» по своей сути заикленность на постоянном росте ВВП, материального производства, росте, производительности труда. Прежний культ потребления (шопинг в супермаркете), выродился в «интернет-шопинг», глобализированные интернет-аукционы (Underhill, 2008); (Sorensen, 2009: 191-193). Такие тенденции отражают серьёзный кризис системы приоритетов индустриальной эпохи. Появились новые идеологически фундированные ценности, основанные на идеологических принципах: феминизма, энвайронментализма (эко-сознание, Green values) и антиглобалистского активизма (Curran, 2007); (Brahm, 2009).

Сдвиги в производстве социокультурных смыслов стали объектом междисциплинарного исследования «Столкновение ценностей» (1998). Его авторы показывают, что гуманистиче-

ские и социально релевантные приоритеты в постиндустриальном обществе формируются во многом под влиянием идеологии постматериализма (Deth, Scarbrough, 1998). Пост культурного постматериализма зависит от темпов модернизации, глобальных социокультурных изменений и уровня демократии, полагают Инглхарт и Велзел (Inglehart 2005).

Постматериалистические ценности не появились вдруг. Роналд Инглхарт прослеживает фундаментальный аксиологический сдвиг западной культуры в период с 1970 по 2006 годы (Inglehart, 2008). Норрис отмечает, что приоритетными в обществах западного типа становятся: креативность, информативность и расширенная (глобальная) коммуникация (Norris, 2001). На этом явлении акцентируют внимание Пиппа Норрис и Роналд Инглхарт в работе «Космополитические коммуникации: культурное разнообразие в глобализирующемся мире» (Norris, Inglehart, 2009).

Феномен ускоренного расширения и быстрого обновления «компьютерного парка» получил название «информационной революции». Для более точного масштабирования иногда применяют также термин «компьютерная революция» или «Интернет-революция». В любом случае, информационная революция – системные изменения во второй половине XX века технологий, способов передачи и хранения информации. В инфосфере резко возрастают скорости передачи информации.

Глобализированные социальные сети становятся дополнительным ресурсом для личностной самореализации индивидуумов. Если информационные системы и коммуникационные сети взаимосвязаны на основе Интернета, мобильной связи, телекоммуникаций, то возникает новый экономический и социальный уклад.

Современная инфосфера – это единое информационно-коммуникативное пространство, где можно выделить образо-

вательное, коммуникативное, рекреационное, политическое и экономическое измерения (Буряк 2011е: 10-11). В этом трансконтинентальном виртуализированном информационном пространстве границы между локальными общностями, государствами, регионами, странами и континентами фактически стираются.

Финансовые и интеллектуальные инвестиции движутся в том направлении, которое даёт возможность извлечь наибольшую прибыль за короткое время работы капитала (финансового и когнитивного). Таковы факторы ускоренной динамики многоуровневого комплексного противоречивого процесса глобализации. Это видно в таких её опциях, как технологические, финансовые, экономические, социокультурные, образовательные и политические потоки (Appadurai, 1996); (Appadurai, 2000); (Appadurai, 2013). Горизонтальный трансфер артефактов, символов, образов и идей в эпоху глобализации способствует расширенному воспроизводству постматериалистических ценностей (Savicka, 2004). Новая система ценностей формируется в условиях интенсивной и тотальной информатизации мира.

Параметры информатизации

Можно выделить фундаментальные характеристики нового общественного строя, основанного на приоритете информационных потоков и ускоренной глобальной коммуникации.

Произошла замена механических, электрических и электромеханических средств производства и коммуникации на электронные средства. Связь на производстве, в образова-

тельной сфере и в повседневной жизни стала базироваться на электронных носителях.

Компьютеры не только широко распространились, но также революционизировали организацию труда в промышленности, экономике, науке и образовании.

При этом «железные» части компьютеров постоянно уменьшались в размерах, а их стоимость понижалась. Если первые компьютеры были многотонными, то уже в начале 80-х годов XX века был создан первый персональный компьютер, помещающийся на письменном столе.

- Миниатюризация компьютерной техники происходила одновременно с многократным увеличением быстродействия вычислительных мощностей. При этом неуклонно росло качество программного обеспечения.
- Количественный и качественный рост знаний как общего плана, так и специальных стал важнейшим трендом в развитых странах. Продвинутое познание мира, природы, общества и человека – наиболее востребованный ресурс постиндустриального общества.
- Инновации (технологические и организационные) становятся самым эффективным двигателем прогрессивных изменений.
- Креативное мышление и инновационная деятельность осуществляются на основе рационального познания.
- Глобальная сетевая коммуникация является условием экономического, научного, социокультурного развития государств и самоосуществления личности.

Проблемы информационного общества нуждаются в комплексном изучении на основе междисциплинарного подхода. Расширение техносферы и инфосферы содержит не только цивилизационные «бонусы», но также значительные риски. Экспоненциальный рост производства информации

имеет как позитивные, так и негативные стороны, как полагает Джеймс Глэйк (Gleick 2012).

Информационное общество – это технологическое и коммуникативное ядро постиндустриального мира. Дело в том, что кроме информационных потоков феномен постиндустриальности включает в себя также передовые производственные мощности, финансовую систему, социальные и политические институты. Сосуществование индивидуумов в таком обществе обеспечивается соблюдением принципа политкорректности и наличием мультикультуральности. Постмодернистские ценности здесь доминируют, однако также присутствуют ценности индустриальной и даже доиндустриальной эпохи.

В условиях информационного общества кардинально меняются многие сферы жизни: промышленное производство, связь, экономика и культура. Существенно трансформируются формы мышления и мировоззрения. Скорость обновления технологий и управления ими растёт по экспоненциальной кривой. Стандартизируются и унифицируются технологические цепочки, что позволяет увеличить конкурентный отбор как в области «железа», так и в области производства программного обеспечения. В информационном обществе сфера услуг имеет приоритетное значение по отношению к промышленному производству и аграрному сектору. Главными продуктами производства и потребления оказываются информация, образование и знания.

Компьютерная революция, информационная революция, Интернет-революция – это не только продвижение высоких технологий, но кардинальное изменение всей жизни граждан и всего общества. На эту особенность информационной революции указывает Сара Баас в работе «Дар огня: социальные, правовые и этические вопросы компьютеринга и Интернет» (2008). Помимо социальных, правовых и этических

вопросов она исследует также политические, конституционные и экономические проблемы инфосферы. Также анализируются различные дискуссионные вопросы, связанные с перспективами развития информационного общества (Baase, 2008).

Базовыми характеристиками информационного общества являются:

- 1) увеличение роли машинной информации и знаний в жизни общества;
- 2) возрастание доли высокотехнологичных информационно обеспеченных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте;
- 3) создание глобализированного информационного пространства.

Наличие глобального информационного пространства обеспечивает:

- а) постоянное эффективное информационное взаимодействие людей;
- б) неограниченный доступ к мировым информационным ресурсам;
- в) удовлетворение профессиональных и индивидуальных потребностей в использовании информационных продуктов.

Инфосфера как составляющая ноосферы расширяется при условии гибкости социальных и экономических институтов, стабильности экологии, ускорения научно-технического прогресса. Эффективное функционирование информационного общества предполагает существование планетарной информационной среды (инфосферы). Теоретик постиндустриа-

лизма Д. Белл считал, что возникновение информационного общества в начале 60-х годов XX века ускорило процесс становления постиндустриального общества (Bell, 1976). Другой социальный теоретик, А. Тоффлер, относит начало становления постиндустриального общества к середине двадцатого века (Toffler,1984a); (Toffler,1984b).

После создания микропроцессора и последовавшего затем создания персонального компьютера в 1981 году изменилась структура информационного обмена в обществе, произошли значительные сдвиги в экономике, образовании и культуре. Компьютерная революция все больше приобретала ведущую роль в становлении социума и культуры. Компьютеризированная информация как основа эффективного функционирования общества будущего помогает формировать новые суперсистемы, успешно конкурируя даже с такой традиционной для индустриального общества сферой, как производство товаров. Именно поэтому высокотехнологическое знание может создавать новые качества, которые придают динамику в развитии любой сферы человеческой деятельности. Производство знания, его хранение и скоростная передача на основе использования высоких информационных технологий становятся основным ресурсом развития человечества.

Информационное общество: социум нового типа

В ходе информационной революции создается технологическая платформа для реализации социальных, образовательных и культурных проектов в планетарном масштабе. Информационная эпоха фундирована несколькими ключевы-

ми ресурсами, благодаря которым осуществляются различные эффективные проекты в экономике, промышленности, научной деятельности, образовании. Стратегическими составляющими информационной эпохи являются: данные (date), информация (information), знание (knowledge) и информационные технологии (information technology).

Алан Портер и Уолтер Рид в работе «Информационная революция: современное положение дел и будущее последствия» (1998) рассматривают технические, организационные и коммерческие аспекты информационной революции (Porter, Read, 1998: 4-7). Они используют специальный понятийный аппарат для комплексного анализа эволюции информационных технологий. Результаты информационной революции выходят далеко за пределы сугубо технологических решений, как показывает Хиллстром (Hillstrom, 2005).

Информационное общество характеризуется прежде всего развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий. В основе такого общества находятся информационные системы и сети. Главным стратегическим ресурсом в этих условиях является информация, но не в обыденном, масс-медийном ее понимании (сведения о различных событиях). Информация – это многозначный термин, использующийся в физике, химии, биологии и других областях знания. В информационном обществе это прежде всего высокотехнологичный по происхождению контент, исходные данные для производства новых массивов информации и интенсификации производственных процессов.

Информационные технологии являются сложной и многоуровневой системой для обеспечения работы всего социума. Информация (и её производство) является важной компонентой жизнедеятельности и развития государства, корпораций, социальных групп и индивидуумов. Есть несколько форм

представления информации: символическая, которая основана на использовании символов (букв, цифр, знаков, в том числе знаков пунктуации); текстовая (также оперирует символами, но расположенными в определенном порядке); графическая (самая емкая и сложная), включающая различные виды изображений.

В гуманитарных и социальных науках информация понимается как продукт социокультурного происхождения, совокупность мыслительных и коммуникативных практик, результат ноосферной деятельности. Производство объективного знания обусловлено наличием научных информационных сетей. В экономике информация – это сведения, данные и значения конкретных производственных показателей. Именно поэтому они становятся объектами информационной обработки, передачи и хранения. Такие данные используются в процессе анализа и выработки экономических решений для эффективного локального и стратегического управления (Barksdale, Lund, 2006).

Существует также информационное право, призванное охранять экономические и авторские интересы производителя информации (Gleick, 2012). В целом информация может быть определена как совокупность коммуникационного материала, доступного кодированию на специальных языках.

Информационная сфера – область деятельности людей, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации. Сегодня можно уже говорить о планетарном масштабе информационной среды, которая обеспечивается существованием глобальной информационной инфраструктуры. Развитая и функциональная инфосфера имеет важное стратегическое значение для реализации экономической, технологической, социокультурной и политической экспансии развитых в технологическом отношении стран. Инфосфера являет-

ся одной из важнейших составляющих техносферы, а следовательно – и ноосферы. Информационные технологии обеспечивают ускоренную динамику глобализации, которая является современным этапом ноосферогенеза. Однако, информация может превращаться не только в полезный ресурс, но может стать препятствием для личностного роста, как например, интернет-зависимость (Young, Abreu, 2010).

Высокие технологии развиваются стремительно, «обгоняя» другие индустриальные тренды, сложившиеся в эпоху более ранних консервативных экономических, технологических и социальных отношений. Поэтому дальнейшая комплексная эволюция социальной реальности во многом зависит от успешности и результативности проектов, связанных с последующим интенсивным продвижением информационной революции. Современное общество развивается главным образом благодаря производству инноваций, научно-технологических знаний и вездесущности информационных технологий. Такие комплексные процессы особенно заметны в сфере экономики. Благодаря информационным технологиям (IT) отдельные научные области знания становятся весьма близкими друг другу когнитивными сферами посредством организации гипертекстовой среды, в которой с помощью гиперссылок междисциплинарно соединяются тематически отдаленные массивы знания. О первоначальной идее, организационных коллизиях и окончательном воплощении проекта Всемирной паутины пишет Тим Бернерс-Ли, создатель проекта World Wide Web, основы современного Интернета (Berners-Lee, 2000).

Информационная революция и в особенности планетарное расширение Internet в качестве глобальной информационной супермагистрали (Matrix, World Wide Web, Infobahn – ее синонимы) фундаментальным образом меняют характер,

способ накопления, скорость обработки и передачи информации не только в области обмена знаниями, но также в ходе научения навыкам интеллектуальной работы, т. е. в сфере образования (Thomas, Brown, 2011).

Информационное пространство сегодня интенсивно развёртывается в основном благодаря ускоренному росту глобальных информационных систем, главным образом – сети Интернет. Уже сегодня количество пользователей глобальной сети – более двух миллиардов человек. Интернет представляет собой разветвлённую техническую систему и программную среду обеспечения информацией всех сегментов государственных служб и индивидуумов на основе взаимосвязанных баз данных, соединённых сетевыми коммуникациями и обеспечивающих жизнедеятельность общества. Информационная инфраструктура включает в себя такие характеристики: наличие технического базиса, разветвлённость, доступность для различных пользователей, эффективность коммутируемых линий. От качества информационной инфраструктуры зависят внешнеполитические, финансово-экономические, социальные, образовательные, внутриполитические, информационные сферы обеспечения безопасности каждой страны.

Интернет-революция: социокультурные импликации

Планетарная интеллектуализация человеческой деятельности с очевидностью проявляется в условиях продолжения информационной революции. Информатизация всех форм человеческой культуры приобретает глобальный ха-

ракти. Скорость передачи технологически преобразованной и упакованной информации постоянно возрастает. Ноосферная реальность обуславливает характер и основные параметры любых проектов экономической, политической, научной, образовательной и социокультурной глобализации.

Наиболее действенной и эффективной структурой ноосферы (как составной части ноосферы) является глобальная информационная сеть, состоящая из физических (сервер) и программных компонентов. В основе функционирования и развития Интернет находятся высокие информационные технологии. Наличие развитой информационной системы становится необходимым условием самого существования современного государства. Некоторые исследователи, в частности, Джованетти и его коллеги считают, что наиболее очевидной и эффективной формой расширения ноосферы сегодня является Интернет (Giovannetti, Kagami, Tsuji, 2003).

Проще говоря, Интернет – это технологически обеспеченная глобальная инфраструктура для производства, перформатирования и передачи пользователям необходимых информационных ресурсов. Несомненно, интернетизация социокультурного планетарного пространства – одно из важнейших цивилизационных событий рубежа XX и XXI столетий. Историки Всемирной паутины начинают хронологию информационных мегасобытий с середины девятнадцатого века (Moschovitis, Poole, Schuyler, Senft, 1999.). Возникновение Всемирной информационной паутины как специфический феномен исследуют Кэти Хэфнер (Hafner, 1998), Дженет Эббейт (Abbate, 2000), Иэн Грэхем (Graham, 2002). Становление и позитивные эффекты системы Интернет, воздействующие буквально на все стороны социокультурной жизни современности, освещены в работах Окина (Okin, 2005). Взаимодействие Интернета и общества – сложный процесс. Именно поэто-

му такая тема – предмет междисциплинарных исследований, как считает Слэвин (Slevin, 2000). Благодаря экспоненциальному расширению сферы действия Интернета и интегрированной в эту глобальную информационную сеть мобильной телефонии сегодня весьма актуальна и справедлива такая метафора, как «Общество онлайн» (Howard, Jones, 2004).

Интернет возник благодаря соединению региональных и локальных информационно-телекоммуникационных систем, а также систем цифрового телевидения и радиовещания, спутниковых систем и мобильной связи. Будучи всего лишь одной из коммуникационных технологий (наиболее удобных для широкого круга пользователей), Internet является самой масштабной и быстрорастущей системой интерактивной связи. Как многофункциональная, высокотехнологичная система многосторонней связи и информации Интернет идентифицируется многими исследователями с одним из наиболее эффективных и перспективных орудий глобализации (Zittrain, 2009); (DeNardis, 2014).

В истории техники беспрецедентны скачкообразный количественный рост и качественная трансформация сети Интернет. Этот крупнейший высокотехнологичный проект информационной эпохи появился как инженерно-техническая идея в конце пятидесятих годов прошлого века, вскоре после запуска первого советского спутника. Первые более или менее успешные испытания информационной сети в США прошли в 1969 году (лаборатория ARPANET). Позже в Женеве, в Европейском Центре Ядерных Исследований (CERN), 17 мая 1991 был запущен первый веб-сервер, созданный на основе оригинальной идеи гипертекстовой среды, предложенной исследователем CERN Тимом Бернесом-Ли.

В конце 1991, Интернет включал в себя уже 5 тысяч сетей, существовавших в 40 странах мира, и обслуживал 700 000

компьютеров, которыми пользовались 4 миллиона человек. В 1994, к Интернету было подсоединено уже 3 200 000 компьютеров. В течение 1995 и 1996 годов количество компьютеров, подключённых к Интернету, удваивалось ежегодно. К концу 1997 число компьютеров, интегрированных в систему Всемирной Паутины, достигло 19 с половиной миллионов. По данным на июнь 2000 года их было уже 93 миллиона. Если учесть, что каждым компьютером, подключённым к Сети, пользовались в среднем пять человек, то можно предположить, что реально различными информационными услугами пользовались к концу 2000 не 100 миллионов, а более 400 миллионов человек. По различным данным, на конец 2002-го число пользователей во всём мире выросло до 600 млн. человек. В 2004 году Интернет охватывал более 800 миллионов пользователей во всех странах мира. Уже к началу 2006 года количество пользователей сети Интернет достигло одного миллиарда. Сегодня их уже более 2 миллиардов. Развитие системы Интернет демонстрирует образец успешной модели экспоненциального роста высоких технологий в глобальном масштабе (Bruner, 2013).

Ускоренное внедрение Интернет в различные сферы современного общества особенно явно сказалось на экономике. На его основе стали возможными новые виды экономической деятельности. В частности, специалистами уже многие годы исследуется так называемая «виртуальная экономика». Отметим, что виртуализация современного общества многомерна. Решение экономических проблем с использованием ресурсов высоких информационных технологий – один из многих путей.

Такие шаги обеспечивают переход к использованию модернизированной индустриальной и информационной инфраструктуры, развитие интеллектуальноёмких сфер деятельности. Особенно быстро трансформируются такие сферы,

как наука, образование, здравоохранение. Непосредственно и опосредованно они являются инновационными полями, где эффективно действуют принципы виртуальной экономики. Интернет – это не только глобальная информационная магистраль, но также инструмент глобализации финансов, международного менеджмента, маркетинга, экономического развития в целом, как показывает Брюс Когут (Kogut, 2004).

В глобальной информационной сети уже давно функционируют виртуальные супермаркеты и банки, оперирующие собственной виртуальной валютой (Mullan, 2014). Виртуальные финансы не занимают физического места в мире. В то же время они имеют тенденцию к освоению не только виртуального, но и географического пространства. Стратегия акторов виртуальной экономики заключается в том, чтобы постоянно расширять объём экономического пространства, используя все большее число высокотехнологичных коммуникативных инструментов и ресурсов. Сегодня новые информационные и коммуникационные технологии делают возможной организацию рабочего места где угодно: дома, на отдыхе, в автомобиле или самолете. Видимо, поэтому сегмент цифровой экономики во всём мире постоянно растёт, как показывает Брусо (Brousseau, Curien, 2007).

При этом различные глобализированные электронные способы производства: аутсорсинг программного обеспечения, виртуализированные услуги, виртуализированный менеджмент, виртуальные деньги как финансовый инструмент – многократно ускоряют экономические транзакции. Оказывается, что информационные технологии становятся главным средством и активной средой глобальной экономической деятельности. Степень виртуализации экономики определяет параметры коммерциализации локального информационного пространства там, где реально осуществляется продуктивный

обмен деловой информацией и совершается экономический процесс.

В информационную эпоху становится ключевым вопрос о социально-политической роли медийных ресурсов и властных амбициях медиакорпораций. Особенно заметны тенденции монополизации информационного пространства в глобальном контексте. Тема междисциплинарных дебатов о роли глобальных медиа-акторов представлена в полемической работе Компэйна и Гомери «Кто владеет медиа? Конкуренция и концентрация в масс-медийной индустрии». Её авторы – медиа-эксперты, историки, социологи, философы, экономисты и политологи (Compraine, Gomery, 2000).

«Всемирная Паутина», как и другие глобальные тренды постиндустриального мира, находится в прямой зависимости от развития маркетинговых стратегий, поскольку сулит не только стабильную прибыль, но даже сверхприбыль. Интернет как глобальный супербренд всячески «раскручивается» в средствах массовых коммуникаций, создаются «городские мифы», литературные произведения, культовые художественные фильмы («Хакеры», «Сеть», «Матрица» и др.). Менеджеры и гуру электронной эры неустанно фабрикуют назойливые, задевающие самолюбие человека и формирующие у него комплекс «цифровой неполноценности» слоганы: «Если ты не представлен сайтом в Интернете, ты не существуешь», «Если тебя нет в соцсетях – ты ноль, никто» и др.

Огромную роль в управлении общественным мнением, политическими, экономическими и культурными предпочтениями играют глобальные сетевые игроки: Microsoft, Apple, Google, Yahoo, Amazon, My Space, Facebook, Twitter. История и развитие этих информационных мегакорпораций стали предметом научных исследований (Hillis, Petit, Jarrett, 2013).

Прошло уже более десяти лет с того времени, как Google начал своё восхождение в качестве Интернет-поисковика. Сегодня Google является медиагигантом, ключевым триггером глобального техно-капитализма (techno-capitalism). Этот мегапоисковик значительно повлиял на развитие современной мировой экономики, культуры, образования и индустрии развлечений. История успеха Google в условиях острой конкуренции информационного общества поучительна. Соперничество компаний, производящих и распределяющих информацию, нарастает, затрагивает интересы корпораций и каждого пользователя.

Отметим, что Google, как и другие современные высокотехнологические проекты, является продолжением стратегий научно-технической революции конца XX – начала XXI веков. По крайней мере Николас Карр показывает, что в основе «гуглизации» США, да и мира в целом, лежит реализованный в начале прошлого столетия план всеобщей электрификации, успешно развёрнутый в странах Европы и Северной Америки (Carrr, 2009). Возникновение идеи эффективного поиска, организация и осуществление «мирового информационного господства» корпорации Google – предмет исследования учёных и публицистов: Баттеля (Battelle, 2006), Вайса (Vise, 2008), Строса (Stross, 2008); Жирапа (Girard, 2009); Эулетты (Auletta, 2010) и Леви (Levy, 2011).

Такие Интернет-гиганты, как Google, могут быть эффективными помощниками для индивидуумов, «обитающих» в «информационной Вселенной». Но они также работают «на себя», обладая концентрированными экономическими ресурсами. Это, безусловно, помогает осуществлять социальный контроль и надзор за пользователями как в своих коммерческих интересах, так и для спецслужб, доказали Ассанж (Fowler, 2011); (Greenberg, 2012) и Сноуден (Harding, 2014). Эти и другие аспекты противоречивой эволюции цифровой эпохи рас-

считывает Шива Вадьянатан в работе «Гуглизация всего» (2011). Влияние информационных технологий на культуру и социальную сферу изучалось и прежде, но Вадьянатан несколько сузил объект своего исследования, ограничившись анализом неафишируемых приложений Google, которые выходят за рамки «просто информирования» пользователей. Он напоминает, что мегапоисковики – это прежде всего составные части многофункциональных бизнес-проектов. Поэтому Google, как одна из наиболее прибыльных высокотехнологичных кампаний со своими эффективными маркетинговыми стратегиями, отнюдь не «Санта-Клаус» на просторах инфосферы (Vaidhyathan, 2011).

Как показал казус Ассанжа, глобальная информационная паутина – это также мощный инструмент тотальной слежки спецслужб за гражданами (Буряк: 2011d: 106-114). Подлинные истории и мифы об успешных «гаражных» стартапах информационного технокapитализма часто бывают раздутыми за счёт инструментов PR и саморекламы (Microsoft, Apple, Amazon, Facebook). Феномен Стива Джобса скорее исключение, а не «правило» информационной эпохи (Sutherland, 2012). Индивидуальный успех талантливых изобретателей контрастирует с миллиардами sheepls обычных потребителей глобализированной планеты (Буряк, 2011d: 104-106). Тем не менее, культурный архетип реализованной «американской мечты» продолжает эффективно будоражить воображение индивидуумов.

Инфосфера постоянно становится сложнее и представляет собой многоуровневый коммуникативный лабиринт. Интернетизированные социальные сети стали мощным драйвером глобализации (Ryan, 2011), (Hunter, 2012), (Nentwich, König, 2012), (Noor Al-Deen, Hendricks, 2012), (Cunningham, 2013).

Сети www. рекламируют телевидение, а телевидение рекламирует, в свою очередь, Сеть. Ведущие газеты мира, журналы, TV-каналы и радиoproграммы обладают собственными интернет-страницами – виртуальными двойниками. Многочисленные эпатажные real-show, спортивные мероприятия одновременно проходят по TV и в Интернете. Инфосфера в сегменте медиареальности расширяется и тяготеет к коммуникативно-жанровому синкретизму. Такие тенденции вызывают опасения в среде культурологов, социологов, психологов (Rheingold, 1992); (Riva, 1997); (Sherman, Craig, 2003).

Первоначальный образ Сети как пространства для реализации абсолютной свободы уже не адекватен реалиям нашего времени. Цензура и «поднадзорность» в Сети – это эмпирический факт. Режимы пребывания в Сети, маркетинговый контроль за гражданами «киберпространства», работа спецслужб под политическим прикрытием проведения антитеррористических операций превращают Интернет из либертарианской утопии в значимый сегмент гражданского общества. Глобализированный информатизированный социум зиждется на принципах паноптизма, прозрачности и ответственности.

Происходит планетарный «технологический сдвиг» в области производства традиционной культуры и её дистрибуции посредством глобализированных информационных потоков. Интернет как стратегический высокотехнологичный глобализированный информационный ресурс неравномерно распределён по странам и регионам (Compraine, 2001). Такая ситуация порождает феномен «цифрового разрыва». Прежде всего это следствие неравномерного исторического, социально-экономического и технологического развития стран мира. Здесь, конечно, напрашивается ассоциация с давно существующим геополитическим конфликтом между «богатым Севером» и «бедным Югом». Цифровой разрыв (digital divide), ре-

альное информационное неравенство, возникает из экономического расслоения мирового сообщества. Причины такого положения дел – неравноправное распоряжение стран и граждан информационными ресурсами, недостаточное количество компьютерной техники, слабое развитие информационной инфраструктуры. Помимо традиционных технологических сдвигов, существуют новейшие технологии, которые радикально изменяют не только систему коммуникации, но и глобализированные социокультурные трансакции (Musser, 2006).

Концепт «цифрового разрыва», «цифрового неравенства» (digital divide) породил многочисленные дискуссии о роли высоких технологий в современном обществе. Происходит непрерывное обсуждение проблем природы социального неравенства как причины «информационного неравенства», констатация разных условий доступа к информационным ресурсам, как отмечают Лодер (Loader, 1998), Норрис (Norris, 2001), Компэйн (Compaine, 2001) и Воршауэр (Warschauer, 2004). Величина цифрового разрыва обычно коррелирует с уровнем доходов, потребительских потенциалов и качества образования населения страны. Устранению цифрового разрыва в инфраструктурном, экономическом и социальном измерениях способствуют государственные программы информатизации общества. В целом информатизация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на обеспечение оперативного доступа всех граждан к информационным ресурсам.

Формирование социокультурного пространства в объёме ноосферной реальности зависит от качества высокотехнологичной информационной среды. Для определения степени полезной насыщенности инфосферы существуют объективные характеристики. Прежде всего это индикаторы развития информационного общества, то есть номенклатура показателей, характеризующих развитие инфосферы.

Информатизация – комплексный социально-экономический, организационный и научно-технический процесс создания наилучших условий для удовлетворения информационных потребностей населения, корпораций, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений. Она происходит на основе формирования и использования имеющихся информационных ресурсов и способствует реализации основных прав граждан. К тому же, информатизация общества представляет собой важнейший компонент глобального объективного исторического процесса ускорения ноосферогенеза. Особенно заметны эти тенденции в ходе реализации глобального проекта *Web 2.0* (Shuen, 2008).

В 90-е годы прошлого века благодаря интенсивному развитию сети Интернет начали формироваться так называемые «виртуальные сообщества». Совокупность таких сообществ стала основой создания глобального «сетевого общества», в котором значительная часть коммуникативных актов, информационных взаимодействий производится вне действия фактора физической близости коммуникантов. Фактически в условиях сетевого общества мы можем констатировать «смерть дистанции», по крайней мере, в «виртуальной среде обитания».

Благодаря тотальной информатизации общества происходит преобразование традиционного технологического производства и жизнедеятельности. Формируется новый технологически насыщенный способ производства товаров, услуг, знаний на основе использования информационной техники (Vogelstein, 2013). В то же время очевидна противоречивость процессов расширения инфосферы. Эффективный поиск нужной информации объективно необходим. Поэтому возрастает количество информационных потоков, растёт скорость досту-

па к разнообразным информационным ресурсам, расширяются коммуникативные возможности индивидуумов.

Инфосфера содержит множество дополнительных ресурсов для каждого индивидуума. Однако Илай Перизе предупреждает о некоторых латентных опасностях, связанных с работой в Интернет-пространстве. В частности, он рассматривает роль и функции фильтров персонализации (*personalization filters, internet personalization*) и показывает, что в адресном подборе ссылок присутствуют не только рационализированные методы выборки, но также работают механизмы цензуры. Поисковики создают специфическую отформатированную реальность (*reality bubbles*) посредством ссылок на определённые Веб-ресурсы, хотя это далеко не все ресурсы по конкретному запросу пользователя. Управляющие программы для работы с библиотечными ресурсами (*librarians*) не только открывают запрашиваемые страницы информационного поля, но также фактически перекрывают доступ к другим, альтернативным базам данных. Нужно отметить, что проблема фильтрации информационного контента комплексна и имеет технические, программные, экономические, политические, психологические, гендерные и правовые аспекты. Поэтому простых решений здесь нет, как полагает Пэризе (Pariser, 2011). Автор размышляет не о реальных, насущных, но скорее о потенциальных опасностях использования высоких технологий в ходе интернет-персонализации.

В связи с возможными нарушениями прав пользователей уже давно формируется такая дисциплина, как информационная этика (Quigley, 2008). В рамках развитого информационного общества необходимо создание программ, направленных на защиту интересов пользователей и использование конфиденциальной информации. Помимо юридической защиты граждан в инфосфере появляется потребность пользо-

вателей в прояснении этических норм социализированного киберпространства. Артикулируется круг проблем, связанных с моральными аспектами информационной культуры.

Способность общества эффективно и безопасно использовать информационные ресурсы позволяет рационально применять передовые достижения в области развития средств информатизации и информационных технологий.

Киберкультура

Одной из важнейших особенностей глобальной информационной сети является её громадный потенциал в качестве коммерческого развлекательного мегааттракциона (Fuchs, Moreau, Guitton, 2011); (Ingram, LaForge, Avila, 2012). Интердисциплинарные исследования социально-политических, экономических и культурных контекстов функционирования новых интернетизированных медиа, и в особенности расширения дигитализированной культуры, представлены в сборнике работ под редакцией Прамода Наяра (Nayar, 2010). Его тематика определена объективной конфигурацией поля киберкультурных исследований, как они складывались в течение последних пятнадцати лет. Кроме историко-культурной стороны становления киберкультуры рассматриваются возможные социокультурные и психо-эмоциональные импликации эволюции киберпространства. Исследователи едины в том, что сегодня уже некорректно говорить о киберкультуре в единственном числе, более адекватным будет употребление понятия «киберкультуры».

По мере развития инфосферы совершенствуется законодательство в отношении легитимного использования ин-

формационных ресурсов. В условиях информационного общества реализуются многие инновационные стратегические инициативы, в том числе такие, как дистанционное высшее образование, доказывают Карр-Чиллмэн (Carr-Chellman, 2004) и Вирт (Weert, 2004). Имеются успешные попытки создания электронного правительства, как показывает Моссбергер (Mossberger, 2003). Проекты строительства социализированной инфосферы, по мнению Павличева и Гарсона, должны подкрепляться практическими государственными инициативами (*e-government initiatives*) (Pavlichev, Garson, 2003).

В области политической деятельности и управления социально-экономическими процессами информационные технологии создали условия для эффективной обратной связи между обществом и государством. Уже во многих странах существуют формы так называемой «электронной демократии», «электронного правительства» и «электронных муниципалитетов». В цифровую эпоху возникают новые формы институционализации демократии, возникают реальные предпосылки формирования «виртуального государства», как свидетельствует Джейн Фонтин (Fountain, 2001).

В отдельных странах даже проводятся выборы с помощью электронной почты, то есть происходит голосование без физического присутствия «электората» на выборных участках. Электронное правительство – это система государственного управления на основе всеобщей компьютеризации и функционирования электронных средств обработки, передачи и распространения информации, при наличии обратной связи «государство – гражданин».

Инфосфера предоставляет новые возможности раскрыть свой творческий и организационный потенциал каждой личности. Тем не менее, негативные результаты тотальной информатизации также имеют место. Всем давно извест-

но слово «хакер». Масштабы хакерства и пиратства в инфосфере велики. Систематически наносится ущерб как материального, так и морального характера корпорациям и отдельным гражданам (Levy, 2010). Огромное количество юристов специализируется в области предотвращения информационной преступности. Хакерские атаки имеют международный характер, поскольку преступления совершаются посредством использования глобальной информационной сети Интернет.

Очевидно, что информационная преступность – это совокупность противоправных действий, производимых в информационной сфере, при которых происходит нарушение установленных законом авторских прав, конфиденциальности, безопасности личности, организации или же государства. Ущерб от действий хакеров включает в себя моральные угрозы и подрыв материальных ресурсов граждан. Фактически во всех странах принято и действует (или же бездействует) информационное законодательство. Оно представляет собой совокупность законов, нормативных актов и других форм правового регулирования в сфере функционирования и производства информации, а также легитимного контроля за использованием информационных технологий.

При анализе глобальных издержек существования информационного общества необходимо упомянуть об «информационных войнах» (или «кибервойнах»). Такая война – это запланированная совокупность целенаправленных действий, предпринятых для достижения ряда стратегических задач, в том числе информационного превосходства, путем нанесения ущерба массивам устойчивой информации и информационным системам противника. Информационная война осуществляется при одновременной защите собственной информации и информационных ресурсов (Mehan, 2008); (Mehan, 2014); (Singer, Friedman, 2014). Сюда могут быть отнесены

действия по внедрению в информационное пространство противника заведомо ложных сведений, дезинформации, а также дискредитации политиков, партий, движений, деструкции крупномасштабных государственных проектов.

В условиях современного информационного общества государству становится все сложнее контролировать сознание и поведение индивидуумов. Существование Интернет, глобальной мобильной связи, базирующихся на спутниковых каналах, сделали невозможным сокрытие стратегической информации о значимых социальных, экономических и политических событиях в мире. Казус Викиликс и Сноудена обнаруживает слабые места так называемой информационной свободы, компетенции цензоров и надёжности системы юридической защиты личных информационных ресурсов граждан. Всё это позволяет говорить о возрастании степени компетентности, ответственности как политиков, так и отдельных индивидуумов.

Насыщенность постиндустриального общества информационными каналами побуждает говорить о том, что степень «прозрачности власти» должна неизбежно возрасть. Сегодня авторитарным режимам становится всё сложнее контролировать сознание, мнения и поведение граждан. Современное глобальное гражданское общество использует доступные информационные ресурсы для осуществления демократических инициатив. Одним из эффективных инструментов для гражданского активизма оказались социальные сети. Правда, эти же сети используются также для манипулирования волей и действиями не критически мыслящих индивидуумов. Реализация конкретных социокультурных и политических проектов на основе продвинутых информационных технологий получила название «твиттерных революций», «фейсбук-революций» и «викиликс-революций» (Буряк 2011d). Ба-

ланс позитивных и негативных эффектов сетевых революций во многом зависит от культурных контекстов и экономических условий.

Феномен сетевого общества

Специфика современного глобального гражданского общества заключается в постоянно растущей популярности ресурса социальных сетей. Для эффективного функционирования в информационном обществе необходимо осуществлять многочисленные коммуникативные контакты. Расхожее понятие «сетевое общество» (*network society*) применимо к различным явлениям, где в коммуникацию вступают несколько индивидумов с целью общения или сотрудничества. Формирование сетей происходит в эпоху информационной революции. Сетевая организация коммуникации оказывает влияние на экономические, политические, социальные и культурные изменения в современном мире. Информационные потоки и глобализированные коммуникативные технологии необходимы для эффективной работы сетевого общества.

Феномен « сетевого общества » становится всеобъемлющим по мере расширения и ускорения информационной революции. Это связано с перманентной модернизацией экономики и функциональным усложнением социальных отношений в постиндустриальном обществе. С появлением радио и телевидения возникли необходимые инфраструктурные и организационные предпосылки для формирования всеохватывающих информационных сетей. Создание и экспоненциальный рост Интернет, интеграция с радиосетями и телевидением, мобильной связью, экономические эффекты сетевой

деятельности инициировали многочисленные научные исследования и философские дискуссии о значимости сетей для современного общества. Уже в начале 90-х годов двадцатого века появляются первые концептуальные рецепции «сетевого общества».

Понятие «сетевое общество» впервые появилось в названии работы голландского исследователя Яна ван Дайка. Опубликованная в 1991 году книга «*De Netwerkmaatschappij*» (буквально – «Сетевое общество») была переведена на многие языки. Дайк характеризует сетевое общество как такой социум, где интеграция медиасетей и социальных сетей формирует новый способ организации жизни и деятельности в постиндустриальных странах. Исследователь впервые показал существенные отличия непосредственных «физических/физиологических» коммуникативных актов от системы высокотехнологичной коммуникации (когда индивидов разделяет огромное физическое расстояние). Таким образом, Дайк зафиксировал факт расщепления и «удвоения» социального пространства, выделив пространство непосредственной «материальной» коммуникации и «виртуальной» коммуникации в медиапространстве (van Dijk, 1999).

В дальнейшем голландский исследователь продолжает изучать тему сетевого общества. Он рассматривает феномен появления «цифрового неравенства», исследует причины и особенности формирования неравного доступа индивидуумов к информационным ресурсам, анализирует теоретические и практические аспекты осуществления «цифровой демократии». Позднее Дайк констатирует продолжающееся углубление цифрового неравенства (van Dijk, 2005a.). Для обоснования своей точки зрения Дайк дополнительно изучил влияние комплексных социокультурных проблем на развитие сетевого общества (van Dijk, 2005b).

Одним из наиболее влиятельных исследователей глобальной сетевой коммуникации является испанский экономист и социальный теоретик Мануэль Кастельс. В своих пионерских «сетевых штудиях» он изучал различные аспекты «сетевой революции» начала 90-х годов прошлого века (Castells, 1991); (Castells, 1996). Ускоренная интернетизация и глобализация информационных потоков, их заметное влияние на экономику, образование и культуру показали важность и необходимость развития исследований феномена сетевой коммуникации. Кастельс полагает, что становление глобального общества немыслимо без развития планетарных сетевых ресурсов, продвинутых в техническом, организационном и социокультурном измерениях. Сегодня очевидно, что именно «сетевое общество» стало фундаментом современной экономики, политики и культуры. Несмотря на тематическую разноплановость исследование Кастельса по-прежнему актуально, поскольку автором сделан акцент на экономических и социальных аспектах сетевой коммуникации.

Другая популярная среди экспертов инфосферы книга испанского автора – «Восхождение сетевого общества» – неоднократно публиковалась в разных редакторских версиях, причём, только в английском переводе с 1996 по 2010 годы она была переиздана более десяти раз (Castells, 2000). Экономист и социальный теоретик, изучающий специфику информационного общества, Мануэль Кастельс продолжает исследовать систему сложнейших взаимодействий между информационными технологиями, экономической деятельностью, культурной и социальной жизнью современного постиндустриального мира. В сферу интересов учёного входят такие темы, как перспективы новой информационной экономики, новые социальные движения, виртуальные сообщества и киберкультура. Он также постоянно обращается к проблеме

«цифрового неравенства» (digital divide) в глобализирующем мире (Castells, 2003).

По мнению Кастельса, сетевая коммуникативная структура отражает современный тип мышления и специфический способ жизни индивидуумов, находящихся в условиях развитого информационного общества. Интернет становится сферой, где успешно работают экономические, культурные и политические формы деятельности. Он полагает, что проводимая в сети политика должна защищать принципы приватности, конфиденциальности и индивидуальной свободы пользователей.

Информационные коммуникативные сети как целостный, взаимосвязанный и системообразующий тренд постиндустриального общества постепенно становятся объектом междисциплинарного анализа. Например, на основе такого подхода Альберт-Ласло Барабаши использовал математические, химические, нейрофизиологические, социальные и экономические массивы знаний для создания синтетической теории всеобщей связности. Этот междисциплинарный методологический императив позволяет увидеть в его работе «Связанное: как всё соединено со всем другим, и что это означает» проект комплексной теории сетей (Barabasi, 2003).

Принципы организационной деятельности глобально функционирующих социальных сетей – это, пожалуй, ключевая тема исследовательских работ по проблеме оптимизации коммуникации между индивидуумами и группами. В этой связи необходимо выделить такие факторы развития сетей, как качество окружающей социокультурной среды и эффективность государственного планирования. Социальная сеть только тогда в полной мере будет отвечать потребностям пользователей, когда качество коммуникации станет наиболее производительным.

В работе «Социальная сеть и организационное устройство» Мартин Килдафф и Вэн Пин Цай интегрируют проблематику ключевых исследований по теме эффективного строительства социальных сетей. При этом они показывают способы оптимизации ресурсов максимального использования их потенциала (Kilduff, 2003).

Необходимо отметить, что в инновационном исследовательском проекте «Сетевое общество: кросс-культурные перспективы» под общей редакцией Мануэля Кастельса (Castells, 2004) международная группа экспертов представила результаты исследований феномена сетевого общества, выделила его характерные принципы, описала инновационные модели и охарактеризовала ключевые стимулы ускорения динамики развития современного социума. Учёными также рассматриваются специфические социокультурные контексты расширения сетей в различных странах мира (США, Канаде, Великобритании, России, Финляндии, Испании, Индии, Китае). Анализируются институциональные особенности, технологические и организационные трансформации локальных сегментов глобального сетевого общества. Учёные исходят из того обстоятельства, что качество функционирования сетей во многом определяет современную деловую активность, политическую и экономическую деятельность, социальную коммуникацию и повседневные практики.

В целом сетевое общество представляет собой новейшую форму интегрированной социальной организации на стандартизированной технологической основе. Такое общество является закономерным переходом от коммуникационных форм частично доиндустриального и в большей степени индустриального общества к постиндустриальному. По мнению Кастельса, таким образом происходит вступление в «информационную эпоху».

Очевидно, что ускоряющиеся технологические трансформации непосредственно воздействуют на формирование социума и культуры. Тематический анализ, представленный в коллективном исследовании, охватывает промышленное производство, движение глобальных финансовых потоков, производство культурной идентичности, систему дистанционного образования посредством Интернет, здравоохранение «на дистанции», политические процессы. В итоге авторы монографии соглашаются в том, что сетевые сообщества, способные адаптироваться к многоуровневой среде обитания человека в социуме, принимают специфические формы в зависимости от локальных культурных и институциональных условий.

Ввиду сложившейся академической традиции исследователи выделяют в первую очередь технологическое, экономическое, социальное, политическое и культурное измерения сетевого общества. Так, в экспертном исследовании посвященном изучению прикладных и организационных аспектов функционирования информационных и коммуникативных технологий в современном обществе Кастельс особое внимание уделяет властным стратегиям. (Castells, 2009) Другие аспекты расширения инфосферы, обозначены и рассматриваются в томи числе: технологические, организационные, психологические, социальные и экономические перспективы развития сетевого общества в исследовании Боумана, Хоффа и др. Учёных (Bouwman, Hooff, 2005).

Сетевая организация деятельности становится определяющим стилем жизни в различных сегментах современного общества. Марк Ньюман в работе «Сети: Введение» (Newman, 2010) анализирует такие аспекты функционирования граждан, как компьютерные, социальные, биологические и другие сети. Исследователь пишет о том, что доступность компьюте-

ров и Интернет обеспечили пользователям возможность широко презентировать себя в киберпространстве. Эта тенденция создаёт предпосылки для массового движения в социальных сетях к объединению по интересам. Однако здесь нужно разделять потребности общения, необходимую производственную или образовательную коммуникацию и политическую сферу интересов.

Разнообразие сетевой организации и специфика инструментов сетевой коммуникации, по Ньюману, определяют целесообразность и динамику развития сетевого общества. Исследователь считает, что изучение сетей требует междисциплинарного подхода и работы в нескольких академических полях, включая физику, математику, компьютерные науки, информатику, биологию и социальные науки.

Проблемы измеримости сетей, описания их функций и структуры методологически должны быть решены прежде, чем будет предпринят системный анализ сетевой деятельности. Поэтому Ньюман предлагает разнообразные методы исследования сетевой организации и сетевой активности. Среди таковых автором называются теории динамических процессов в сетях (*theories of dynamical processes taking place on networks*), физические измерения, компьютерные алгоритмы, математическое моделирование сетей, статистические методы, социологические методы, основы теории графов, модели, основанные на случайных графах (*random graph models*), и обобщённое моделирование (*generative models*).

В глобализированном мире сети тотальны, они организуют / структурируют нашу социальную жизнь, экономическую деятельность, формируют науку, культуру, искусство, образование, медицину. Коммуникативная составляющая человеческой деятельности выступает на передний план функционирования сетевой активности. Дэвид Изли и Джон Кляйнберг

в работе «Сети, толпы и рынки» (2010) показывают, как компьютерные науки позволяют изучить инфраструктурные и тем более информационные аспекты работы сетей (Easley, Kleinberg, 2010). Они считают, что информационные сети имеют массу полезных приложений в повседневной коммуникации, бизнесе, политике и социальных практиках.

Комплексная связность современного общества обусловлена насыщенностью и спецификой организованных сетей. С помощью теории вероятностей, теории игр, теории графов, микроэкономических исследовательских стратегий и методов социальных наук Изли и Клейнберг рисуют широкую панораму развёртывания социальных сетей в условиях информационного общества.

Особое внимание авторов привлекает пересечение экономических, социальных и коммуникативных практик, осуществляющихся в сетевом обществе. Главный вопрос исследования – как работают сети? Эта тема освещена достаточно компетентно и полно. Эмпирические данные и математические модели, используемые авторами в книге, взаимодополнительны. Высокая скорость передачи данных, абсолютная доступность информации и объективная проверка истинности данных (процедура верификации), по мнению исследователей, являются необходимыми принципами дальнейшего прогресса сетевого общества. Авторы достигли поставленной перед собой цели: показать, как работают сети в условиях сверхсложного, глобализированного многомерного мира. Предпринятый ими анализ работы сетей открывает перспективу для более глубокого понимания онтологии сетевой реальности (Easley, Kleinberg, 2010).

Очевидно, что глобализированные сети должны быть многомерными и полифункциональными. Мэтью Джексон в книге «Социальные и экономические сети» (2010) выделяет

социальную, организационную и экономическую составляющие коммуникативной реальности как базовые взаимодействующие друг друга характеристики сетевой парадигмы. Для понимания специфики работы сетей автор использует социологический анализ, методы прикладной математики, стратегическое моделирование и теорию игр (Jackson, 2010).

Получается, что главным образом экономический сегмент сетевой деятельности во многом определяет благосостояние общества и комфорт граждан в условиях глобализации. Именно сетевое системное мышление определяет дальнейшее развитие постиндустриального мира. Оно реконфигурирует базовые характеристики повседневности, экономического развития и политики. Санджив Гойял показывает, как работают организационные, инновационные, рыночные механизмы в сетевом обществе (Goyal, 2009). По мнению учёного, сетевые социальные и экономические интеракции радикально изменяют жизнь индивидуумов в целом.

Тема сетевого общества динамична и многогранна. В своей очередной книге «Мощь коммуникации» (2009) Мануэль Кастельс анализирует различные аспекты использования глобальных коммуникативных сетей. Он обосновывает мысль о том, что конститутивные принципы организации многоуровневых сетей во многом определяют экономическую, политическую, социальную, культурную и индивидуальную деятельность граждан (Castells, 2009).

Другой специалист в области коммуникации, Дерин Барни, обобщает различные теории сетевого общества. В своей работе он выделяет технологические, социальные, экономические, политические и культурные аспекты развития глобальных сетевых институций и практик, а также конструирует модель взаимоотношений между технологиями и обществом. При этом рассматриваются проблемы развития цифро-

вой демократии (digital democracy), варианты реализации разнообразных инициатив новых социальных движений (new social movements), анализируются триггеры культурных и социальных трансформаций, условия появления специфических идентичностей (Barney, 2004).

Наличие сетей – важное условие для реализации индивидуальных способностей. На основе анализа работы социальных сетей Никлас Кристакис и Джеймс Фаулер доказывают, что сетевая деятельность весьма продуктивна, поскольку сеть как единое целое позволяет интегрировать усилия участников, что значительно превосходит суммарный эффект обычной последовательной линейной коммуникации. Авторы утверждают, что социальные сети имеют ряд преимуществ по сравнению с обычной, оффлайновой коммуникацией. Новые позитивные качества пользователей, согласно их выводам, включают в себя совместную адаптацию, непосредственное влияние коллег, опосредованное воздействие друзей, специфическую сетевую атмосферу сотрудничества, повышенную вирулентность идей и практик в сети, ускоренную комбинаторику коммуникативных паттернов (Christakis, Fowler, 2011).

Любая социальная система рано или поздно становится объектом надзора, контроля и манипуляции со стороны государства. Современное сетевое общество, разумеется, не исключение. Работы на тему конструирования «социального паноптикума», ещё со времён первой публикации резонансного исследования Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать», востребованы и ожидаемы читателями. В новых книгах по этой теме всё чаще обнаруживается, что власть имущие используют именно тонкие высокотехнологичные инструменты для усиления контроля гражданских инициатив. «Контролируемый доступ: формирование власти, прав и норм в киберпространстве» (2010) – коллективное исследование о новой

ситуации, сложившейся в современном информационном обществе, а также о повседневной «кибержизни» нового поколения Интернет-пользователей. Авторами последовательно рассматриваются сложные проблемы легитимного установления норм коммуникации, границ цензуры, режимов цензуры, форм контроля и наблюдения за пользователями в глобализованном нормативном поле информационного пространства (Delibert, Palfrey, 2010).

Сетевое общество эволюционирует от строительства локальных сетей к конструированию «сетевых городов» и далее, вплоть до глобальной «электронной деревни», о которой провидчески говорил Маклюэн пол века назад. Джеймс Хайтцман в работе «Сетевой город: планирование информационного общества в Бангалоре» анализирует возможности создаваемой информационной мегаинфраструктуры в так называемой «Индийской Силиконовой долине». Он отмечает, что возводимый амбициозными деятелями «сетевой город» может стать образцовой моделью развития научно-технических мегаполисов и исследовательских университетских центров в условиях глобализованного двадцать первого века. При этом он считает, что современная урбанизированная экономика, компьютерная индустрия, телекоммуникационные технологии и организация социальной жизни в такого рода городах должны быть тесно взаимосвязаны (Heitzman, 2004).

При исследовании свойств и качеств сетевых характеристик мировых мегаполисов Питер Тейлор уделяет особое внимание конституированию комплексных многомерных пространств в ходе глобальной урбанизации (Taylor, 2003). Он доказывает, что деятельность транснациональных корпораций неизбежно привела к массовому производству «глобального» как специфического современного феномена. В эпицентре унифицирующих социокультурных тенденций находятся

крупные города. Их конкурентоспособность и потенциал развития на планетарной шкале зависят в первую очередь от высокой насыщенности коммуникационными сетями (прежде всего информационными).

Тейлор подвергает дескриптивному анализу деятельность ста глобальных корпораций, осуществляющих сервисные услуги, и рассматривает «информационные карты» 315 городов, находящихся на пересечении глобальных коммуникаций. Он показывает, что городские сети являются своего рода «экзоскелетом» для эффективного функционирования коммуникативных процессов в условиях глобализации. Уникальное исследование Тэйлора опирается на обширные материалы урбанистических исследований (urban studies), географической науки (geography), социологии (sociology) и теории планирования (planning). В главе «От прошлого к настоящему: метагеографический аргумент» (Taylor, 2003:179-192) автор активно использует понятие «метагеографии» (metageography), для того чтобы точнее описать глобальные экономические потоки, непосредственно связанные с функционированием планетарного сетевого общества и прогрессивной ролью мегаполисов.

Процесс глобализации трактуется как «метагеографический транзит» (Taylor, 2003: 191-192). В результате исследователь приходит к убедительному выводу о том, что, расширяясь и охватывая различные сферы: экономику, коммуникативные транзакции, международную политику, культуру, науку и образование, – сетевая парадигма создаёт предпосылки для формирования инфраструктурной платформы экспансии глобальных трансформаций, что существенно влияет на эффективную работу планетарных социальных сетей.

Социальные сети в глобализирующемся мире

Ноосферогенез ускоряется благодаря всё более интенсивной разумной деятельности человечества. Наиболее важным триггером планетарной разумной деятельности является непрерывная сетевая коммуникация. Особенность глобального гражданского общества состоит в растущей популярности социальных сетей, функционирующих в информационном обществе. Социальные сети – это значимый сегмент ноосферогенеза и добавок – необходимый компонент индивидуального развития (включая личностные бонусы и риски) (Буряк, Кравченко, 2011с), (Буряк, 2011d), (Кравченко, Буряк, 2014).

Тему расширения глобального «сетевого общества» как фундамента современной экономики, политики и культуры всесторонне исследовал испанский экономист Мануэль Кастельс. В его работах акцент сделан главным образом на экономических приложениях сетевой коммуникации. Его книга «Восхождение сетевого общества» переиздавалась в разных редакторских версиях более десятка раз (и это только лишь на английском языке с 1996 по 2010) (Castells, 2000).

Следует также отметить вклад Барни в разработку этой темы: обобщение различных теорий сетевого общества, выделение технологических, социальных, экономических, политических и культурных аспектов развития сетевых глобальных институций и практик. В исследовании выстраивается модель взаимосвязей между технологическими трендами и обществом, рассматриваются проблемы цифровой демократии (digital democracy), возможности для реализации инициатив новых социальных движений (new social movements), факторы ускорения культурных трансформаций, редизайна

общества и появление специфических идентичностей (Barney, 2004). Сделан вывод, что эволюция сетевого общества самым непосредственным образом влияет на формирование параметров глобального гражданского общества. А это значит, что опосредованно воздействует на характер ноосферогенеза.

Многопрофильное коллективное исследование «Формирование сетевого общества: новая роль гражданского общества в киберпространстве» (2004) под редакцией Дугласа Шулера и Питера Дея – пожалуй, наиболее значительная системная попытка описания природы сетевых тактик. Учёные стремятся понять работу механизмов влияния реальных интернетизированных сетей на формирование гражданского общества в глобализирующемся мире. Авторы разделов на основе документальных данных анализируют феномен появления в глобальном киберпространстве разнообразных социальных сетей (*civil society in cyberspace*). Экспертные исследования в основном сосредоточены на теме конституирования новых форм демократии, а также их обеспечения инструментами сетевых технологий в информационную эпоху (Schuler, Day, 2004).

Сегодня социальные сети – это действенные глобальные медиа-инструменты для осуществления маркетинговых и социально-экономических практик (van Dijck, 2013). Именно они инициируют гражданский активизм в региональном и планетарном масштабе (Буряк 2011d:78-79). Беспрецедентный количественный экспоненциальный рост сетей позволяет считать их стратегическим информационным и операциональным ресурсом расширения и консолидации глобального гражданского общества. Первоначально социальные медиа трансформировали средства индивидуальной коммуникации, затем они стали радикально влиять на способы ведения бизнеса. Собственно говоря, именно с императивом активной

коммерции и агрессивным «точечным» маркетингом связана отработка наиболее эффективных сетевых стратегий.

Радикальное ускорение – это всегда революция. Само выражение «Твиттерная революция» (как, впрочем, и «blogging revolution», «Facebook Revolution») появилось в качестве констатации новейшей коммуникативной революции (Loewenstein, 2008), (Ghonim, 2012). Скорость, точная адресность для целевой аудитории, вездесущность и оперативность получения / переадресации значимой информации пригодились всем тем, кто большую часть своего времени проводил в Интернете и постоянно пользовался мобильным телефоном, подключённым к Интернету. Манифестом микроблоговой революции стала книга Деборы Мичек и Уоррена Уитлока «Твиттерная революция: Как социальные медиа и мобильный маркетинг меняют наш способ ведения бизнеса и онлайн-рынок» (Micek, Whitlock, 2008).

Информационное общество способствует созданию равных стартовых условий для креативной деятельности граждан и организаций. Быстрота перемещения огромных массивов специальной информации и широкий диапазон её распределения (рассылки) позволяет в короткие сроки мобилизовать локального потребителя или конкретного социального активиста для индивидуальных или коллективных действий. Социальные сети интегрированы на основе Интернета, дополняются возможностями мобильной телефонной связи, благодаря чему группы граждан, ассоциированных по интересам, в виртуальной информационной среде реализуют свои коммуникативные потребности. Информационные, технологические и организационные ресурсы: «Фейсбук» (Facebook), «Твиттер» (Twitter), «Майспейс» (Myspace), «В Контакте» и другие – глобальны по своей природе. Они многовекторны, полифункциональны и являются эффективными инструмен-

тами контроля над деятельностью отдельных пользователей, групп граждан и даже «виртуальных сообществ». Очевидная эффективность социальных сетей на начальном этапе развития проявилась прежде всего в рекламной и организационно-маркетинговой сферах. Впоследствии социальные сети стали мощным политическим ресурсом.

Экономические эффекты развития интернетизированных социальных сетей очевидны. Работа Клары Ших «Эра Фейсбук: успешное продвижение продуктов в онлайн-сетях» (Shih, 2009) позволяет понять специфику работы в интернетизированных социальных сетях. В книге показано, как может быть гарантирован выигрыш «бонусов» для тех индивидуумов, которые рискнули своими материальными и социальными инвестициями в этот непредсказуемый эмерджентный сектор – «экономику будущего».

Для понимания организационного ресурса базисных принципов социальных приложений мобильных технологий и поведенческих корреляций пользователей мобильной связи необходимо знать, как работают прикладные способы репрезентации данных и какова эффективность локализованной коммуникации. Основные параметры сетевой коммуникации следует изучать в долговременной перспективе, учитывая темпоральный характер изменений. Социальные сети могут быть инструментом любых практик, направленных на достижение быстрого и эффективного результата посредством групповой («клубной») коммуникации.

Первоначально исследователи социальных сетей изучали главным образом их маркетинговые возможности. Именно о практически неограниченных бизнес-возможностях социальных сетей как для индивидуумов, так и для организаций пишет Дэн Заррелла (Zarrella, 2009). Целая серия книг издательства «Sybex» посвящена исследованию целевых аудито-

рий, построению идеальной маркетинговой платформы для развития сетевого бизнеса, способам внедрения эффективных стратегий маркетингового планирования в экономическое Интернет-пространство.

Социальные сети и социальные медиа давно стали активной частью коммерческих планов большинства малых, средних и крупных компаний. Уже детально изучены маркетинговые возможности наиболее ёмких в количественном отношении клиентов, социальных сетей MySpace, YouTube, Facebook, LinkedIn, Seesmic, Eventful, FriendFeed, Twitter и других. Рынки сбыта, насыщенность конкурентной среды, агрессивный брендинг и ребрендинг, назойливая реклама, ангажированные социологические измерительные методы в сетях и многие другие аспекты скрупулёзно рассматриваются Дейвом Эвансом в книге «Социальный медиа-маркетинг» (2008) (Evans, 2008).

При изучении механизмов функционирования сетевого общества необходимо отметить исследование Криса Тридвэя и Мэри Смит о применении эффективных маркетинговых стратегий посредством социальных сетей «Facebook Marketing» (2010) (Treadaway, Smith, 2010). Другие исследователи, например, Грег Джарбо в книге «YouTube and Video Marketing» (2009), также рассматривают принципы работы экономических идей для продвижения товаров, услуг, развлечений и знаний посредством имплементации и трекинга видео-маркетинговых стратегий (Jarboe, 2009).

Холис Томасис на основе демографических и социологических исследований анализирует широкие возможности использования микроблогового сервиса «Твиттер» для брендинга, рекламы, PR-компаний, интенсификации предпринимательской деятельности, эффективной для профессионалов и обычных пользователей. Уже в 2006 году активными

пользователями Твиттера были не только небольшие, средние фирмы, но даже такие транснациональные корпорации, как Apple, JetBlue, GM и CNN, не говоря о более чем 32 миллионах индивидуальных пользователей к началу 2010 года (Thomases, 2010).

Необходимо отметить и другие экономически ориентированные исследования, рассчитанные в основном на интересы бизнесменов и студентов экономических специальностей, решивших посредством социальных сетей использовать онлайн-маркетинг для освоения Интернет-Клондайка. Предпочтительными сетевыми ресурсами для бизнеса, по мнению Комма и Робинса, являются Twitter и Facebook (Comm, Robbins, 2010), а также YouTube, как показывают Шепп (Schepp, Schepp, 2009) и Миллер (Miller, 2011).

Если речь идёт не о продовольствии, одежде и мобильных телефонах, а о «политическом продукте» для внутреннего или внешнего пользования, то маркетинговые технологии, отработанные в коммерциализированных социальных сетях, благодаря «модернизации» используются для тотальной мобилизации индивидуумов. Системное устройство спектра программных приложений и продуктивного использования возможностей маркетингового продвижения виртуальных товаров предполагает комплексную оценку мотиваций потребителей.

Цифра в более чем миллиард пользователей, постоянно работающих в сети Facebook, ничего не говорит социологу. Вполне возможно, что среди этих индивидуумов десятки миллионов вполне «зомбированных» пользователей. Но эти цифры способны сказать о другом. Например о том, что среди пользователей Facebook – миллионы социально активных ответственных граждан. Повышение качества информации – вопрос времени и социальной ответственности. Главное то, что востребованность данных и адекватность информацион-

ных потоков объективному положению дел в мире становится международной нормой, которую трудно «обойти». Всё сложнее игнорировать смыслы, которыми нельзя пренебречь.

Бизнес-решения и клубная дистрибуция информации в социальных сетях переплетаются с социально-политическими потребностями индивидуумов. Всё информационное многообразие пропускается через унифицирующие фильтры социальных сетей, с применением технологий вирулентного расширенного распространения информации. Постепенно, системно и целенаправленно формируется кластерная квазиконфиденциальная квази-эксклюзивная информационная реальность. Так возникает инфосфера, которая сегментирована и специализирована в онлайне. Затем она превращается в глобальный симулякр «виртуального мирового сообщества». Так возможна ли информационная индивидуализированная автономия в эпоху глобальных трансформаций? Это и есть ключевой вопрос развития глобального общества в контексте ускорения ноосферогенеза.

Планетарная мобилизация

Средства мобильной телефонной связи в начале XX века прочно вошли в обыденную и деловую жизнь большинства населения нашей планеты. Сегодня аппаратов мобильной связи гораздо больше, чем стационарных аппаратов кабельной аналоговой телефонной связи. Нынче глобализированная мобильная связь и мобильные технологии во многом определяют эффективность коммуникации во всех сегментах жизнедеятельности (Rigby, 2008).

Социальные теоретики и антропологи системно изучают разнообразные аспекты феномена глобальной мобилизации. Исследователи, в том числе социальные теоретики, философы, политологи и культурологи, пытаются постичь взаимосвязь между технологическими трендами и социокультурными трансформациями информационной эпохи.

Продвинутая высокотехнологичная интернетизированная коммуникация – это не только эффективный коммуникативный инструмент, но также средство для нового культурного и социального дизайна индивидуума, считает Говард Рейнгольд (Rheingold, 2002); (Rheingold, Weeks, 2014). В свою очередь, Рич Линг в работе «Мобильная связь: влияние сотовых телефонов на общество» (2004) поднимает проблему техносциального детерминизма в истории формирования современного социума. Он пытается выяснить степень нашей зависимости от всепроникающей «мобилизации». Последствия взаимодействий новых технологий и культурных ритуалов традиционных обществ были очевидны уже во времена неолитической революции. Когда-то оседлый образ жизни стал социокультурной инновацией, основой для формирования будущих цивилизаций, в то время как кочевническая жизнедеятельность ассоциировалась с отсталыми архаичными культурными ритуалами. Видимо, поэтому Линг считает, что технические инновации позитивно влияют на социальную динамику и в значительной степени определяют формирование прогрессивных социальных институций (Ling, 2004: 171-176).

Мобильная связь – это не сугубо технический инструмент продвинутой коммуникации. Социокультурные особенности динамики общества детерминированы «мобилизацией» в глобальном масштабе. Именно они оказались объектом исследования различных специалистов: культурологов, социо-

логов, антропологов, специалистов в области менеджмента и всех тех, кто рассматривает мобильную телефонию как нечто большее, нежели просто очередное современное техническое средство для эффективной коммуникации. Размещение этой темы в историко-культурном и техносоциальном контекстах позволяет глубже понять фундаментальные факторы, формирующие современное информационное социокультурное пространство. Национальные, региональные и локальные специфические особенности в инфосфере коррелируют с интернациональным мейнстримом – ускорением расширенного доступа уникального культурного контента в контексте глобального социокультурного потребления (Буряк, 2011d:82-83). Конвергенция современных медиасредств (теле-радио-интернет) позволяет рассматривать мобильную связь как часть многопользовательских инструментов для продвижения идеологических, политических, маркетинговых, социальных и эстетических проектов освоения пространств инфосферы. Джерард Гоггин исследует те практики повседневности, на которые значительное влияние оказало широкое распространение мобильной телефонии (Goggin, 2006).

Не стоит забывать и о том факте, что мобильная связь сегодня плотно интегрирована с Интернетом и социальными сетями. Это создаёт глобализированный потребительский коммуникативный эффект, которым пользуются маркетологи и политики (Blumauer, Pellegrini, 2008). Не только в большом бизнесе происходят постоянные «поглощения» и «слияния» корпораций в целях преодоления конкурентного противостояния. Новые технологии открыты и весьма приспособлены для создания более успешных и эффективных бизнес-конфигураций.

Глобальной интеграции технологических инструментов и медиастратегий предшествует мейнстрим конвергенции

культуры, доказывает Генри Дженкинс. Нынешний культурный сдвиг (cultural shift), по его мнению, изменяет характер социокультурной динамики и создаёт эффект ускорения для новейшей технологической революции (Jenkins, 2008a). Понятие «конвергенция» всё чаще употребляется в связи с возрастающей тенденцией пролиферации научного знания и взаимодополнительности высоких технологий. Кроме того, происходит интеграция сугубо технических средств и социогуманитарных технологий. Примером такой тенденции, согласно Дженкинсу, является конвергенция новых медиа-технологий (new media technologies), социальных медиа (social media) и технологий, поддерживающих семантические сети (semantic web technologies). Изучение механизмов этого процесса предполагает применение междисциплинарного подхода. В отличие от знаний, связанных с конкретной предметной областью (domain-dependent knowledge, domain-specific knowledge), исследование в этом случае должно быть направлено на природу познавательных технологий (knowledge technologies) (Jenkins, 2008a).

Социальные медиа и семантические сети широко взаимодействуют в образовательных, исследовательских, экономических и коммуникативных контекстах. Их интеграция требует приложения специальных методов, рефлексии социальной теории и применения познавательных инструментов культурной антропологии. Базовой предпосылкой изучения механизмов любой высокотехнологичной конвергенции является допущение комплементарности технологий.

Координация совместной деятельности (collaboration) специалистов позволяет формировать новые стратегии усиления сетевых познавательных технологий (networking knowledge). Составители и авторы комплексного исследования «Сетевое знание – сетевые медиа» (2009) поставили задачу

описать и определить различные стратегии для изучения этого нового тематизированного поля (Pellegrini, Auer, 2009). Цель была достигнута благодаря использованию междисциплинарного подхода к анализу специфики сетевой коммуникации.

Глобальная интеграция и конвергенция информационных технологий, а также новых социальных технологий позволяет гражданам и общественным движениям создавать более эффективную и скоростную коммуникацию (Gerbaudo, 2012). Благодаря этой тенденции возрастают ресурсы контроля со стороны государственных организаций и отдельных государственных функционеров.

Джанни Ваттимо, анализируя значение медиасферы для формирования современной идеологии, закрепления позитивных политических практик, скептически смотрит на достижение идеала объективной истины, по крайней мере в поле социогуманитарной деятельности. Преодоление цензуры высказываний граждан, и тем более свободное получение достоверной информации – это важнейшая задача для создания подлинно «прозрачного общества» (Vattimo, 1992). Истина не абсолютна, она постоянно интерпретируется и конструируется в ходе демократической коммуникации, как показывает итальянский философ (Vattimo, 2011). Становление новых общественных отношений в глобализирующемся мире в сильной степени зависит от взаимодействия государства, гражданских объединений и овладения гражданами ресурсами информационных технологий.

Изобретения девятнадцатого века, такие, как телеграф, телефон и радио, в «снятом» виде неизбежно, по крайней мере, концептуально и инструментально, присутствуют в системах современной сотовой связи. Сегодня мобильная связь является одним из неперенных компонентов широкомасштаб-

ного процесса, который именуется «конвергенция высоких технологий».

Мобильная телефония – это отнюдь не изолированное и самодостаточное техно-коммуникативное явление в современном постиндустриальном глобализованном мире. Глобальная мобилизация предполагает взаимодействие, взаимодополняемость и взаимное усиление ведущих технологических трендов – например, NBIC-технологии (нано-био-инфо-когно-технологии) (Bainbridge, 2003; Bainbridge, 2006; Bainbridge, 2007). По отношению к иным технологиям коммуникации мобильная связь взаимодополнительна и находится в процессе конвергенции с другими информационными технологиями: обычной кабельной телефонией, радио, телевидением и Интернетом. Мобильные телефоны последнего поколения (коммуникаторы и смартфоны) представляют собой, по существу, многофункциональные высокотехнологичные терминалы для приёма, обработки и хранения гигантских объёмов информации. В форме текстов, аудиосообщений, фото, видео, 3D-моделей виртуальной реальности, видеоигр, выходов в социальные сети обеспечивается доступ к различным организационным ресурсам, в том числе – к банковским счетам. Благодаря продвинутым сотовым телефонам можно дистантно работать на биржах, осуществлять платежи за материальные и виртуальные объекты потребления и т. д. (Jenkins, 2008b).

Экспоненциальному росту глобальной мобилизации способствует маркетинговая составляющая расширения рынков мобильной телефонии. Телефонные аппараты, аксессуары к ним, программы, услуги, многочисленные развлечения, лотереи, конкурсы, абонплата «за всё» и другие полезные, а чаще – бесполезные функции высокотехнологичной коммуникации являются (явно или опосредованно) результатом консюмеристских стратегий, продвигаемых транснациональ-

ными корпорациями. Работа на этом высокотехнологичном глобализированном рынке «мобилизации» перспективна и сулит немалые прибыли, показывает история бренда BlackBerry (McQueen, 2010).

Планетарная мобилизация в первой декаде XXI века фундаментально изменила глобальное коммуникативное пространство, как показывают Левинсон (Levinson, 2004), Клеменс (Klemens, 2010) и Агар (Agar, 2013). Под сильнейшим влиянием сотовых телефонов трансформировались многие практики повседневности, приватная жизнь, коммерция, были созданы новые возможности для укрепления креативных позиций индивидуумов и осуществления гражданских инициатив, в том числе обеспечены техно-коммуникативные предпосылки для построения глобального гражданского общества. Тотальная «мобилизация» тинейджеров и молодёжи (индивидуумов от 12 до 30 лет) позволяет выделить специфическую гендерную социальную группу - «поколение С» (generation communication) (Stein, 2011). Наряду с «поколением X», «поколением Z», «поколением Pepsi» и другими выделенными социологами гендерными группами («поколениями») нынешнее «Поколение С» обладает уникальными характеристиками.

Любая современная типология общества отражает попытки социальных теоретиков классифицировать гендерные группы эволюционирующего общества потребления, где от предпочтений молодёжи во многом зависит развитие экономики и формирование социокультурной сферы. «Поколение С» (Generation C) расшифровывается как «поколение коммуникации» (generation communication), поскольку для этого возрастного интервала (тинейджеры, молодые люди) выделенной спецификой является возможность и даже насущная необходимость постоянно «быть на связи»: всюду, всегда и

езде. Технологической предпосылкой появления «Поколения С» явилось создание компьютерных сетей нового поколения и социальных сетей. Эти факторы, собственно, и послужили началом конвергенции мобильных сетевых технологий коммуникации, что показывает в своём исследовании Кшиштоф Иневски (Iniewski, 2010).

Одними из основных акторов глобальной интернетизированной мобилизации являются транснациональные компании Nokia, Samsung, Sony Ericsson и др. Глобальная мобильная революция была подготовлена многолетней напряжённой инновационной, организационной деятельностью в условиях высококонкурентной среды. Успех глобальной мобилизации был обеспечен несколькими высокотехнологичными фирмами. В их числе постоянно находилась финская компания Nokia. Автор книги «The Nokia Revolution» Дэн Стейнбок специализируется на истории, технологических инновациях, маркетинговых стратегиях и социальных импликациях мобильной революции «по-фински».

В своей первой книге на эту тему он представил фундаментальное исследование экономического восхождения одного из наиболее успешных игроков на глобализированном поле мобильной телефонии, сквозь историческую призму показал многолетнюю эволюцию финской производственной компании Nokia. Автор попытался найти «секреты» перманентной инновационности, негибаемой конкурентной устойчивости и впечатляющего успеха продукции у разнообразных потребителей. Стейнбок считает, что именно благодаря уникальному менеджменту Nokia стала одним из лидеров на рынке глобальных мобильных коммуникаций. Он отмечает специфические удачные дизайнерские решения и стратегии, которые сделали бренд Nokia узнаваемым и ожидаемым. Кроме того, показаны особенности инновационных высоко-

технологичных проектов, которые позволили компании стать одним из лидеров в продвижении беспроводной связи третьего поколения (книга Стейнбока «The Nokia Revolution» вышла в 2001 году). Баланс между сохранением менеджерских, маркетинговых, организационных традиций и революционных технологических инноваций, по мнению Стейнбока, позволил Nokia выстоять в борьбе за доминирование в условиях глобального рынка мобильной телефонной связи (Steinbock, 2001). В следующих работах, развивая темы «мобильной телефонии», «мобильной революции», «глобализации рынков», Стейнбок уточняет свои первоначальные ключевые тезисы, дополняет исследования актуальными материалами, а также выводит новые массивы актуальной информации (Steinbock, 2007; Steinbock, 2010).

Мобильная связь и Интернет радикально преобразовали обыденную жизнь и профессиональную среду обитания миллиардов людей. Прежде всего это относится к сфере межличностной коммуникации (Буряк, Кравченко, 2011с), Культурное и социальное время в инфосфере существенно уплотнилось (Буряк, 2011b). Индивидуумы стали выполнять одновременно во много раз больше дел, чем до начала интернетизированной мобильной революции (общение, переписка, обыденные дела, развлечения и т. д.).

Однако, несмотря на заметные преимущества информационных технологий, появились также и проблемы «перепроизводства» глобализированной коммуникации. По крайней мере, так считает Нэнси Бэйм в своей работе «Межличностные связи в цифровую эпоху» (2010) (Baum, 2010). Она показывает, что «заочные» контакты между людьми возможны и эффективны в определённых экстремальных ситуациях, но в плане постоянного общения ущербны, поскольку лишены психо-эмоциональной компоненты, присущей непосред-

ственному человеческому общению. Физическое присутствие участника любого диалога онтологически более подлинное, чем дистанцированная виртуализированная коммуникация с помощью технических средств. Эти размышления Бэйм особенно актуальны сегодня, когда для многих людей интернетизированное общение в социальных сетях вытесняет непосредственные контакты и «живую» коммуникацию (Baum, 2010).

В свою очередь, Брайан Чжень рассматривает феномен iPhone-революции и перспективы будущего человечества в режиме «always-on», то есть повседневного существования, когда мы оказываемся «всегда на связи» (always-on) (Chen, 2011). В своей полемически заострённой книге он показывает, как чудо-изобретение корпорации Эппл – iPhone – открыло возможность быть на связи всюду, всегда и в любое время (unlocked the anything-anytime-anywhere). Это стало достижимо благодаря соединению трёх революционных технологий: ресурсов мобильной телефонии, высокотехнологичного аппарата связи и сенсорного дисплея без механической клавиатуры. Но с другой стороны, iPhone заблокировал нас (locked us in) в этой герметичной гиперкоммуникативной информационной сфере. Таким образом, произошла сенсорно-образная депривация от реального мира. Поэтому позитивные достижения нового высокотехнологического гаджета не должны скрывать от нас заложенных в нём маркетинговых ловушек, рисков нарушения приватности конфиденциальной информации, осуществления реальной свободы и новых возможностей для креативной самореализации.

Философские дискуссии о «пользе» и «вреде» техники, «технического разума» для человечества восходят ещё к тридцатым годам двадцатого века. Шпенглер, Бердяев, а позднее Ясперс, Хайдеггер и Гелен анализировали место тех-

ники в человеческой цивилизации. Однако если выдающиеся философы исследовали разнонаправленные эффекты технологий индустриального общества, то Брайан Чжень исследует положение дел в период расширенного применения продвинутых симбиотических информационных технологий уже в условиях постиндустриального общества. Современная постиндустриальная эпоха – это время, когда техника уже не только то, что «рядом с нами», но и необходимое «продолжение» естественной телесности. В радикальном продвижении технологии в повседневность это необходимый и соблазнительный высокотехнологичный протез для человека.

Как и прочие массовые инновационные гаджеты, мобильные телефоны сегодня широко распространены и имеют массу приложений, выходящих за пределы основной функции. Межличностная коммуникация это одна из многочисленных опций сотовой телефонии. Одним из важнейших стратегических применений интернетизированной мобильной коммуникации является её маркетинговая пригодность для использования в глобальной медиасфере (Feldmann, 2005). Для расширенного применения глобализированной телефонии создаются многочисленные специализированные программы под специфический контент и локализованные сервисные приложения.

Новый импульс для развития мобильных медиа дали разнообразные социальные сети. Широкая эксплуатация потенциала социальных сетей, их использование в социально-политической деятельности (флешмобы, твиттерные акции, фейсбук-революции и др.) делают мобильную интернетизированную среду мощным международным геополитическим и политэкономическим ресурсом.

Социология сетей: вызовы адхократии

Социальные сети и глобализированная мобилизация создают условия для социокультурного переформатирования общества. Название книги Говарда Рэйнгольда «Интеллектуальные толпы» по меньшей мере двусмысленно. Ведь мы знаем, что толпа ведёт себя инстинктивно, спонтанно, иррационально и никогда не интеллектуально. Рэйнгольд, автор бестселлера «Виртуальное сообщество», имеет в виду не те «физические» толпы, которые возникали до начала информационной и, тем более, мобильной революции, а неиерархически организованную совокупность индивидуумов, которая производит коммуникацию посредством беспроводной связи. Именно эти группы «мобилизованных» граждан, как показывает автор, являются творцами новой, противоречивой высокотехнологичной современной культурной среды.

Такого рода мобильную революцию «по умолчанию» инициировали тинейджеры, для которых мобильный телефон превратился из имиджевого высокотехнологичного гаджета в повседневный инструмент многоуровневой коммуникации. Интернетизированный телефон – это некоторым образом «электронный протез», без наличия которого для подростков возникает угроза утраты гендерной и персональной идентичности (Rheingold, 2002). Повседневное общение, учёба, работа, коммерция, развлечения – побочные эффекты «smart mobs» – становятся значительным фактором и мощной социально-политической силой, что стало очевидным благодаря многочисленным «твиттерным революциям».

Спектр применения ресурсов «smart mobs» широк: от антиглобалистских акций, которые проходили в Сиэтле и Маниле, до оппозиционных движений в Молдове, Иране, Север-

ной Африке и на Ближнем Востоке (Буряк, 2011d: 116-118). Технологии WiFi и мобильный Интернет могут превратить феномен «smart mobs» в ключевой ресурс формирования глобального гражданского общества или же в деструктивную силу для реализации геополитических стратегий отдельных государств. Потенциал «мобилизированной толпы» ещё не раскрыт полностью, а потому является привлекательным объектом для властных манипуляций. Smart mobs - предмет социокультурного, социально-политического и социологического анализа. Для понимания механизмов динамических и организационных принципов современного общества, в котором «интеллектуализированные толпы» играют всё большую роль, Рейнгольд использует неологизм «адхократия».

Термин *adhocracy* произведён от латинского выражения *ad hoc* – то есть ситуация, устроенная для какого-то эксклюзивного случая, для реализации определённой цели (с коннотацией, в тексте Рейнгольда, – «специальная, эпизодическая, чрезвычайная акция»). При этом механизм адхократии «работает» противоположным образом, чем машинерия веберовской бюрократии. Главное различие в том, что в производстве адхократии нет очевидного легитимизированного «босса», «начальника», отсутствует ясное разделение функций акторов и главное – нет строгой (или даже нестрогой) иерархии. Как представляется, адхократия – это некая неустойчивая форма ситуативной упорядоченности толпы в условиях процессуальной спонтанности и методологической анархии. Тут, впрочем, необходимо отметить, что сам автор скептически относится к будущему обществу, в котором доминирует адхократический принцип управления.

Используя объяснительный потенциал социальной теории и теории игр, на примере изучения конsumerистской экономики, Джеймс Суrowецки исследует поведенческие механиз-

мы малых диверсифицированных групп. Эти группы индивидуумов в его терминологии обозначены как crowds (массы, толпа). Название его книги «The Wisdom of Crowds» (2005) (Surowiecki 2005), можно перевести как «Мудрость масс». Здесь возникают смысловые ассоциации с содержанием работы Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» и, одновременно напоминает нам название книги Говарда Рэйнгольда «Smart Mobs» (2003) «Интеллектуализированные толпы». Суrowецки также размышляет о деконструкции понятий «толпа», «масса», «народ» в контексте современного информационного общества.

Прежние представления о социально «низкокалорийных» малых группах с неустойчивыми организационными связями стоит радикально пересмотреть, считает Суrowецки. Как он показывает, нынешние телефонизированные и интернетизированные «толпы» более свободны, более информированы, хорошо технологически оснащены для эффективной постоянной коммуникации (мобильная связь, Интернет). Показано, что как мотивированное целое «мобилизованная толпа» умнее, нежели сумма отдельных интеллектов всех её членов. У этих новых «толп» есть потенциал, который может быть развит. Это прежде всего интенсификация когнитивных способностей, высокая мотивация самоидентификации, эффективная координация посредством синхронизации отдельных действий индивидуумов.

Главным ресурсом «smart mobs» является социальная кооперация, где эгоистические импульсы подавляются самим индивидуумом во имя достижения значимых «общественных целей». Как бы там ни было, но слабое место всякой толпы – это повышенная эмоциональность, иррациональная подоплёка поступков и спонтанность. Согласно автору, этим стихийным группам необходима постоянная «работа над ошибками». Поэтому им нужно культивировать принцип разнообразия

мнений, развивать критическое мышление, повышать уровень персональной автономии, стремиться к децентрализации решений, учиться вырабатывать коллективные идеи. В общем, выдвигается достаточно дискуссионный тезис о создании «коллективного разума» для малых групп.

Здесь напрашивается аналогия с «облачным интеллектом», метафорой, используемой в современном компьютеринге. Эта гипотеза корреляции «smart mobs» и «облачного интеллекта», нуждается в аргументированном доказательстве, а не только в ассоциативных интуициях. Ввиду возрастающей популярности и социально-политической ангажированности пользователей социальных сетей, проблема организации «мобилизованных» граждан является весьма перспективной.

Психология толпы – тема отнюдь не новая. Специфика современных дискуссий в этом направлении заключается в учёте радикально изменившихся способов высокотехнологичной коммуникации и эффективной организации изначально спонтанных действий. Новейшие технологии интернетизированной телефонии, разветвлённые специализированные социальные сети создают новые возможности для ускорения социальных процессов. В условиях восхождения «виртуальных сообществ» возникают различные риски: нарушение конфиденциальности, активная дезинформация, моральные провокации и т. д.

Во второй декаде XXI века фактически все средства мобильной связи оказались равно доступными как для бедных, так и для богатых на глобальной шкале коммуникации. Во всех странах мира имеется устойчивая тенденция интернетизации и мобилизации социальных сетей. Поэтому маркетинговые и политические инструменты управления потоками информации и эффективного использования возможностей мобильной революции становятся стратегическим ресурсом

решения экономических, политических и геополитических проектов.

Глобализация продвигается и широко поддерживается СМИ, считает Лул. Особенно важным является информационный сегмент сотовых телефонов в качестве эффективной медийной среды. Дебаты о глобализации неизбежно упираются в стратегии СМИ, которые связаны с комплексными процессами планетарных трансформаций. Глобализация сопряжена с проблемами политической экономии, энергетикой и разнообразными конфликтами. Джек Лул концентрирует внимание на ловушках глобализации, показывая центральную роль, которую средства массовой информации играют в процессах глобализации на протяжении последних веков (Lule, 2011).

Развитая инфосфера создаёт предпосылки для функционирования политтехнологий нового поколения. Одним из результатов ускорения ноосферизации стали так называемые «сетевые революции» (Буряк, 2011с). Однако же их влияние на техносоциальную эволюцию человеческой цивилизации не стоит преувеличивать. Тем не менее, современными глобализованными информационными ресурсами нельзя пренебрегать, поскольку они существенно трансформируют повседневную коммуникацию.

Выводы

Наиболее значимым технологическим проектом последней трети XX века явилась информационная революция, что стало очевидно с появлением глобальной информационной сети (Интернет). При этом инфосфера оказалась наиболее динамичной составляющей глобализации и в конечном счёте

– ноосферогенеза. Интернет рассматривается многими исследователями как один из наиболее эффективных высокотехнологичных инструментов глобализации. При этом процесс глобализации есть специфический исторически обусловленный этап ноосферогенеза.

Инфосфера значительно ускоряет социально-экономическую эволюцию, поэтому как часть техносферы она должна рассматриваться в контексте развития эволюции ноосферы.

В информационном обществе кардинально меняются все сферы жизни. Главными продуктами производства и потребления оказываются информация и знания. Формируется новый способ производства товаров, услуг, идентичностей на основе использования информационной техники. Важное значение в эволюции инфосферы обретают средства сотовой мобильной связи. Экспоненциальному росту глобальной мобилизации способствует маркетинговая составляющая расширения мобильной телефонии. Сегодня мобильная связь и мобильные технологии во многом определяют эффективность коммуникации во всех сегментах жизнедеятельности индивидуумов.

Конвергенция современных медиасредств позволяет рассматривать мобильную связь как часть многопользовательских инструментов для продвижения идеологических, политических, маркетинговых, социальных и эстетических проектов освоения пространств инфосферы.

Мобильная связь и Интернет радикальным образом преобразовали обыденную жизнь и профессиональную среду обитания миллиардов людей. Интернетизированный мобильный телефон – это «электронный протез», без наличия которого для многих индивидуумов возникает угроза крушения персональной идентичности.

Информационное общество создаёт предпосылки для функционирования политтехнологий нового поколения. Одним из результатов развития инфосферы стали «сетевые революции». Вместе с тем, их влияние на техносоциальную эволюцию человеческой цивилизации не стоит преувеличивать. Это один из элементов ускорения социальных трансформаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ноосферогенез, глобализация и современное информационное общество – актуальные объекты научного исследования, которое направлено на понимание механизмов радикального переформатирования мира в условиях ускоренного расширения ноосферы. Очевидно, что современная наука и высокие технологии не только ускоряют ноосферогенез, но также создают множество рисков для развития человеческой цивилизации. Увеличение технологического и научного потенциала человечества влечёт за собой преобразование биосферы. Основная идея исследования – показать объективный характер ноосферных трансформаций, выделить генезис глобальных изменений и определить значение информационных технологий в современном мире.

Многоуровневые комплексные противоречия современной цивилизации являются серьёзным вызовом для каждого индивидуума, социальных групп, государств и всего человечества. Для понимания основных противоречий современных глобальных трансформаций необходимо рассматривать контрдикторные социокультурные процессы в широком цивилизационном контексте. Продуктивное изучение глобализации как комплексного объекта определяется тремя взаимодополнительными полями: исторической эволюцией ноосферной реальности, планетарными трансформациями и ускоренным формированием информационного общества. Поэтому выделены ключевые темы исследования: ноосферогенез, глобализация и инфосфера.

Определены параметры эволюции ноосферогенеза в последовательности этапов его объективации. Тема экспонирована посредством *Введения*, трёх разделов и *Заключения*. Во Введении представлена общая диспозиция исследования. Последовательно выделены ключевые темы, экспонирована проблематика книги, показана объективная детерминация эволюции ноосферогенеза, описаны объективные основания глобальных трансформаций и динамический потенциал инфосферы.

В разделе «Ноосферогенез как базис технонаучного прогресса» сконструирован эпистемологический каркас, благодаря которому представлен широкий контекст для понимания оснований глобальных трансформаций. Ноосферогенез представлен в виде междисциплинарной эпистемологической матрицы. Во втором разделе «Глобализация: современный этап ноосферогенеза» рассмотрена историография проблематики глобальных исследований, представлены основные методологические подходы. В третьем разделе «Инфосфера – ускорение коммуникативных процессов в глобализованном мире» показано, что информационные потоки становятся ключевыми драйверами глобализации. Высокотехнологичная коммуникация представляется ключевой причиной ускорения планетарных трансформаций и расширения горизонта ноосферогенеза.

В Заключении показана взаимосвязь ноосферных трансформаций, глобализации и планетарной информатизации. В результате обнаруживается, что ноосферогенез, глобализация и планетарная информатизация являются тремя взаимодополнительными частями техно-эволюции человеческой цивилизации.

Космос, биосфера и человеческое общество эволюционируют во времени, поэтому для понимания логики ноосферогенеза широко используется исторический подход. Исходя

из принципа единства мира, нам представляется, что ноосфера, глобальные трансформации и инфосфера – взаимодополнительны.

Релевантный понятийный аппарат позволяет выделить значимые проблемные поля классического учения о ноосфере. Понимание природы ноосферогенеза, детерминации и новых тенденций глобализации, перспектив инфосферы помогает постигнуть значимые цивилизационные «бонусы» и риски.

Научно обоснованные аргументы относительно того, что ноосфера исторически последняя часть биосферы, были представлены выдающимися европейскими учёными в первой половине XX века. Бергсон, Леруа, Шарден и Вернадский не только констатировали факт эволюционного развития природы, но также гениально предвидели ускоренное развитие человеческой цивилизации.

Идея Вернадского о том, что человечество становится новой геологической силой, выразил суть исторически первой концепции ноосферы. Она может быть сформулирована как **Ноосферогенез 1.0**. Трансформация ноосферы в условиях биосферы весьма длительный турбулентный исторический процесс. Для понимания истинного положения дел в ходе ноосферогенеза необходимо обобщить данные космологии, биологической эволюции, нейрофизиологии, антропосоциогенеза, лингвистики, когнитивных наук, истории научно-технического прогресса. Непрерывный процесс энцефализации у организмов животных (опережающий рост мозга относительно массы тела) – результат биологической эволюции. Наибольшие результаты в этом направлении достигнуты гоминидами, и видом *homo sapiens* в особенности. Биологическая фаза энцефализации значительно усиливается научно-технической деятельностью. Отметим, что сугубо биологическая эволюция

мозга человека уже заметно отстаёт от скорости технологических инноваций.

Ноосферная реальность формируется прежде всего благодаря интенсивной работе человеческого головного мозга, посредством коллективных, целенаправленных коммуникативных действий людей и постоянными техническими усовершенствованиями. Наряду с биосферой, сформировавшейся задолго до существования *homo sapiens*, появились: антропосфера, техносфера, семиосфера, инфосфера и ноосфера.

Эволюция космоса, биосферы и социума продолжается. Онтологическим основанием трансформаций биосферы и социума является ноосферогенез. Комплексные процессы планетарной цивилизации не автономны, но определяются эволюцией космоса, биосферы и технонаучными инновациями. Глобальные трансформации (глобализация) представляют собой новейший этап эволюции ноосферы. Проблематика и методологические подходы, использованные для понимания природы глобальных трансформаций, могут быть успешно интегрированы на теоретико-познавательной междисциплинарной платформе ноосферологии.

Глобальные трансформации рассматриваются в широком историческом контексте, поскольку глобализация – это прежде всего эпифеномен ноосферогенеза. Геофизические, геологические, биосферные характеристики Земли, энергетические, сырьевые, климатические и экологические аспекты развития планетарной экспансии человечества в условиях конечных ресурсов существенно влияют на ход глобализации. Развитие технонаучного знания, в связи с процессом конвергенции высоких технологий, позволяет прогнозировать перспективы глобальных исследований. Глобальные трансформации – это комплексный многомерный процесс и они во всех своих измерениях являются эпифеноменом ноосферогенеза.

Планетарные изменения объективно детерминированы биосоциальными и культурно-историческими факторами. Современные глобальные трансформации являются новейшим этапом ноосферогенеза.

Наиболее значимым технологическим проектом последней трети XX века стала информационная революция. Интернет рассматривается как один из наиболее эффективных высокотехнологичных инструментов глобализации. Инфосфера оказалась наиболее динамичной составляющей глобализации и в конечном счёте – ведущим драйвером ноосферогенеза. Однозначно, инфосфера значительно ускоряет социально-экономическую эволюцию, поэтому как часть техносферы должна рассматриваться в контексте развития эволюции ноосферы.

Основным драйвером развития современной цивилизации является глобальное внедрение цифровых технологий. Новейший тренд эффективного взаимодействия человеческого мозга и высокотехнологичных гаджетов открывает этап, который называется **Ноосферогенез 2.0**.

В информационном обществе кардинально меняются все сферы жизни. Главными продуктами производства и потребления оказываются информация и знания. Формируется новый способ производства товаров, услуг, идентичностей на основе использования информационной техники. Важное значение в эволюции инфосферы имеют средства сотовой мобильной связи. Экспоненциальному росту глобальной мобилизации способствует маркетинговая составляющая расширения мобильной телефонии. Сегодня мобильная связь и мобильные технологии во многом определяют эффективность коммуникации во всех сегментах жизнедеятельности индивидуумов.

Современное общество создаёт предпосылки для функционирования политтехнологий нового поколения. Одним из результатов развития инфосферы стали «сетевые революции». Однако, их влияние на техносоциальную эволюцию человеческой цивилизации не стоит преувеличивать. Это один из элементов ускорения социальных трансформаций. Экспоненциальное возрастание технонаучного потенциала инфосферы неизбежно влечёт за собой радикальное преобразование биосферы, ноосферогенеза и человека.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов Г. П. (2010) Вернадский / Г. П. Аксенов.– М.: Молодая гвардия. – 565 с.

Багров Н. В. (2001) Вернадский, ноосферология, геополитика / Н. В. Багров // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – N17 – С. 9-11.

Багров Н. В., Ена В. Г., Лавров В. В. (2004) В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др.; – К. : Лыбидь. – 308 с.

Багров Н. В. (2005) География в информационном мире: научное издание / Н. В. Багров. – К. : Лыбидь. – 181с.

Багров Н. В. (2010) Устойчиво-ноосферное развитие региона. Проблемы. Решения / Н. В. Багров. – Симферополь, Доля. – 208 с.

Багров Н. В., (Ред.). (2013а) Научное наследие В. И. Вернадского и современность / Ред. Н. В. Багров и др., Симферополь: Ариал. – 300 с.

Багров Н. В., (2013b) Концепция ноосферы – основа парадигмы будущей цивилизации: задачи университета // Научное наследие В. И. Вернадского и современность / Ред. Н. В. Багров и др. Симферополь: Ариал. – С. 165-180.

Базалук О. А. (2003) Происхождение человечества: новая космологическая концепция / О. А. Базалук– Дн.: Пороги. – 320 с.

Берестовская Д. С. (2003) Глобализация и культура / Д. С. Берестовская // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – N46 – С. 100-102.

Берестовская Д. С., Синичкин А. В. (2013) Духовный облик В.И.Вернадского: культурологический анализ эпистолярного наследия / Д. С. Берестовская, А. В. Синичкин. –Симферополь: Ариал. 212 с.

Боков В. А. (1999) Устойчивый Крым. План действий / В. А. Боков // Научные труды КИПКС. – К., Симферополь., – 400 с.

Боков В. А. (2000) Устойчивое развитие – стратегия развития Крыма в XXI веке / В. А. Боков (и др.). – Симферополь: АПБЛРК. – 80 с.

Боков В. А. (2009) Парабола ноосферы или пределы роста / В. А. Боков // Географический факультет Таврического национального университета : настоящее и будущее. – Симферополь, Изд. ТНУ, – С. 227-244.

Боков В. А. (2013) Основы ноосферологии: на пути создания учебника/ В. А. Боков // Научное наследие В. И. Вернадского и современность / Ред. Н. В. Багров и др. Симферополь: Ариал. – С. 181-208.

Боков В. А., Буряк В. В. (2013) Ноосферные реалии и утопии/ В. А. Боков, В. В. Буряк // Геополитика и экогеодинамика регионов, Том 9. – Вып. – 2, Симферополь, 2013. – С. 18-28.

Буряк В. В. (2005) Культурные противоречия глобализации / В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Социология – Симферополь. Изд. ТНУ, 2005. – Том18(57). №1(2005). – С. 39-47.

Буряк В. В. (2006а) Образование в информационном обществе // В. В. Буряк // Філософія освіти. Киев, (2006) - № 1. – С. 89 - 100.

Буряк В. В. (2006b) Стратегии культур в информационном обществе // В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ. Серия: Философия. Социология – Симферополь, 2006. – Том 19(58). – №1. – С. 137 – 144.

Буряк В. В. (2006с) Историческая трансформация учения о ноосфере: эпистемологический аспект // В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Социология. – Симферополь: Изд. ТНУ, 2006. – Том 19 (58). №2. – С. 30 – 41.

Буряк В. В. (2006d) Перспективы религии в информационном обществе / В. В. Буряк // Учёные записки ТНУ. Серия: Политические науки. – Симферополь. – Том 19(58). №1. – С. 92-99.

Буряк В. В. (2006е) Актуальные проблемы философии: методологические основания экономического знания, постиндустриального общества, глобализации. Учебное пособие / В. В. Буряк.– Симферополь: Симгортп, – 156 с.

Буряк В. В. (2007) Методологические подходы к построению концептуального каркаса ноосферологии // В. В. Буряк // Культура народов Причерноморья – Симферополь, 2007, №112. – С.101 – 106.

Буряк В. В. (2008а) Культурное измерение глобализации // В. В. Буряк // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна– 2008, № 829 – С. 3- 11.

Буряк В. В. (2008b) Ноосферология: методологические принципы междисциплинарного дискурса // В. В. Буряк // Ноосферология: наука, образование, практика Под ред. О. А. Габриеляна. – Симферополь: Феникс, 2008. – С. 109-156.

Буряк В. В. (2009a) Культура в глобальном пространстве: скорость и мобильность // Буряк В. В. // Уч. зап. ТНУ имени В.И. Вернадского, – 2009, Т. 22 (61). №3. – С. 23-32.

Буряк В. В. (2009b) Античная философия. Учебник. / В. В. Буряк. – Симферополь, Изд. «ДИАЙПИ», 2009. – 256 с.

Буряк В. В. (2010a) Глобализация как объект междисциплинарных исследований: основные подходы // В. В. Буряк // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология», 2010. Том 23 (62). № 4 – С. 3-10.

Буряк В. В. (2010b) Глобализация и конфликт идеологий // В.В. Буряк // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Философия.Культурология. Политология. Социология», 2010. Том 23 (62). №3 – С. 3-9).

Буряк В. В. (2010c) Методологические стратегии исследования глобальных трансформаций // В. В. Буряк // «Культура народов Причерноморья». – Симф. – (2010).- №183 Т. 2. - С. 211-213.

Буряк В. В. (2010d) Глобализация как продолжение генезиса ноосферы // В.В. Буряк // «Культура народов Причерноморья». – Симф. – (2010).- № 189. – С. 9 – 12.

Буряк В. В. (2010e) Основы вчення про ноосферу. Навчальний посібник./ В. В. Буряк. – Симферополь, Вид. «ДИАЙПИ», – 126 с.

Буряк В. В. (2011a) Макдональдизация как модель культурной гомогенизации // В. В Буряк., // «Культура народов Причерноморья». – Симф. – (2011). – № 206. – С. 75 – 77.

Буряк В. В. (2011b) Глобальна мобілізація та соціальні медіа // В. В Буряк., // Наукові записки КУТЕП (Київського університету туризму, економіки і права). – Київ, Вип. 11, – 2011. Серія: «Філософські науки». С. 56 – 65.

Буряк В. В., Кравченко И. В. (2011c) Социальные сети как объект социально-философского анализа // В. В Буряк., И. В. Кравченко // «Культура народов Причерноморья». – Симф. – (2011).- № 207. – С. 73-75.

Буряк В. В. (2011d) Глобальное гражданское общество и сетевые революции: монография / В. В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 152 с.

Буряк В. В. (2011e) Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В. В. Буряк. – Симферополь : ДИАЙПИ, 2011. – 462 с.

Буряк В. В. (2012a) Гражданское общество в эпоху глобальных трансформаций // В. В. Буряк // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология», 2012. Том 24 (65). №3 – С. 36-46).

Буряк В. В. (2012b) Проект SETI: исследователи в поисках внеземных цивилизаций (Часть I, Глава 7) // В. В. Буряк // Космические путешествия: коллективная монография / Под ред. О.А. Базалука – Харьков.: МФКО, ФЛП Коваленко А.В., – 2012. – Т.2. – 240 с. – С.121-132 .

Буряк В. В. (2012c) Проекты колонизации космоса: проблемы и перспективы (Часть I, Глава 9) // В. В. Буряк // Космические путешествия: коллективная монография / Под ред. О.А. Базалука – Харьков.: МФКО, ФЛП Коваленко А.В., – 2012. – Т.2. – 240 с. – С. 152-162.

Буряк В. В. (2012d) Формирование современного мировоззрения и актуальность ноосферного мышления // В. В. Буряк // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / Под ред. О. А. Базалука – К.: Издательский дом «Скиф», Т. 2., 2012. – С. 106-114.

Буряк В. В., Махин С. А. (2012e) Космические путешествия: антропологические, психологические и медикобиологические аспекты (Часть I, Глава 6) // В. В. Буряк, С. А. Махин // Космические путешествия: коллективная монография / Под ред. О.А. Базалука – Харьков.: МФКО, ФЛП Коваленко А.В., – Т.2. – 240 с. – С.104-120.

Буряк В. В. (2013a) Глобализация как современный этап эволюции ноосферы // В. В. Буряк // Вісник СевНТУ. Вып.141: Философия: сб. науч. тр., Севастополь, 2013, – С. 21-24.

Буряк В. В. (2013b) Ноосферогенез, глобальные трансформации и проблематизация междисциплинарных исследований // Научное наследие В. И. Вернадского и современность, коллект., монограф., редкол., Н. В. Багров и др. Симферополь, Изд. «Ариал», 2013, – С. 249-270.

Буряк В. В., Зубарев А. П. (2014) Глобальная педагогика: реалии и перспективы // Вестник Севастопольского экономико-гуманитарного института ТНУ имени В. И. Вернадского, Севастополь, 2014. Вып. № 3. - С. 165-169.

Вернадский В. И. (1989) Несколько слов о ноосфере/ В. И. Вернадский // Импакт: Наука и общество. – 1989. – N 3. – С. 69-76.

Вернадский В. И. (1991) Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М.: Мысль., – 271 с.

Вернадский В. И. (2001) Биосфера: Мысли и наброски: Сб. науч. работ / В. И. Вернадский // Неправительств. экол. фонд им. В. И. Вернадского, Гос. геол. музей им. В.И. Вернадского. – М., – 244 с.

Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д. (2011) Путиями русского космизма. Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной / Б. М. Владимирский, Л. Д. Кисловский. – М.: Либроком., – 144 с.

Габриелян О. А. (Ред.). (2008a) Ноосферология : наука, образование, практика: сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс». – 464 с.

Габриелян О. А. (2008b) Ноосферная концепция философии истории / О. А. Габриелян. – Ноосферология : наука, образование, практика: сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс».. – С. 83-108

Кант, И. (1966a) К вечному миру // Иммануил Кант Сочинения в 6 томах. М.:Мысль, – Т. 6. – С.257-309.

Кант, И. (1966b) Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Иммануил Кант Сочинения в 6 томах. М.: Мысль., – Т. 6. – С.5-23.

Кравченко И. В., Буряк В. В. (2014) Социальные сети как значимый сегмент ноосферогенеза // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Научный журнал. Серия "Философия. Культурология. Политология. Социология". – Симферополь, Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – 2014 – Том 27 (66). – № 1-2. – С. 217–223.

Лазарев Ф. В. (2004) Научное наследие В.И. Вернадского в контексте XXI века / Ф.В. Лазарев // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т. 17(56) № 1– С. 80 – 95.

Лазарев, Ф. В. (2008) Современная цивилизация: ноосферно-антропологический проект / Ф. В. Лазарев // Человек и современная цивилизация (Сб., ст. под ред. Ф. В. Лазарева). – Симферополь: Доля, 2008. – С. 11 – 42.

Назаров А.Г. (2000) К истории возникновения понятия и термина «ноосфера» / А. Г. Назаров // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция,. – М.: ИИЕТ РАН. – С. 228-229.

Наумов Г. Б. (2002) О понятии «ноосфера» / Г. Б. Наумов // Наукоеведение – М.: Наука, 2002. – №3(15). – С. 86 – 96.

Платон. (1994) Государство. Законы. Политик / Платон – М.: Мысль. – 798 с.

ФЭС (Философский энциклопедический словарь). (1989)– М.: Сов. Энциклопедия. — 840 с.

Цветков А. П. (2008) Ноосферология: ключевые понятия / А. П. Цветков – Ноосферология : наука, образование, практика : сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс»,. – С.157-168

Черванев И. Г., Боков В. А. (2004) Введение в инвайронментальную энергетику. Энергетика для устойчивого развития : учеб. пособие / И. Г. Черванев, В. А. Боков. – Харьков – Симферополь, Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского,. – 128 с.

Широков В. А. (2008) Ноосферные измерения информации и знания / В. А. Широков // Ноосферология : наука, образование, практика : сб. науч. тр. – Симферополь, Изд. «Предприятие «Феникс»,. – С. 229-247.

Шоркин А. Д. (2004) Фундаментальные проблемы научно-технической цивилизации ноосферы / А. Д. Шоркин // Учёные записки ТНУ. Спец. выпуск посвящённый 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – Т. 17(56) №1 – С. 96 – 114.

Шоркин А. Д. (2008) Человек и техника в парадигме ноосферы // А. Д. Шоркин // Ноосферология: наука, образование, практика (Под ред. О. А. Габриеляна). – Симферополь: Феникс. – С.248-274 .

Шоркин А. Д., (2013) Параметры состояний ноосферы / А. Д. Шоркин // / Н. В. Багров (Ред. и др.). Симферополь: Ариал. Научное наследие В. И. Вернадского и современность, коллект., монограф., редкол., Н. В. Багров и др. Симферополь, Изд. «Ариал». – С. 271-284.

***

Abbate, J. (2000) *Inventing the Internet (Inside Technology)* / Janet Abbate. – Cambridge, MA: The MIT Press. – 272 p.

Adorno, Theodor W. (2013) *Aesthetic Theory* / Theodor W. Adorno. – London, A&C Black, – 416 p.

Agar, Jon (2013) *Constant Touch: A Global History of the Mobile Phone* / Jon Agar. – Cambridge, United Kingdom, Icon Books Ltd., – 288 p.

Appadurai, Arjun. (1996) *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization (Public Worlds)* / Arjun Appadurai. – Publisher: Univ Of Minnesota Press, – 248 p.

Appadurai, Arjun. (2000) *Public Culture: Globalization* / Arjun Appadurai. – Durham, NJ. Duke University Press Books. – 312 p.

Appadurai, Arjun (2013) *The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition* / Arjun Appadurai. – London, Brooklyn, New York; Verso Books. – 328 p.

Appelbaum, Richard P. (Ed.); Robinson, William I. (Ed.) (2005) *Critical Globalization Studies/* Richard P. Appelbaum, W. Robinson, – London: Routledge. – 528 p.

Auletta, K. (2010) *Googled: The End of the World As We Know It* / Ken Auletta. – NY.: Penguin (Non-Classics), – 432 p.

Baase, S. (2008) *A Gift of Fire: Social, Legal, and Ethical Issues for Computing and the Internet* / Sara Baase. – Upper Saddle River, New Jersey. Prentice Hall. – 528 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). (2003) *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / editor : William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer. – 510 p.

Bainbridge, W. S. (ed.). (2006) *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society* / editor: William Sims Bainbridge. – Dordrecht.: Springer. – 396 p.

Bainbridge, W. S. (2007) *Nanoconvergence: The Unity of Nanoscience, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science* / William Sims Bainbridge. – Upper Saddle River, New Jersey. Prentice Hall. – 272 p.

Barabasi, A.-L. (2003) *Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means* / Albert-Laszlo Barabasi. – NY. : Plume. – 304 p.

Barfield, Claude E. Heiduk, Günter, S., Welfens, Paul J.J. (eds.) (2003) *Internet, Economic Growth and Globalization: Perspectives on the New Economy in Europe, Japan and the USA* / Claude E. Barfield, Günter, S. Heiduk, Paul J.J. Welfens, (eds.). – Berlin, Heidelberg, NY, Springer Science & Business Media. – 388 p.

Barksdale, Susan; Lund, Teri (2006) *10 Steps to Successful Strategic Planning* / Susan Barksdale, Teri Lund. – Alexandria, VA. United States: ASTD; – 248 p.

Barney, D. (2004) *The Network Society (PKC - Polity Key Concepts series)* / Darin Barney. – Oxford: Polity. – 216 p.

Bartelson, J. (2000) *Three Concepts of Globalization* / Jens Bartelson. - International Sociology, Vol. 15(2). – London, Thousand Oaks, CA and New Delhi, SAGE. – P. 180–196.

Battelle, J. (2006) *The Search: How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture* / John Battelle. – NY: Portfolio Trade. – 336 p.

Bauerlein, M. (2009) *The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future(Or, Don't Trust Anyone Under 30)* / Mark Bauerlein. – NY: Tarcher. – 272 p.

Bauman, Z. (1998) *Globalization. The Human Consequences* / Zygmunt Bauman. – Cambridge: Polity Press. –136 p.

Baylis, John., Smith, Steve., Owens, Patricia (2014) *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / John, Baylis; Steve, Smith; Patricia, Owens, NY, USA: Oxford University Press. – 648 p.

Bayly, C. A. (2003) *The Birth of the Modern World: 1780-1914 (Blackwell History of the World)* / C. A. Bayly. – Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 568 p.

Baym, N. (2010) *Personal Connections in the Digital Age (Digital Media and Society)* / Nancy Baym. – Cambridge: Polity. – 196 p.

Bell, D. (1976) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* / Daniel Bell. – NY.: Basic Books. – 616 p.

Bentley, J., Ziegler, H., Salter, H. S. (2006) *Traditions & Encounters: A Brief Global History* / Jerry Bentley, Herbert Ziegler, Heather Streets

Salter. – Columbus, OH. McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages. – 752 p.

Bentley, J., Ziegler, H. (2010) *Traditions & Encounters: A Global Perspective on the Past* / Jerry Bentley, Herbert Ziegler. – Columbus, OH: McGraw-Hill, Humanities/Social Sciences/Languages. – 1024 p.

Berners-Lee, T. (2000) *Weaving the Web: The Original Design and Ultimate Destiny of the World Wide Web* / Tim Berners-Lee. – NY.: Harper Paperbacks. – 256 p.

Blumauer, A. and Pellegrini, T. (eds.). (2008) *Social Semantic Web: Web 2.0 - Was nun?* / editors: Andreas Blumauer and Tassilo Pellegrini. – Berlin: Springer. – 509 p.

Böhme, G. and Stehr, N. (eds.). (1986) *The Knowledge Society: The Growing Impact of Scientific Knowledge on Social Relations (Sociology of the Sciences Yearbook)* / editors : Gernot Böhme and Nico Stehr. – Berlin: Springer. – 224 p.

Bordo, M. D., Taylor, A. M., Williamson, J. G. (eds.). (2005) *Globalization in Historical Perspective (National Bureau of Economic Research Conference Report)* / editors: Michael D. Bordo, Alan M. Taylor, Jeffrey G. Williamson. – Chicago.: University Of Chicago Press. – 597 p.

Bouwman, H. (2005) *Information and Communication Technology in Organizations : Adoption, Implementation, Use and Effects* / Harry Bouwman, Bart van den Hooff, Lidwien van de Wijngaert, Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd. – 240 p.

Brahm, Laurence J. (2009) *The Anti-Globalization Breakfast Club: Manifesto for a Peaceful Revolution* / Laurence J. Brahm. – Hoboken, New Jersey: Wiley. – 256 p.

Braudel, F. (1992a) *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century, Vol. I: The Structure of Everyday Life* / Fernand Braudel. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press. – 623 p.

Braudel, F. (1992b) *The Wheels of Commerce (Civilization and Capitalism: 15Th-18th Century -Volume 2)* / Fernand Braudel. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press. – 670 p.

Braudel, F. (1992c) *The Perspective of the World: Civilization and Capitalism 15Th-18th Century, Vol. 3* / Fernand Braudel. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press. – 699 p.

Braudel, F. (1995) *A History of Civilizations* / Fernand Braudel. – Middlesex: Penguin. – 640 p.

Brousseau, E. and Curien, N. (eds.). (2007) *Internet and Digital Economics: Principles, Methods and Applications* / editors: Eric Brousseau and Nicolas Curien. – Cambridge.: Cambridge University Press. – 822 p.

Bruner, Jon (2013). *Industrial Internet* / Jon Bruner. – Sebastopol, California: O'Reilly Media. – 54 p.

Bryant, R. C. (2003) *Turbulent Waters: Cross-Border Finance and International Governance* / Ralph C. Bryant. – Washington.: Brookings Inst Pr. – 501 p.

Brynjolfsson, Erik. McAfee, Andrew (2014) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies* / Erik Brynjolfsson, Andrew McAfee. – N.Y.: W. W. Norton & Company; – 320 p.

Cagnoni, Stefano., Lutton, Evelyne., Olague, Gustavo (2007) *Genetic and Evolutionary Computation for Image Processing and Analysis* / Stefano Cagnoni, Evelyne Lutton, Gustavo Olague. – Cairo: Hindawi Publishing Corporation, – 466 p.

Carr, N. (2009) *The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google* / Nicholas Carr. – NY.: W. W. Norton & Company. – 304 p.

Carr, N. (2011) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains* / Nicholas Carr. – NY.: W. W. Norton & Company. – 280 p.

Carr-Chellman, A. A. (ed.). (2004) *Global Perspectives on E-Learning: Rhetoric and Reality* / editor :Alison A. Carr-Chellman. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc. – 288 p.

Castells, M. (1991) *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process* / Manuel Castells. – Oxford: Wiley-Blackwell. – 402 p.

Castells, Manuel (1996) *The Rise of the Network Society (The Information Age: Economy, Society and Culture, Volume 1)*. Malden, MA: Blackwell Publishers, Inc. – 556 p,

Castells, M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture (The Rise of the Network Society; Vol. 1.)* / Manuel Castells. – Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 594 p.

Castells, M. (2003) *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society (Clarendon Lectures in Management Studies)* / Manuel Castells. – Oxford: Oxford University Press. – 304 p.

Castells, M. (Ed.). (2004) *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective* / editor: Manuel Castells. – Northampton, Massachusetts: Edward Elgar Publishing. – 464 p.

Castells, M. (2009) *Communication Power* / Manuel Castells. – Oxford: Oxford University Press. – 608 p.

Chase-Dunn, C. (1998) *Global Formation: Structures of the World-economy* / Christopher Chase-Dunn. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield. – 423 p.

Chase-Dunn, C., Babones, S. J. (eds.). (2006) *Global Social Change: Historical and Comparative Perspectives* / editors: Christopher Chase-Dunn, Salvatore J. Babones. – Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press. – 384 p.

Chen, B. X. (2011) *Always On: How the iPhone Unlocked the Anything-Anytime-Anywhere Future – and Locked Us In* / Brian X. Chen. – Cambridge, MA: Da Capo Press. – 256 p.

Chirico, Joann (2013) *Globalization: Prospects and Problems* / Joann Chirico. – Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc. – 552 p.

Christakis, N. A., Fowler, J. H. (2011) *Connected : The Surprising Power of Our Social Networks and How They Shape Our Lives – How Your Friends' Friends' Friends Affect Everything You Feel, Think, and Do* / Nicholas A. Christakis, James H. Fowler. – NY.: Back Bay Books. – 368 p.

Comm, J. Robbins, A. (2010) *Twitter Power 2.0: How to Dominate Your Market One Tweet at a Time* / Joel Comm, Anthony Robbins. – Indianapolis, Indiana. Wiley. – 268 p.

Compaine, B. M., Gomery, D. (2000) *Who Owns the Media? Competition and Concentration in the Mass Media Industry* (Routledge Communication Series) / Benjamin M. Compaine, Douglas Gomery. – NY.: Routledge. – 632 p.

Compaine, B. M. (2001) *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* (MIT Press Sourcebooks) / Benjamin M. Compaine. – Cambridge, Massachusetts. The MIT Press. – 340 p.

Cowen, N. (2001) *Global History: A Short Overview* / Noel Cowen. – Malden Massachusetts. Polity. – 224 p.

Crossley, P. K. (2008) *What is Global History?* / Pamela Kyle Crossley. – Malden, Massachusetts. Polity. – 152 p.

Cunningham, Carolyn (2013) *Social Networking and Impression Management: Self-presentation in the Digital Age* / Carolyn Cunningham. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, – 325 p.

Curran, Giorel (2007) *21st Century Dissent: Anarchism, Anti-Globalization and Environmentalism (International Political Economy)* / Giorel Curran. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 255 p.

Darwin, John (2009) *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400-2000* / John Darwin. – London : Bloomsbury Press. – 592 p.

Darwin, John (2013) *Unfinished Empire: The Global Expansion of Britain* / John Darwin. – NY: Bloomsbury Press; – 496 p.

Deibert, R. J., Palfrey, J. G., (2010) Rohozinski, R., Zittrain, J. *Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace* / editors: Ronald J. Deibert, John G. Palfrey, Rafal Rohozinski, Jonathan Zittrain. – Cambridge, MA : The MIT Press. – 656 p.

DeNardis, Laura (2014) *Protocol Politics: The Globalization of Internet Governance (Information Revolution and Global Politics)* / Laura DeNardis. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 288 p.

Denemark, Robert. A (Ed.), Friedman, Jonathan (Ed.), Gills, Barry K. (Ed.), Modelski, George (2000). *World System History: The Social Science of Long-Term Change* / Robert A. Denemark, Jonathan Friedman, Barry K. Gills, George Modelski (eds.). –N.Y.: Routledge. – 368 p.

Deth, J. W. van and Scarbrough, E. (eds). (1998) *The Impact of Values (Beliefs in Government)* / editors: Jan W. van Deth and Elinor Scarbrough. – NY.: Oxford University Press, USA. – 608 p.

Diamond, J. (2011) *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed* / Jared Diamond. – L.: Penguin (Non-Classics). – 608 p.

Duch, R. M., Taylor, M. A. (1993) *Postmaterialism and the Economic Condition* / Raymond M. Duch, Michael A. Taylor. – Published by: Midwest Political Science Association: *American Journal of Political Science*, Vol. 37, No. 3, Aug. 1993. – pp. 747-779. Режим доступа: Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/2111573>

Easley, D., Kleinberg, J. (2010) *Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World* / David Easley, Jon Kleinberg. – Cambridge: Cambridge University Press. – 744 p.

Eriksen, T. H. (2007) *Globalization: The Key Concepts* / Thomas Hylland Eriksen. – NY.: Berg Publishers. – 192 p.

Ervin J., Smith Z. A. (2008) *Globalization: A Reference Handbook (Contemporary World Issues)* / Justin Ervin, Zachary A. Smith. – Oxford: ABC-CLIO. – 293 p.

Evans, D. (2008) *Social Media Marketing: An Hour a Day* / Dave Evans. – Indianapolis, Indiana. Sybex. – 409 p.

Feldmann, V. (2005) *Leveraging Mobile Media: Cross-Media Strategy and Innovation Policy for Mobile Media Communication (Information Age Economy)* / Valerie Feldmann. – Berlin, NY.: Physica-Verlag HD. – 281 p.

Ferguson, James (2006) *Global Shadows: Africa in the Neoliberal World Order* / James Ferguson. – Durham, North Carolina: Duke University Press Books. – 262 p.

Fountain, J. E. (2001) *Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change* / Jane E. Fountain. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press. – 256 p.

Fowler, Andrew (2011). *The Most Dangerous Man In The World: The Inside Story On Julian Assange And WikiLeaks* / Andrew Fowler. – Melbourne Univ. Publishing. – 304 p.

Frank, Andre Gunder, Bergesen, Albert, Chase-Dunn, Christopher, Modelski, George, (1983). *Contending Approaches to World System Analysis* / Andre Gunder Frank, Albert Bergesen, Christopher Chase-Dunn, George Modelski. –Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc; – 308 p.

Friedman, T. L. (2000) *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization* / Thomas L. Friedman. – NY.: Anchor. – 490 p.

Friedman, T. L. (2007) *The World Is Flat 3.0: A Brief History of the Twenty-first Century* / Thomas L. Friedman. – NY.: Picador. – 660 p.

Fuchs, Philippe., Moreau, Guillaume., Guitton, Pascal (2011). *Virtual Reality: Concepts and Technologies*/ Philippe Fuchs, Guillaume Moreau, Pascal Guitton . – Boca Raton, Florida: CRC Press. – 432 p.

Gerbaudo, Paolo (2012) *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism* / Paolo Gerbaudo. – NY: Pluto Press. – 216 p.

Ghonim, Wael (2012) *Revolution 2.0: The Power of the People is Greater Than the People in Power: a Memoir* / Wael Ghonim. – NY: Houghton Mifflin Harcourt. – 320 p.

Gills, B., Thompson, W. R. (eds). (2006) *Globalization and Global History (Rethinking Globalizations)* / editors : Barry Gills, William R. Thompson. – NY.: Routledge. – 320 p.

Giovannetti, E., Kagami, M. and Tsuji, M. (eds). (2003) *The Internet Revolution: A Global Perspective (Department of Applied Economics Occasional Papers)* / editors: Emanuele Giovannetti, Mitsuhiro Kagami and Masatsugu Tsuji. – NY.: Cambridge University Press. – 292 p.

Girard, B. (2009) *The Google Way: How One Company Is Revolutionizing Management as We Know It* / Bernard Girard. – San Francisco, California.: No Starch Press. – 256 p.

Gleick, James (2011). *The Information: A History, A Theory, A Flood* / James Gleick. – New York: Vintage. – 544 p.

Goggin, G. (2006) *Cell Phone Culture: Mobile Technology in Everyday Life* / Gerard Goggin. – L., NY.: Routledge. – 240 p.

Goyal, S. (2009) *Connections: An Introduction to the Economics of Networks* / Sanjeev Goyal. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press. – 304 p.

Graham, I. (2002) *Internet Revolution (Science at the Edge)* / Ian Graham. – Portsmouth, NH.: Heinemann Library. – 64 p.

Greenberg, Andy (2012) *This Machine Kills Secrets: Julian Assange, the Cypherpunks, and Their Fight to Empower Whistleblowers* / Andy Greenberg. – City of Westminster, London: Penguin. – 400 p.

Greenspan, A. (2007) *The Age of Turbulence: Adventures in a New World* / Alan Greenspan. – London: Penguin Press HC. – 544 p.

Greer, John Michael (2009) *The Ecotechnic Future: Envisioning a Post-Peak World* / John Michael Greer. – Gabriola Island, Canada: New Society Publishers. – 288 p.

Greer, John Michael (2013). *Not the Future We Ordered: Peak Oil, Psychology, and the Myth of Progress* / John Michael Greer. – London: Karnac Books. – 160 p.

Guillen Mauro F. (2003) *The Limits of Convergence: Globalization and Organizational Change in Argentina, South Korea, and Spain* / Mauro F. Guillen. – Princeton, N. J: Princeton University Press. – 304 p.

Hafner, K. (1998) *Where Wizards Stay Up Late: The Origins Of The Internet* / Katie Hafner. – NY.: Simon & Schuster. – 304 p.

Harding, Luke (2014) *The Snowden Files: The Inside Story of the World's Most Wanted Man* / Luke Harding. – Bloomsbury House, London: Guardian Faber Publishing. – 352 p.

Heinberg, R. (2010a) *Peak Everything: Waking Up to the Century of Declines* / Richard Heinberg. – Gabriola Island, BC, Canada: New Society Publishers. – 240 p.

Heinberg, R., Lerch, D. (eds.). (2010b) *The Post Carbon Reader: Managing the 21st Century's Sustainability Crises* / editors: Richard Heinberg, Daniel Lerch. – Berkeley, CA: University of California Press. – 552 p.

Heitzman, J. (2004) *Network City: Planning the Information Society in Bangalore* / James Heitzman. – Oxford: Oxford University Press. – 372 p.

Heywood, A. (2011) *Global Politics* (Palgrave Foundations) / Andrew Heywood. – London, NY. Palgrave Macmillan. – 448 p.

Hillis, Ken., Petit, Michael., Jarrett, Kylie (2013). *Google and the Culture of Search* / Ken Hillis, Michael Petit, Kylie Jarrett. – London: Routledge. – 240 p.

Hillstrom, K. (2005) *The Internet Revolution (Defining Moments)* / Kevin Hillstrom. – Detroit, MI: Omnigraphics Inc. – 203 p.

Hoge, J. F. Huntington, S. P. (2010) *The Clash of Civilizations? The Debate* / James F Hoge, Samuel P Huntington. – Tampa, FL.: Foreign Affairs. –134 p.

Hopkins, A. G. (Ed.). (2002) *Globalization in World History* / editor: A. G. Hopkins. – London: Pimlico. – 352 p.

Howard, P. E. N. and Jones, S. (eds). (2004) *Society Online: The Internet in Context* /editors: Philip E. N. Howard and Steve Jones. – Thousand Oaks, California. Sage Publications, Inc. – 384 p.

Hunter, Nick (2012) *Social Networking: Big Business on Your Computer*/ Nick Hunter. – NY, The Rosen Publishing Group. – 48 p.

Huntington, S. P. (1993) *The Clash of Civilizations?* / Samuel P Huntington. // *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3, Summer, 1993. – pp. 22-49.

Huntington, S. P. (1998) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* / Samuel P. Huntington. – NY.: Simon & Schuster. – 368 p.

Jackson, M. O. (2010) *Social and Economic Networks* / Matthew O. Jackson. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press. – 520 p.

James, Mr. P. W. (2006) *Globalism, Nationalism, Tribalism* / Mr. Paul W. James. – London: Sage Publications Ltd. – 392 p.

James, Mr. P. W. (ed.). (2009) *Globalization and Culture (Central Currents in Globalization)* (v. 1) / editor : Mr. Paul W. James. – London.: Sage Publications Ltd. – 1720 p.

Jarboe, G. (2009) *YouTube and Video Marketing: An Hour a Day* / Greg Jarboe. – Indianapolis, Indiana: Sybex. – 504 p.

Jenkins, H. (2008a) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide* / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press. – 336 p.

Jenkins, H. (2008b). *Fans, Bloggers, and Gamers: Media Consumers in a Digital Age* / Henry Jenkins. – NY.: NYU Press. – 304 p.

Jones, A. (2010) *Globalization : Key Thinkers* / Andrew Jones. – Malden, Massachusetts : Polity. – 224 p.

Inglehart, Ronald, Welzel, C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* / Ronald Inglehart, Christian Welzel. – NY.: Cambridge University Press., – 344 p.

Inglehart, Ronald (2008) *Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006* / Ronald Inglehart. – *West European Politics*, Vol. 31, Nos. 1-2, – L.: Routledge, January–March 2008, – pp.130 – 146.

Ingram, Thomas N., LaForge, Raymond W., Avila, Ramon A. (2012). *Sales Management: Analysis and Decision Making* / Thomas N. Ingram, Raymond W. LaForge, Ramon A. Avila. – Armonk, New York: M.E.Sharpe. – 424 p.

Iniewski, K. (ed.). (2010) *Convergence of Mobile and Stationary Next-Generation Networks* / editor: Krzysztof Iniewski. – Hoboken, NJ. Wiley. – 790 p.

Kaarbo, J., Ray, J. (2010) *Global Politics* / Juliet Kaarbo, James Ray. – Florence, Kentucky: Wadsworth Publishing. – 608 p.

Kalb, Don (Ed.), Pansters, Wil (Ed.), Siebers, Hans (Ed.) (2004) *Globalization and Development: Themes and Concepts in Current Research*. – NY: Springer. – 204 p.

Kardulias, Nick P. (Ed.), Alexander, Rani T., Feinman, Gary M., Modelski, George (1998). *World-Systems Theory in Practice: Leadership, Production, and Exchange* / Nick P. Kardulias, (Ed.), Rani T. Alexander, Gary M. Feinman, George Modelski. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers. – 352 p.

Kilduff, M., Wenpin Tsai. (2003) *Social Networks and Organizations* / Martin Kilduff, Wenpin Tsai. – London: Sage. – 172 p.

Kizza, J. M. (2010) *Ethical and Social Issues in the Information Age (Texts in Computer Science)* / Joseph Migga Kizza. – Dordrecht: Springer. – 335 p.

Klemens, Guy (2010) *The Cellphone: The History and Technology of the Gadget That Changed the World* / Guy Klemens. – Jefferson, North Carolina: McFarland. – 222 p.

Kluser, J. Kluser, C. (2008) *Evolution, modernization, and globalization: A theoretical and mathematical model* / Jurgen Kluser, Christina Kluser // *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations)* / Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). – NY.: Routledge. – P. 400 – 414.

Knight, W. A. Keating, T. (2010) *Global Politics* / W. Andy Knight, Tom Keating. – Oxford: Oxford University Press. – 448 p.

Kogut, B. (ed.). (2004) *The Global Internet Economy* / editor: Bruce Kogut – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 536 p.

Koops, Bert Jaap (2013) *Engineering the Human: Human Enhancement between Fiction and Fascination* / Bert Jaap Koops. – N.Y.: Springer. – 180 p.

Kurzweil, Raymond (2005) *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology* / Raymond Kurzweil. – N.Y.: Viking Adult. – 652 p.

Lechner Frank J., Boli J. (eds.). (2007) *The Globalization Reader* / editors: Frank J. Lechner, John Boli. – Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 520 p.

Lechner Frank J. (2009) *Globalization: The Making of World Society* / Frank J. Lechner. – Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 336 p.

Levinson, Paul (2004) *Cellphone: The Story of the World's Most Mobile Medium and How It Has Transformed Everything!* / Paul Levinson. – Basingstoke: Palgrave Macmillan Trade. – 240 p.

Levy, Steven (2010) *Hackers: Heroes of the Computer Revolution - 25th Anniversary Edition* / Steven Levy. – Sebastopol, California: O'Reilly Media. – 520 p.

Levy, Steven. (2011) *In The Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives* / Steven Levy. – New York. Simon & Schuster. – 432 p.

Ling, R. (2004) *The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society (Interactive Technologies)* / Rich Ling. – San Francisco, CA: Morgan Kaufmann. – 244 p.

Loader, B. D. (ed.). (1998) *Cyberspace Divide: Equality, Agency and Policy in the Information Society* / editor: Brian D. Loader. – NY.: Routledge. – 288 p.

Loewenstein, Antony (2008) *The Blogging Revolution* / Antony Loewenstein. – Melbourne: Melbourne University Publishing. – 336 p.

Lule, Jack (2011) *Globalization and Media: Global Village of Babel* (Series: Globalization) / Jack Lule. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers. – 188 p.

MacGillivray, A. A. (2006) *Brief History of Globalization: The Untold Story of our Incredible Shrinking Planet* / Alex MacGillivray. – NY.: Running Press. – 320 p.

Martenson, C. (2011) *The Crash Course: The Unsustainable Future Of Our Economy, Energy, and Environment* / Chris Martenson. – Hoboken, NJ: Wiley. – 317 p.

Mazlish, B., Buultjens, R. (1993) *Conceptualizing Global History* / Bruce Mazlish, Ralph Buultjens. – Boulder, CO: Westview Press. – 253 p.

Mazlish, B. (2006) *The New Global History* / Bruce Mazlish. – NY.: Routledge. – 144 p.

McGinn, R. E. (1990) *Science, Technology and Society* / Robert E. McGinn. – Upper Saddle River, New Jersey: Pearson. – 304 p.

McGrew A., Held D. (2007) *Globalization Theory: Approaches and Controversies* / Anthony McGrew, David Held. – Malden, MA: Polity. – 288 p.

McQueen, Rod (2010) *BlackBerry: The Inside Story of Research in Motion* / Rod McQueen. – Toronto: Key Porter Books. – 320 p.

Mehan, Julie E. (2008) *CyberWar, CyberTerror, CyberCrime* / Julie E. Mehan. – Cambridgeshire Business Park, Ely Cambs: ITGP. – 280 p.

Mehan, Julie E. (2014) *Cyberwar, Cyberterror, Cybercrime: An In-Depth Guide to the Role of Standards in the Cybersecurity Environment* / Julie E. Mehan. – Cambridgeshire Business Park, Ely Cambs: ITGP. – 404 p.

Meyer B., Geschiere P. (eds.). (1999) *Globalization and Identity: Dialectics of Flow and Closure (Development and Change Special Issues)* / editors: Birgit Meyer, Peter Geschiere. – Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 344 p.

Micek, D., Whitlock W. (2008) *Twitter Revolution: How Social Media and Mobile Marketing Is Changing the Way We Do Business & Market Online* / Deborah Micek, Warren Whitlock. – Las Vegas. Xeno Press. – 257 p.

Miller, M. (2011) YouTube for Business: Online Video Marketing for Any Business / Michael Miller. – Canada: Que. – 368 p.

Mind, David A. (2004) Between Human and Machine: Feedback, Control, and Computing before Cybernetics (Johns Hopkins Studies in the History of Technology) / David A. Mind. – Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press. – 456 p.

Mindell, David A. (2011) Digital Apollo: Human and Machine in Spaceflight / David A. Mindell. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press. – 376 p.

Modelski, George (1987). Long Cycles in World Politics / George Modelski. – Seattle: University of Washington Press. – 244 p.

Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). (2008a) Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / ed: G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson. – NY.: Routledge. – 464 p.

Modelski, G. (2008b) Globalization as evolutionary process / George Modelski // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / eds: G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson (eds.). –NY.: Routledge. – P. 11-29.

Morozov, E. (2011) The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / Evgeny Morozov. – NY.: PublicAffairs. – 432 p.

Moschovitis, C. J. P., Poole, H., Schuyler, T., Senft, T. M. (1999) History of the Internet: A Chronology, 1843 to the Present / Christos J. P. Moschovitis, Hilary Poole, Tami Schuyler, Theresa M. Senft. – Santa Barbara, California. ABC-CLIO. – 312 p.

Mossberger, K., Tolbert, C. J., Stansbury, M. (2003) Virtual Inequality: Beyond the Digital Divide (American Governance and Public Policy) / Karen Mossberger, Caroline J. Tolbert, Mary Stansbury. – Washington, D.C: Georgetown University Press. –160 p.

Mothe, J. de la and Foray, D. (eds). (2001) Knowledge Management in the Innovation Process (Economics of Science, Technology and Innovation) / editors: John de la Mothe and Dominique Foray. – NY.: Springer. – 280 p.

Mullan, Philip (2014) The Digital Currency Challenge: Shaping Online Payment Systems Through U.S. Financial Regulations / Philip Mullan. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 192 p.

Musser, J. (2006) Web 2.0 Principles and Best Practices (O'Reilly Radar) / John Musser. – Sebastopol, CA. O'Reilly Media. – 101 p.

Naisbitt, John. (1991) *Megatrends 2000 Mass Market* / John Naisbitt. – N.Y.: Avon. – 384 p.

Nayar, P. K. (2010) *An Introduction to New Media and Cybercultures* / Pramod K. Nayar. – Malden, MA: Wiley-Blackwell. – 224 p.

Nentwich, Michael., König, René (2012) *Cyberscience 2.0: Research in the Age of Digital Social Networks* / Michael Nentwich, René König. – Frankfurt am Main, Campus Verlag. – 237 p.

Newman, M. (2010) *Networks: An Introduction* / Mark Newman. – Oxford: Oxford University Press. – 720 p.

Noor Al-Deen, Hana S. Hendricks, John Allen (2012) *Social Media: Usage and Impact* / Hana S. Noor Al-Deen, John Allen Hendricks. – Lanham, Maryland: Lexington Books. – 307 p.

Nordstrom, C. (2007) *Global Outlaws: Crime, Money, and Power in the Contemporary World (California Series in Public Anthropology)* / Carolyn Nordstrom. – Los Angeles: CA: University of California Press. – 256 p.

Norris, P. (2001) *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide (Communication, Society and Politics)* / Pippa Norris. – Cambridge: Cambridge University Press. – 320 p.

Norris, P., Inglehart, R. F. (2009) *Cosmopolitan communications: Cultural diversity in a globalized world* / Norris, Pippa, and Ronald F. Inglehart. – New York: Cambridge University Press. – 446.

Okin, J. R. (2005) *The Information Revolution: The Not-for-dummies Guide to the History, Technology, And Use of the World Wide Web* / J. R. Okin. – Winter Harbor ME.: Ironbound Press. – 352 p.

O'Meara, P., Mehlinger, Howard & Carolee, Krain, M. (eds.). (2000) *Globalization and the Challenges of a New Century: A Reader* / editors: Patrick O'Meara, Howard & Carolee Mehlinger, Matthew Krain. – Indiana University Press. – 520 p.

Osterhammel, J., Petersson, N. P. (2005) *Globalization: A Short History* / J. Osterhammel, N. P. Petersson. – Princeton University Press. – 182 p.

Pacey A. (1991) *Technology in World Civilization: A Thousand-Year History* / A. Pacey. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 250 p.

Pager, Sean A., Candeub, Adam (eds.) (2012) *Transnational Culture in the Internet Age* / Sean A. Pager, Adam Candeub (eds.). – Cheltenham, Edward Elgar Publishing. – 430 p.

Palumbo-Liu, David., Robbins, Bruce., Tanoukhi, Nirvana (2011) Immanuel Wallerstein and the Problem of the World: System, Scale, Culture / David Palumbo-Liu, Bruce Robbins, Nirvana Tanoukhi. – Durham, North Carolina: Duke University Press. – 263 p.

Pariser, E. (2011) The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / Eli Pariser. – Publisher: Penguin Press HC. – 304 p.

Paulson, H. M. (2010) On the Brink: Inside the Race to Stop the Collapse of the Global Financial System / Henry M. Paulson. – NY.: Business Plus. – 512 p.

Pavlichev, A. and Garson, G. D. (eds). (2003) Digital Government: Principles and Best Practices / editors: Alexei Pavlichev and G. David Garson. – Hershey, PA: IGI Global. – 394 p.

Payne, Richard J. (2012) Global Issues / Richard J. Payne. – New Jersey: Pearson. – 352 p.

Peck Jamie A., Wai-Chung Yeung H. (eds.). (2003) Remaking the Global Economy: Economic-Geographical Perspectives / editors: Jamie A Peck, Henry Wai-Chung Yeung. – London: Sage. – 288 p.

Pellegrini, T., Auer, S., Tochtermann, K. and Schaffert, S. (eds). (2009) Networked Knowledge – Networked Media: Integrating Knowledge Management, New Media Technologies and Semantic Systems (Studies in Computational Intelligence) / editors: Tassilo Pellegrini, Sören Auer, Klaus Tochtermann, Sebastian Schaffert. – NY.: Springer. – 352 p.

Porter, A., Read, W. H. (1998) The Information Revolution: Current and Future Consequences / Alan Porter, Walter H. Read. – Westport, Connecticut: Praeger. – 308 p.

Price, Monroe E. (2004) Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power / Monroe E. Price. – Cambridge, MA: MIT Press. – 317 p.

Quigley, Marian (2008) Encyclopedia of Information Ethics and Security / Marian Quigley. – Hershey, PA: Idea Group Inc (IGI). – 696 p.

Rennstich, J. K. (2008a) Is globalization self-organization? Joachim Karl Rennstich // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). – NY.: Routledge. – P. 87-107.

Rennstich, Joachim K. (2008b) The Making of a Digital World: The Evolution of Technological Change and How It Shaped Our World (Evolutionary Processes in World Politics) / Joachim K. Rennstich. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 276 p.

Reuveny, R. (2008) On forecasting globalization using world models / Rafael Reuveny P. // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change (Rethinking Globalizations) / Modelski, G., Devezas, T., Thompson, W. R. (eds.). – NY.: Routledge. – P. 380-399.

Rheingold, Howard (1992). Virtual reality / Howard Rheingold. – New York: Simon & Schuster. – 415 p.

Rheingold, Howard. (2002) Smart Mobs: The Next Social Revolution / Howard Rheingold. – Cambridge: Basic Books. – 288 p.

Rheingold, Howard., Weeks, Anthony (2014) Net Smart: How to Thrive Online / Howard Rheingold, Anthony Weeks. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 336 p.

Rigby, B. (2008) Mobilizing Generation 2.0: A Practical Guide to Using Web 2.0: Technologies to Recruit, Organize and Engage Youth / Ben Rigby. – San Francisco CA: Jossey-Bass. –288 p.

Ritzer, George. (2007) The Globalization of Nothing / George Ritzer. – Thousand Oaks, California: Pine Forge Press. – 264 p.

Ritzer, G., Atalay, Z. (eds.). (2010) Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates / editors: George Ritzer, Zeynep Atalay. – Malden. MA.: Wiley-Blackwell. – 488 p.

Riva, Giuseppe (1997) Virtual Reality in Neuro-psycho-physiology: Cognitive, Clinical and Methodological Issues in Assessment and Rehabilitation / Giuseppe Riva. – Amsterdam: IOS Press. – 209 p.

Robertson, R. (ed.). (1990) Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept / editor: Ronald Robertson // Globalization: Social Theory and Global Culture. Robertson R. (ed.). – London.: Sage Publications Ltd. – 1990. – P. 15 – 30.

Robertson, R. (2003) The Three Waves of Globalization: A History of A Developing Global Consciousness / Robbie Robertson. – London: Zed Books. – 288 p.

Ryan, Peter K. (2011) Social Networking / Peter K. Ryan. –NY.: The Rosen Publishing Group. – 48 p.

Sanders, T., Nelson, S., Morillo, S., Ellenberger, N. (2005) Encounters in World History: Sources and Themes from the Global Past, Volume One / Thomas Sanders, Samuel Nelson, Stephen Morillo, Nancy Ellenberger. – Columbus, OH: McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages. – 480 p.

Saul, J. R. (2005) *The Collapse of Globalism: And the Reinvention of the World* / J. R. Saul. – NY.: Overlook Hardcover. – 224 p.

Savicka, A. (2004) *Postmaterialism and globalisation: the specificity of value change in the post-communist milieu* / Savicka, Aida. – Vilnius: Research Institute of Culture, Philosophy and Arts. – 163 p.

Schepp, B. and Schepp, D. (2009) *How to Make Money with YouTube: Earn Cash, Market Yourself, Reach Your Customers, and Grow Your Business on the World's Most Popular Video-Sharing Site* / Brad Schepp and Debra Schepp. – NY.: McGraw-Hill. – 240 p.

Schuler, D. and Day, P. (eds). (2004) *Shaping the Network Society: The New Role of Civil Society in Cyberspace* / editors: Douglas Schuler and Peter Day. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 443 p.

Sher, Gene I. (2012) *Handbook of Neuroevolution Through Erlang* / Gene I. Sher. – New York / Heidelberg / Paris: Springer. – 851p.

Sherman, William R., Craig, Alan B. (2003). *Understanding Virtual Reality: Interface, Application, and Design* / William R. Sherman, Alan B. Craig. – Burlington, Massachusetts: Morgan Kaufmann. – 582 p.

Shih, C. (2009) *The Facebook era: tapping online social networks to build better products, reach new audiences, and sell more stuff* / Clara Shih. – Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall. – 236 p.

Shuen, A. (2008) *Web 2.0: A Strategy Guide: Business thinking and strategies behind successful Web 2.0 implementations* / Amy Shuen. – Sebastopol, CA: O'Reilly Media. – 272 p.

Singer, P.W., Friedman, Allan (2014) *Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know®* / P.W. Singer, Allan Friedman. – Oxford: Oxford University Press. – 320 p.

Slevin, J. (2000) *The Internet and Society* / James Slevin. – Cambridge: Polity. – 265 p.

Smil, Vaclav (2003) *The Earth's Biosphere: Evolution, Dynamics, and Change* / Vaclav Smil. – Cambridge, MA: MIT Press. – 356 p.

Smil, Vaclav (2005) *Creating the Twentieth Century: Technical Innovations of 1867-1914 and Their Lasting Impact (Technical Revolutions and Their Lasting Impact)* / Vaclav Smil. – N.Y, USA: Oxford University Press. – 368 p.

Smil, Vaclav (2012) *Global Catastrophes and Trends: The Next Fifty Years* / Vaclav Smil. – The MIT Press. – 320 p.

Smil, Vaclav (2013a) *Harvesting the Biosphere: What We Have Taken from Nature* / Vaclav Smil. – Cambridge, MA: MIT Press. – 307 p.

Smil, Vaclav (2013b) *Making the Modern World: Materials and Dematerialization* / Vaclav Smil. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. – 248 p.

Sorensen, Herb (2009) *Inside the Mind of the Shopper: The Science of Retailing* / Herb Sorensen. – Pearson Prentice Hall. – 256 p.

Stearns, Peter. N. (2009) *Globalization in World History (Themes in World History)* / Peter N. Stearns. – London: Routledge. – 176 p.

Steger M. B. (2003) *Globalization: A Very Short Introduction* / Martin B. Steger. – Oxford: Oxford University Press. – 168 p.

Steger, M. B. (2008) *Globalisms: The Great Ideological Struggle of the Twenty-first Century* / Martin B. Steger. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. – 236 p.

Steger, M. B. (2010) *Globalization: The Greatest Hits, a Global Studies Reader* / Manfred B. Steger. – Boulder, Colorado: Paradigm Publishers. – 320 p.

Stehr, N. (ed.). (2003) *The Governance of Knowledge* / editor: Nico Stehr. – Piscataway, New Jersey: Transaction Publishers. – 299 p.

Stehr, N. and Meja, V. (eds). (2005) *Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science* / editors: Nico Stehr and Volker Meja. – Piscataway, New Jersey: Transaction Publishers. – 451 p.

Stehr, N. (2006) *Knowledge Politics: Governing the Consequences of Science and Technology (Political Economy of the World-System Annuals)* / Nico Stehr. – Boulder CO: Paradigm Publishers. – 252 p.

Stein, L. (2011) *Generation Communication: For Teens Who Want to Get Ahead in the World* / Lee Stein. – Teaneck, NJ: Paradoxical Press. – 60 p.

Steinbock, D. (2001) *The Nokia Revolution : The Story of an Extraordinary Company That Transformed an Industry* / Dan Steinbock. – NY.: AMACOM. – 352 p.

Steinbock, D. (2007) *The Mobile Revolution: The Making of Mobile Services Worldwide* / Dan Steinbock. – London: Kogan Page. – 304 p.

Steinbock, D. (2010) *Winning Across Global Markets: How Nokia Creates Strategic Advantage in a Fast-Changing World* / Dan Steinbock. – San Francisco, CA: Jossey-Bass. – 304 p.

Stross, R. (2008) *Planet Google: One Company's Audacious Plan To Organize Everything We Know* / Randall Stross. – New York: Free Press. – 288 p.

Surowiecki, J. (2005) *The Wisdom of Crowds* / James Surowiecki. – NY.: Anchor. – 336 p.

Sutherland, Adam (2012) *The Story of Google* / Adam Sutherland. – NY.: The Rosen Publishing Group. – 48 p.

Tainter, J. A. (1990) *The Collapse of Complex Societies* (New Studies in Archaeology) / Joseph A. Tainter. – Cambridge: Cambridge University Press. – 264 p.

Taylor, P. J. (2003) *World City Network: A Global Urban Analysis* / Peter J. Taylor. – London; NY.: Routledge. – 256 p.

Thomas, D., Brown, J. S. (2011) *A New Culture of Learning: Cultivating the Imagination for a World of Constant Change* / Douglas Thomas, John Seely Brown. – Seattle, WA: CreateSpace. – 140 p.

Thomases, H. (2010) *Twitter Marketing: An Hour a Day* / Hollis Thomases. – Indianapolis, Indiana: Sybex. – 504 p.

Toffler, Alvin. (1984a) *Future Shock* / Alvin Toffler. – NY.: Bantam; (First ed., 1971). – 576 p.

Toffler, Alvin. (1984b) *The Third Wave Mass Market* / Alvin Toffler. – N.Y.: Bantam. – 560 p.

Tomlinson, J. (1999) *Globalization and Culture* / John Tomlinson. – Chicago: The University of Chicago Press. – 248 p.

Tomlinson, J. (2007) *The Culture of Speed. The Coming of Immediacy* / John Tomlinson. – Thousand Oaks, California: Sage Publications Ltd. – 180 p.

Treadaway, C., Smith, M. (2010) *Facebook Marketing: An Hour a Day* / Chris Treadaway, Mari Smith. – Indianapolis, Indiana: Sybex. – 312 p.

Underhill, Paco (2008). *Why We Buy: The Science Of Shopping* / Paco Underhill. – New York, Simon & Schuster. – 322 p.

Vaidhyanathan, S. (2011) *The Googlization of Everything: (And Why We Should Worry)* / Siva Vaidhyanathan. – Berkeley, CA: University of California Press. – 280 p.

van Dijk, J. A. G. M. (1999) *The Network Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd. – 272 p.

van Dijk, J. A. G. M. (2005a) *The Network Society: Social Aspects of New Media* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd. – 304 p.

van Dijk, J. A. G. M. (2005b) *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society* / Jan A. G. M. van Dijk. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications Ltd. – 248 p.

van Dijk, Jose (2013) *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media* / Jose van Dijk. – NY, USA: Oxford University Press. – 240 p.

Vattimo, G. (1992) *The Transparent Society (Parallax: Re-visions of Culture and Society)* / Gianni Vattimo. – Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press. – 136 p.

Vattimo, G. (2011) *A Farewell to Truth* / Gianni Vattimo. – New York: Columbia University Press. – 192 p.

Virilio, P. (2000) *The Information Bomb* / Paul Virilio. – NY. London: Verso Books. – 145 p.

Vise, D. A. (2008) *The Google Story: For Google's 10th Birthday* / David A. Vise. – Buena Park, CA: Delta. – 352 p.

Vogelstein, Fred (2013) *Dogfight: How Apple and Google Went to War and Started a Revolution* / Fred Vogelstein. – NY.: Sarah Crichton Books. – 272 p.

Wallerstein, I. M. (1991) *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System (Studies in Modern Capitalism)* / Immanuel Maurice Wallerstein. – NY.: Cambridge University Press. – 252 p.

Wallerstein, I. M. (2004) *World-Systems Analysis: An Introduction (A John Hope Franklin Center Bo)* / Immanuel Maurice Wallerstein. – Durham, North Carolina: Duke University Press Books. – 128 p.

Wallerstein, I. M. (ed.). (2005) *The Modern World-System in the Longue Durée (Fernand Braudel Center Series)* / editor: Immanuel Wallerstein. – Boulder, Colorado: Paradigm Publishers. – 256 p.

Warschauer, M. (2004) *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide* / Mark Warschauer. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. – 274 p.

Waters, M. (2001) *Globalization (Key Ideas)* / Malcolm Waters. – London, Routledge. – 272 p.

Weert, T. J. van (ed.). (2004) *Education and the Knowledge Society: Information Technology Supporting Human Development (IFIP Advances*

in Information and Communication Technology) / editor: Tom J. van Weert. – NY.: Springer. – 306 p.

Wheeler, B., Wheeler, G., Church, W. (2005) *It's All Connected: A Comprehensive Guide to Global Issues and Sustainable / Solutions* Benjamin Wheeler, Gilda Wheeler, Wendy Church. – Seattle WA.: Facing the Future: People and the Planet. – 150 p.

Wills, J. E. (2002) *1688: A Global History* / John E. Wills Jr. – NY.: W. W. Norton & Company. – 352 p.

Wilson, Mark I., Kellerman, Aharon., Corey, Kenneth E. (2013) *Global Information Society: Technology, Knowledge, and Mobility* / Mark I. Wilson, Aharon Kellerman, Kenneth E. Corey. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers. – 298 p.

Young, K. S., Abreu, C. N. De. (2010) *Internet Addiction: A Handbook and Guide to Evaluation and Treatment* / Kimberly S. Young, Cristiano Nabuco de Abreu. – Hoboken, New Jersey: Wiley. – 312 p.

Zarrella, D. (2009) *The Social Media Marketing Book* / Dan Zarrella. – Sebastopol, CA: O'Reilly Media. – 240 p.

Zittrain, Jonathan (2009) *The Future of the Internet--And How to Stop It* / Jonathan Zittrain. – New Haven, Connecticut: Yale University Press. – 352 p.

Научное издание

БУРЯК Виктор Владимирович

**НООСФЕРОГЕНЕЗ,
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО**

Ответственный за выпуск *Буряк В.*
Компьютерная верстка: *Штогрин Д.*

В авторской редакции

Подписано к печати 20.11.2014 г.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 12,8. Тираж 300 экз. Зак. № 06/11БН.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
95034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Декабристов, 21, оф. 216.
Свидетельство субъекта издательского дела ДК № 3562 от 28.08.2009 г.
E-mail: it.arial@yandex.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ФЛП Бражниковой Н.А.
295034, Республика Крым, Симферопольский р-н, пгт Гвардейское, ул. Н-Садовая, 22
тел. (0652) 70-63-31, +7 978 71 72 901
E-mail: braznikov@mail.ru